
С ОТРОГА ГЕЛИКОНА

Михаил Афинянин

Михаил Афинянин
С отрога Геликона

«Автор»

2017

Афинянин М.

С отрога Геликона / М. Афинянин — «Автор», 2017

Племена заселяют новые просторы, осваиваются, веками борются с природной стихией и друг с другом, но однажды... наступает момент разрозненным племенам стать единым народом, культурой, несущей в вечность свой неповторимый облик. Неожиданно люди начинают видеть манящую высоту Олимпа над собой и страшную пропасть Аида у себя под ногами. Эта тайна бытия открылась юному Гераклу, когда с отрога горы Геликон он отправился в путешествие с еще никому неизвестной, такой же юной богиней Афиной. Но оказалось, что вместе с Гераклом растет целое поколение людей, призванных изменить мир: среди них музыкант и поэт Орфей, кораблестроитель Арг, не приносящие жертв прорицатели Мероп и Телеф, не убивающая зверей охотница Аталанта и многие другие. Вместе лучшие люди ахейского мира отправляются в путешествие на Арго, но привозят оттуда нечто, по ценности не сравнимое с золотой бараньей шкурой. О том, как живут эти необычные люди, что ими движет, как они любят и дружат и повествует эта книга.

© Афинянин М., 2017

© Автор, 2017

Предисловие профессора археологии Густава Шмарнграбера

Профессия археолога хотя и относится к области науки, но на деле оставляет мало места для подлинного научного творчества. Археолог не строит меняющих представление об исторических процессах концепций. Он обыкновенно роется в земле и (конечно, при условии, что он честен перед сообществом коллег и перед самим собой) в принципе не может достать из нее того, чего в ней не оставили минувшие эпохи. Тем не менее, археология чревата порой такими неожиданностями, которых не способна учесть ни одна, самая изысканная и экзотическая историческая концепция. Примеров тому масса, и я не буду утруждать читателя перечислением широко известных фактов и громких имен.

Расскажу только вот о чем. Когда в середине 1990-х годов я только-только начинал свою самостоятельную научную карьеру, археологические конференции сотрясала сенсационная находка моего уважаемого коллеги, в те времена профессора этнологии Бременского университета Ганса Дуэрра. В поисках смытого штормовым приливом 1362-го года города Рунгольта его научная группа на оголяемом отливом морском побережье северной Фрисландии наткнулась на фрагменты древнесредиземноморской (в основном минойского происхождения) керамики. Это отодвигало открытие северогерманского побережья цивилизованным средиземноморским миром с путешествия марсельца Пифея (относимого к IV в. до н.э.) аж на девятьсот лет назад. Я с интересом тогда слушал доклады Ганса и читал его работы, но отнестись к этим исследованиям серьезно мне мешала видимая случайность находки. Я тогда еще не знал, что мне самому предстоит пережить нечто подобное.

Ранней весной 2009-го года мне позвонили из баварской службы охраны памятников и попросили выехать в район деревни Хохштадт в краю Пяти Озер. Случилось там следующее: некий крестьянин по имени Ральф решил перестроить стоящее посреди его поля деревянное подсобное строение. Однако, разрушив обветшавший сарай, он обнаружил, что фундаментом сарая помимо сравнительно новой бетонной заливки служила еще и необычная кладка из крупных бесформенных камней со скрепляющим раствором. Не зная, как поступить, крестьянин собрал соседей. Сообща они решили дать знать о находке в городской совет ближайшего города Веслинга, а оттуда информация попала уже в Мюнхен, к специалистам из службы охраны памятников. По характеру материала кладки прибывший на место сотрудник совершенно справедливо предположил, что находка относится не к римской эпохе, а к самому раннему средневековью. Посоветовавшись с начальством, он и связался со мной.

Приехав в Хохштадт через несколько дней, я собственными глазами убедился в его правоте. Картина получалась очень интересной. От эпохи Меровингов до нас дошли практически одни только церкви, строившиеся в больших городах, зачастую на фундаментах бывших римских базилик или языческих храмов. Здесь же поблизости не было ни единого значимого следа античной цивилизации. Правда, в четырех километрах пролегла оживленнейшая римская магистраль, соединявшая Ювавум, нынешний Зальцбург, с Августой, нынешним Аугсбургом, а в позднеимперские времена – столицей провинции Реция Вторая. Но этого казалось все же маловато для того, чтобы предположить возрождение цивилизованной жизни после краха империи именно в этом месте. С воодушевлением я спросил о возможности провести раскопки. Надо сказать, что в Баварии очень неохотно выдают на них разрешение, придерживаясь того мнения, что раскопки уничтожают памятник в его первоначальном виде. Чиновник на это предложил мне написать в их службу официальный запрос, который будет рассмотрен по всем правилам.

На мое удивление через несколько месяцев разрешение было выдано. Еще через год я получил финансирование. Летняя погода благоприятствовала полевым работам, за которые я без промедления принялся. Всюду на протяжении раскопок меня и моих студентов сопро-

вождали загадки. Найденная Ральфом кладка оказалась частью стены достаточно скромного по размеру господского дома усадьбы типа римской *villa rustica*. Однако, насторожило нас сразу вот что: число фигурных мраморных деталей внешней отделки – розеток, фрагментов античных статуй, небольших декоративных колонн, осколков облицовочных плит (большая часть облицовки была, видимо, расхищена) – превосходило доступные нашим представлениям о меровингской эпохе пределы. Мне порою не верилось, что я работаю в далекой от Среиземноморья родной Баварии. По находкам я был ближе к чему-то вроде Парфенона, только гораздо менее грандиозному по масштабам. Трудно даже вообразить, какими белыми воронами должны были быть хозяева этого поместья среди своих соседей.

Дальше – больше. Мы добрались до пола. Пол был римским. Мы сантиметр за сантиметром открывали напольную мозаику. Удивительно было, что по римскому полу продолжали ходить во времена Меровингов и, больше того, предприняли попытку его реставрации. При этом, работа была сделана на удивление качественно и с использованием камня греческого происхождения. Особенно показательным в этом плане было лицо мальчика-Амура, держашегося за подол платья своей матери Венеры. Поверхность правой половины его лица оказалась лишь чуть менее изношенной в сравнении с левой, а в остальном отличия было на вид найти практически невозможно. Затем мы, конечно, добрались до римских слоев и обнаружили вполне ожидаемые следы разрушений: сначала в V в., когда вследствие участвовавших германских набегов вести хозяйство вдали от защищенных пунктов стало невозможно, а потом во второй половине III в., что хорошо коррелирует с нападением аллеманов и ютунгов на Рецию.

Самое интересное началось после. Весь внешний декор и напольная мозаика хотя и запаздывали лет на двести, были типичны по крайней мере для античности. Совершенно непредвиденный сюрприз ожидал нас в под полом подсобных помещений этого необычного поместья. В римскую эпоху этот подвал использовался в качестве эргастула, тюрьмы для провинившихся рабов. Раннесредневековые владельцы уделили подвалу особое внимание: они тщательно гидроизолировали его стены смесью битума и смолы (само по себе это уже уникально для средневековой Европы) и замуровали два окна. Таким образом, они создали внутри достаточно сухой микроклимат, способствовавший хорошей сохранности органических материалов. Там хранили выполненные в классической греческой манере мраморные статуэтки, сохранившие оригинальную полихромия и, – очевидно, самое главное, – четырнадцать пергаментных свитков.

Статуэтки, все примерно одинаковой высоты в тридцать сантиметров, стояли каждая в своей нише. Если в этом подвале сесть на пол, то складывается полное впечатление разговора с ними – все статуэтки приходится сидящему на уровень глаз. На потолке невооруженным глазом были видны следы копоты – меровингские хозяева частенько приходили сюда с масляными лампадами и проводили тут немало времени. В углу стоял небольшой сосуд, в котором мы обнаружили остатки масла. Его доливали в светильник по мере надобности. Вероятнее всего, после ухода хозяев, до нас в этот подвал никто не входил. Лестница была замурована сверху многотонной каменной плитой.

Я перечислю здесь эти статуэтки. В центре помещалась фигура голубоглазой девушки в шлеме и доспехе, с круглым щитом со слабо проступающим на нем лицом мужчины. Лицо было обрамлено золотыми солнечными лучами, то есть принадлежало антропоморфизированному солнцу. Мы прозвали эту девушку для себя Минервой. Справа от нее стояла женщина в светло-голубом платье. Мы прозвали ее «голубой девой». Далее располагалась небольшая композиция, на которой некое морское чудовище, выпрыгивало из воды вместе с держащейся за его шею женщиной с экстатическим выражением лица. Эта композиция получила символическое название «девушки с тритоном». За ней следовала ниша с круглолицей женщиной-охотницей. За спиной у нее был горит с луком и стрелами, на поясе нож, а у ног лежал, вероятно, убитый ею олененок. При этом, в теле олененка не было ни стрелы, ни вообще какой-либо раны. Не

сговариваясь, мы все стали именовать эту женщину Аталантой. Еще правее стояла светловолосая девушка в простой одежде с заткнутым за пояс полотенцем. Она смотрела на свою правую ладонь, поднятую на уровень груди. На ладони стоял маленький человечек с крыльями бабочки за спиной. Он смотрел на девушку так, будто бы, разговаривал с нею. За этой статуэткой у нас закрепилось имя «девушки с эльфом». Наконец, замыкала вереницу женских образов черноглазая миловидная девушка с ямочками на щеках в нежно-розовом платье с голубой накидкой, покрывавшей плечи. О ее прозвище мы со студентами долго спорили, но в итоге победила «невеста».

По левую руку от Минервы шли сплошь мужчины. Первый из них был прикован к черной скале истекающим кровью, заросшим ниспадающими на лицо волосами и практически нагим, в одной набедренной повязке. В нем было трудно не угадать Прометея. Сосуществовал с ним сидящий за игрой рыжий и грузноватый кифаред. По поводу него разногласий так же не возникло, потому что все признали в нем Орфея. Дальше шел «портрет минойского семейства» – так мы назвали следующую скульптурную композицию. На ней изображенный в полный рост мужчина средних лет, нежно, по-семейному опирался руками на плечи темноволосой женщины в наряде, характерном для минойских фресок. Эта женщина сидя держала на руках ребенка. Следующей, тоже сидящей фигуре мы дали название «кострового», поскольку человек на ней сидел на древесной колоде с длинной палкой в правой руке и внимательно смотрел на горящий перед ним костер. По следам копоти и пепла было видно, что в кострище «кострового» время от времени жгли лучины. Крайним в этом мужском ряду оказался зеленоглазый и рыжеволосый юноша с проникновенным, напряженным взглядом заносающий для удара короткий меч. У клинка этого меча был довольно странный изумрудный цвет, очаровавшись магией которого, мы окрестили этого юношу «убийцей Пифона».

Еще одна статуэтка лежала расколотой на несколько частей на полу. Сразу же в глаза бросилось подвесное отверстие у нее на спине с остатками оборвавшейся от времени толстой веревки. На потолке сразу же обнаружился ответный бронзовый крючок. Статуэтка должна была изображать парящего в воздухе лучника с золотыми солнечными лучами, исходящими из лица. Без сомнения, именно это лицо и отражалось в щите Минервы. Мы прозвали его Аполлоном.

Несмотря на то, что отдельные изображения казались узнаваемыми, ни я сам, ни мои ученики, ни коллеги, которых я приглашал на осмотр этого подвала, не смогли найти какой-либо объединяющей их идеи. Забегая вперед, скажу, что статуэтки изображают героев хранившихся вместе с ними рукописей. Не разъясняя пока, кто есть кто, предоставлю читателю самому судить о том, насколько точными или неточными оказались приведенные выше прозвания, которые мы им дали для первых научных сообщений.

Собрав вместе результаты всех лабораторных исследований, мы получили следующую картину. После окончания римского периода жизнь в поместье возобновилась ближе к концу VI в. Тогда же, практически одновременно были возведены все постройки меровингской эпохи и в дальнейшем они только поддерживались в надлежащем состоянии. Это соответствует по времени установлению в Баварии стабильной власти рода Агилольфингов, вассалов франкских Меровингов. Многие указывают на византийское или, даже точнее, ближневосточное происхождение новых хозяев Хохштадта. Разрушение поместья со всем мраморным убранством относится к концу VIII в., что так же имеет четкую привязку к Агилольфингам: именно тогда Карлом Великим был отстранен от власти и выслан из страны последний правитель этой династии. Бавария становилась частью империи франков.

Отдельно следует упомянуть о датировках пергаментов. Сам писчий материал относится к VI в., то есть, был, по-видимому, приобретен будущими хозяевами Хохштадта непосредственно перед их переселением в Баварию. Чернила же, которыми написаны тексты, приблизительно на два столетия моложе. Это означает, что писались тексты незадолго до того,

как имение было покинуто, возможно, в (достаточно дальновидном) предчувствии какого-то неблагоприятного развития событий. В свете этих результатов знакомство с содержанием манускриптов было ошеломляющим. Двенадцать из четырнадцати свитков содержат художественный текст, который с полным правом можно назвать новым, ранее неизвестным науке античным романом на древнегреческом языке. В тринадцатом свитке собраны латинские комментарии к роману. В основном это известные нам по другим источникам сюжеты античной мифологии, но среди них попадаются и вполне специфические замечания. Кроме того, папирус с комментариями сообщает нам имя автора романа – *Михаил Афинянин*. Наконец, четырнадцатый, едва начатый свиток содержит древнегреческие стихи, по манере напоминающие стихи, встречающиеся в тексте романа. Последний стих обрывается буквально на полуслове.

Следует заметить, что язык и понятийный аппарат романа намного древнее меровингской эпохи. Духовные истоки отраженного в тексте миропонимания гораздо естественнее возводятся к неоплатонической и оригенистской философии II-III вв., нежели к современной хозяевам Хохштадта литературе. Вероятнее всего, роман только переписывался в Хохштадте, а не сочинялся. Латинские комментарии скорее всего были составлены уже в Баварии, когда семья лишилась доступа к античному наследию, а затем переписаны заодно с основным текстом.

Перед историком, держащим в руках всю представленную сумму фактов, встает сразу уйма вопросов. Если обнаруженный текст действительно восходит к позднеантичным временам, почему мы не слышим его отголосков в произведениях других римских и византийских авторов? Что заставило хозяев Хохштадта, византийцев, покинуть родные места и поселиться в холодном и, к тому же, захваченном варварами краю Пяти Озер? Чем они занимались в бывшем эргастуле? Едва ли речь шла о религиозном поклонении, потому что хозяева явно были христианами – в меровингских слоях мы нашли несколько нательных крестов. Почему подвал был тщательно замурован от случайных посторонних глаз? Почему имение было покинуто? Почему Хохштадское поместье, самим своим видом напоминавшее о былой славе античной культуры, оказалось разрушенным во время начала первого в средневековой Европе обращения к древним истокам, на заре Каролингского возрождения?

Несмотря на истекшие с момента обнаружения памятника пять лет, историческая наука все еще далека от ответов на эти вопросы, хотя исследования ведутся, и любители древностей вправе рассчитывать в не таком уж отдаленном будущем хотя бы на частичное раскрытие этих тайн. Как для археолога для меня пока ясно одно: люди, сохранившие для нас эти манускрипты, очень хотели, чтобы их прочли в будущем. Я очень рад, что невольно оказался причастным к осуществлению их, без сомнения, светлой мечты.

Мюнхен, декабрь 2015 года

Пролог на небе

Зевс

Здравствуй, моя лучезарная, нежная девочка Гера!

Гера

Здравствуй, мой юный, перунометательный, царственный Зевс!

Зевс

Слышала новость?

Гера

Какую?

Зевс

Пришедшую с вышних небес.

Гера

Новости я не слыхала, но чудится мне перемена.

Зевс

*Чуткое сердце девичье правдиво твое, дорогая.
К миру иному спуститься, к его островам и горам
Волею высшей, чем мы, олимпийцы, назначено нам,
Сделать своим этот мир от Борея до южного края,
Выстроить в нем города...*

Гера

*Ах как несказанно я рада!
Сердце меня в этот мир уж веками манило!*

Зевс

*Да не забудь же, мое золотое светило,
В центре большого и шумного первопрестольного града
Брачный чертог нам с тобой для себя надлежит возвести.*

Гера

Брачный чертог! Наконец! Ведь об этом мечтали, любимый!

Зевс

*Да! Только гложет тоска меня неизъяснимо:
Здеиные кто же займет эти наши с тобою посты?*

Гера

*Думаю, нет тосковать нам с тобою весомой причины:
Видела давеча я поутру в заревой вышине
Звезду голубую – так странно светила во тьме.
«Кто ты?» – я спросила. Звезда отвечала: «Я – дева Афина.»*

Зевс

*Знаю ее! И о ней поведу сейчас славную речь я
Мне говорили о ней с наднебесных высот непостижных:
Силою духа она превосходит сестер твоих ближних.
Сестры, что Нила долину, илестые пашни Двуречья,
Сенью своей покрывают – вот им, всеблагим, она ровня.*

Гера

*Ах, милый! Как кстати ты вспомнил великие царства земные!
Крит и Микены, и Иолк, и Тиринф, семивратные Фивы,
Что с ними станет, когда чертог наш застелется кровлей?*

Зевс

*Длинная ль, краткая ль мысль – все тонет в бездонной пучине.
Можем ли тем возражать, кто нас много выше поставлен,
Тем, кому мы сотворим, кто всей нашей жизнью прославлен?
Нет, Гера. Думаю я, должны доверять мы Афине
Как люди нам верят.*

Гера

*Тогда дары поднести ей уместно!
Видится мне череда правителей, воинов, провидцев,
Изысканных мастеров, жен милых и жриц, сердцем чистых, –
Пусть строится наша земля во славу богов повсеметно!*

Зевс и Гера

*Всех выше поставим меж них вожака, чтоб по тверди ступал
Ее невесомой пятою.
В радости, в песне и танце, и в буйных весенних цветах –
Такой ей счастливый приход уготовим!*

Из Орфея^{1}*

Пролог на земле

В конце лета прорицатель Телеф, как водится, собирал виноград. Это было для него горячее время, как по причине все не спадающей жары, так и по причине занятости от рассвета до заката. Заранее на специально отведенном солнечном месте Телеф разложил камни, на которые ставил полные плодов ящики с низкими бортами. Раньше прорицатель все делал один, и потому ящики были у него практически квадратными – иначе ему одному было не пройти между лоз. Но вот теперь уже два года, как ему во всем помогала Эрато, а потому и ящики он переделал: вместо квадратных они стали вытянутыми. В них вмещалось теперь больше винограда, и работа шла заметно быстрее.

Пока родители были заняты, маленький Династ, рожденный Эрато плод гераклова семени, сладко проводил время. Усевшись на землю возле одного из ящиков, он очищал от ягод одну гроздь за другой и уминал их за обе щеки. Это был первый год, когда ему было позволено наесться винограда от пуза. Мать напоминала ему о необходимости выплевывать косточки, но Династ когда их выплевывал, когда нет, и лепетал в ответ что-то свое. Отвлек малыша только малознакомый голос нагнувшегося к нему бородатого мужчины:

– Привет! – сказал тот и протянул ребенку руку. Маленький Династ немного испугался. Он недоверчиво протянул в ответ свою ладонь и в то же время другой рукой сильнее прижал к себе драгоценную гроздь, которую едва начал поедать. Гостем Телефа был сын Арестора Арг. Его густая черная борода так пугала Династа, привыкшего к гладко выбритому подбородку отца, что даже добрейшие голубые глаза не оттеняли этого испуга.

– Отец там, – показал Династ, даже не поздоровавшись, в сторону виноградника. Телеф, меж тем, уже заметил пришедшего к нему соседа, передвинул вместе с Эрато ящик на новое место и уже спешил поприветствовать знаменитого мастера.

– Да ты не бойся, – успокаивал Арг телефона сына. В левой руке мастер держал нечто накрытое куском ткани, который он теперь резким движением сдернул. – Посмотри лучше, что я принес твоему отцу. Это.... как ты, Телеф, говорил, его зовут?

– Это Прометей, один из титанов, – отвечал прорицатель, ополаскивая руки водой. – Здравствуй, Арг! Дай-ка и мне взглянуть.

Арг держал в руках исполненный заказ Телефа – деревянную статуэтку Прометея из куска магического, по заверению прорицателя, дуба. Титан с мощным телом был прикован к скале, его лицо изображало страдание.

– Твое искусство, как всегда на высоте, Арг, – похвалил Телеф мастера. – Точь-в-точь как Геракл и описывал. Смотри, даже кровь видна!

– Что ж, друг, ты мне все толком и в подробностях объяснил. Оттого и работа шла легко, и результат соответствующий. А то ведь заказчики знаешь какие бывают, – Арг показал в сторону дома Феспия, – сами не знают, чего хотят. Приходится додумывать собственным разумением, а потом выясняется, что должно было быть ровно наоборот.

– Отец, скажи, а ему больно? – спросил Династ. Телеф присел к нему и дал ближе рассмотреть статуэтку.

– Да, сын. И даже очень. Видишь, он закован в цепи, и весь в ранах. Но теперь мы поможем ему.

– А как? – снова спросил Династ и сочувственно погладил титана.

– Мы будем всем сердцем с ним и будем просить богов не оставлять его.

– А можно мне с ним поиграть?

– Нет, – возразил Телеф, – можно только посмотреть из моих рук. Этого Прометея Арг делал без малого десять недель. Если Прометей испортится, мне придется снова его просить, а у него уже очень много другой работы. Хочешь, Арг сделает специально для тебя что-то другое? Он – большой мастер по дереву.

– Нет, я хочу этого! Он такой сильный! – закапризничал Династ. Мальчик встал на ноги, пытаясь дотянуться до Прометея, но тут на ноги встал и сам Телеф, подняв статуэтку на недосягаемую для малыша высоту. Малыш огорчился и совсем расплакался. Эрато, бросив собирать виноград, увела его в дом. Для Династа приближалось время дневного сна.

Арг с умилением наблюдал за сценой, знакомой ему не понаслышке на примере собственных уже достаточно взрослых детей. Его изделия были и для них, не знавших недостатка в игрушках, в свое время очень соблазнительны.

– Наверное не надо было показывать ему твоего Прометея, – сказал он.

– Ну что ты, Арг! – отвечал прорицатель. – Династ должен приучаться к тому, что не с любым предметом можно играть.

– Хотел спросить тебя, Телеф. Меня почему-то не перестает волновать вот этот Прометей. Быть может, из-за того, что я долго над ним работал. Так бывает иногда. Скажи, он что, бог?

– Нет, друг. Он не бог, он всего лишь титан, но, думается мне, должен в не столь далеком будущем стать богом. Впрочем, все мы рано или поздно тоже будем кем-то вроде богов. Главная богиня, о которой донес Геракл – это дева со щитом и на колеснице, Афина, как он назвал ее.

– Нет, ты все же объясни мне: ведь ты ежедневно спрашиваешь и крайне успешно вещаешь волю богов. Скажи, каких же богов эта воля: воля ли это Зевса или воля вот этой щитоносовой девы?

– Послушай, Арг, прорицанию меня учил столетний фиванский старец Тиресий, и до сих пор я приношу жертвы так, как это делал он. Из этого можно заключить, что Зевс и до сих пор еще в силе – о богине-деве Тиресий ведь слыхом не слыхивал. Однако истолковываю знамения я часто несколько иначе, чем он. За это и ценил меня фиванский старец. Он считал, что я превзошел его. Понимаешь, помимо того, что я знаю как служить старым богам, я еще и открыт для всего нового. Ничто из переданного Гераклом меня несколько не удивляет, во всем у меня очень мало сомнений. Посуди сам. Разве Геракл похож на пустого мечтателя? Едва ли.

Похож ли он на человека, ищущего выгоды и ради этого вводящего в заблуждение других? Думаю, ты согласишься со мной, что нет. Наконец, все без исключения, о чем он написал в письме, уводит нас дальше от Аида, а в этом и состоит, как мне кажется, цель богов.

– Этому тебя тоже научил Тиресий?

– Нет. До этого я как-то дошел сам, рассказал Тиресию, но тот так и не смог с этим сжиться. Рассказ же Геракла меня только упрочил в этой мысли.

– Ну хорошо, – продолжил расспрос Арг, – если и вправду существуют вот эти новые геракловы боги, как я могу к ним приобщиться, чтобы почувствовать их силу?

– Видишь ли, всех людей, живущих сейчас, можно разделить на две части. Одним, совсем немногим, как Гераклу, эти боги открываются сами. Для других они будут прорастать из обычной жизни так же, как из семени прорастает колос.

– Не понимаю. Ты говоришь, боги будут прорастать. А как это?

– А тебе не нужно этого понимать. Ты – такой же, как и Геракл, принадлежишь к немногим счастливым.

Арг смотрел на Телефа словно на безумного:

– Как так? – спросил он.

– А что тут удивительного? – спросил Телеф. – Ты думаешь, ради забавы даются человеку такие руки, такой ум и такой глаз художника, как у тебя? И потом, неужели ты думаешь, я показал бы тебе письмо Геракла из одного желания иметь искусной работы статуэтку, не будучи абсолютно уверен в том, что ты этой чести достоин? Клянусь Зевсом, Арг, виноград, что ты здесь видишь, не успеет забродить до той поры, когда ты получишь моим словам подтверждение. А вот, кстати, – прорицатель показал на приближавшегося к ним верхом Феспия, – и твой вестник Афины. Здравствуй, сын Эрехтея! – поприветствовал прорицатель соседа. – Куда ты так торопишься?

– Здравствуйте, друзья! Я к вам и совсем ненадолго, оттого и тороплюсь. Арг, хорошо, что ты здесь. На, вот, тебе, почитай, может сочтешь это интересным, – Феспий протянул мастеру табличку и, показывая пальцем на статуэтку Прометея, которую тот все еще держал в руках, сказал: – А интересная вещица у тебя. Твоя работа?

– Работа-то, моя, – ответил Арг и продолжил, указывая на Телефа: – но заказал ее вот он.

– Ясно, значит не про мою честь.

– Быть может, ты все же объяснишь нам, сын Эрехтея, что причиной твоей спешке? – настаивал Телеф.

– Вот скажи мне, друг, – отвечал с улыбкой кекропиец, – сколько у тебя в доме детей?

– Один. Знаю, что у тебя сорок девять, но и дом-то с моим не сравнить.

– Что дом, Телеф? У тебя один сын – один отец, а у меня и отца-то в доме нет. Из мужчин один я, и тот – старик, а маленьких разбойников – целая ватага. Последние силы из меня тянут, но мне не жалко – для себя я пожил уже достаточно.

Друзья от души рассмеялись.

– Ладно, Феспий, тогда скажи домой, – сказал Арг, – да побыстрее, пока не подстроили тебе по дороге засаду.

– Да, пожалуй, мне лучше поторопиться. А, кстати, где Династ?

– Спит наверное уже твой внук. Эрато пошла его укладывать, – огорчил Телеф счастливого деда, но тот не слишком расстроился:

– Ладно, тогда мне тем более нечего здесь задерживаться!

– Подожди немного, – придержал Феспия прорицатель и, взяв несколько виноградных гроздей, связал их прутком и протянул кекропийцу. – Вот, хоть по яголке детям будет.

– Спасибо, Телеф! Я буду держать в тайне, где взял их, чтобы не оставить тебя на зиму без пропитания. Все, счастливо вам! Почитайте внимательно письмо. Может, дельное что-то надумаете.

Феспий во весь опор поскакал назад к дому. За все время этого разговора он даже не спешился.

– Вот ведь, человек! – не выдержав, с тяжелым вздохом, произнес прорицатель. – Умеет быть счастливым.

– Уж тебе ли, приближенному к богам, сетовать на судьбу? – пожурил друга Арг.

– Приближенному к богам? Ты, быть может, удивишься если я скажу, что Геракл и даже ты сам гораздо ближе божественной воле, нежели я. Вы – ее творцы, а мне надлежит лишь слегка, совсем немного направлять таких, как вы.

Видя полное непонимание на лице мастера, Телеф решил на этом больше не останавливаться.

– Ладно, довольно обо мне, – сказал он. – Что там в этой табличке?

– Возьми, наконец, своего Прометея. Тогда я смогу прочитать.

Телеф тихо, дабы не спугнуть спящего сына, занес в дом статуэтку. Арг присел на стоявшую неподалеку колоду и уткнулся в табличку.

– Нет, на свете определенно есть несовместимые вещи! – возмутился мастер, когда к нему снова подошел Телеф, теперь уже с молодой супругой. – Верно может быть только одно из двух: либо я – не Арг, сын Арестора, либо этот Пелий – не безумец.

– Какой такой Пелий? – недоуменно спросила Эрато. – О чем вы тут говорите?

– погоди, ты говоришь, Пелий? Это ведь царь Иолка, – воодушевленно произнес прорицатель. – Можно мне взглянуть?

Арг передал табличку Телефу.

– В самом деле! Как же давно я не видел минийских писем с севера... – сказал тот, едва взглянув на нее. – Что ж, друг, тебе предстоит увидеть мою родину, страну северных миниев. Это благодатнейшие края!

В этот момент за домом послышался топот конских копыт. Всадник в полном тяжелом вооружении с кадмейской змеей на доспехах и на щите остановился и слез с коня перед беседующими друзьями. Эрато сжала руку Телефа. Он почувствовал, как скакнуло сердце супруги. Три года назад точно такой же всадник привез ей письмо от Геракла.

– Привет тебе, о Телеф! Для тебя царское послание из Фив, – сказал посыльный.

Прорицатель вернул табличку, что принес Феспий, Аргу и принял новую.

– Спасибо, Актор! Давненько тебя не было видно.

– Ну, случай никак не представлялся. Снова Геракл тебе пишет. Ответ прямо сейчас сочинишь?

– Нет, некогда. Послания, видишь, сегодня одно за другим приходят, а работа стоит. Ответ я передам с Менандром, когда тот снова соберется в Фивы. Так и скажи Гераклу. Кстати, винограда не желаешь? Только сегодня срезали.

– Не откажусь, – Телеф отдал Актору еще одну гроздь, после чего тот распрощался и ускакал.

– Что же там? – не терпелось узнать Эрато.

– Прости, Арг, это от Геракла. Я должен немедленно прочитать, – извинился перед другом прорицатель. Мастер согласился подождать.

Эрато не выдержала над письмом и нескольких мгновений. Она побелела от волнения и, не говоря ни слова, едва ли не бегом снова удалилась в дом.

– Что с ней? – спросил сын Арестора, когда Телеф, наконец, поднял глаза.

– Не обращай внимания, – ответил прорицатель. – А вот в Иолк по всей видимости ты отправишься не один...

– Послушай, Телеф, – решительно заговорил Арг, – ты действительно считаешь, что мне, неюному уже отцу семейства надлежит отправиться в Аксинское море?

– Друг, ты знаешь меня много лет, но если их было недостаточно, я объясню тебе. То, что говорю я, говорят в самом деле боги. Во всяком случае, я стараюсь так делать. Пойми, я – самый обычный человек. Я не царь, у меня нет никакой власти, нет оружия. Принудить тебя к чему-либо я не могу, да и не хочу этого делать. Потому моим словам ты можешь противиться сколько угодно. Но если с тобой заговорит она, дева со щитом, поверь, ты найдешь способ и убедить себя, что делать, как она говорит, правильно, и объяснить супруге, куда и почему ты отправляешься.

– Нет уж, Телеф, я всегда доверял тебе, но сейчас, прости, не могу. Мы тут все уже видели на примере Зевсова сына, как ты умеешь устраивать семейное счастье. Бедная Эрато, как я вижу, до сих пор не в себе. Меня ты не проведешь, как его. На сегодня довольно. Письмо это, – Арг встал и отдал его прорицателю, – я оставляю тебе. Может, найдутся другие желающие. За Прометея рассчитайся, как сможешь. Счастливо!

– Ты даже не возьмешь винограда?

– Нет, – раздраженно ответил Арг.

– Что ж, воля твоя. Прощай, аресторов сын!

Да, люди по-разному реагировали на прорицания. Недовольства и личные обиды не были для Телефа в новинку. На подобное – это он понял уже очень давно – нельзя никак отвечать. Потому он спокойно проводил мастера и направился к супруге в дом. Она лежала на ложе ничком.

– Не плачь, – говорил он Эрато и гладил ее по спине, – ты еще не раз увидишь его живым, а потом, может..., – умереть ему все равно не дано – и таким, как встретил Персей свою Андромеду... Я сделаю так, что он скоро будет здесь.

– Правда? – обрадовалась Эрато. Она резко поднялась и посмотрела мужу в глаза.

– Правда.

– Телеф, ты – самый лучший! – сказала она и изо всех сил обняла мужа.

Так вот утешал прорицатель свою супругу, Эрато, дочь Феспия. Остаток этого необычного дня они провели в работе.

А. Женщина со щитом

Закрой Элевсин, иерофант, и погаси огонь, да дух. Откажите мне в священной ночи! Я посвящен уже в мистерии более истинные.

Неизвестный оратор^{2}*

Глава I.

В этот день, когда по обычаю молодые мужчины ужинали отдельно, Андромеда решила не утруждать себя большим застольем и приказала накрыть в небольшой комнате всего лишь для троих: для себя, для жены старшего сына Никиппы и для внучки Алкмены. Персеев дом был тогда в расцвете, так что и в поколениях можно было легко запутаться.

– Устраивайтесь, девочки, – пригласила Андромеда к столу своих юных гостей; она улыбнулась им обеим своей морщинистой, но от этого не менее очаровательной, мягкой улыбкой. – Возблагодарим же богов!

Они начали кушать. Долгие церемонии были непозволительны: девочки были очень голодны, и старая царица это знала.

– Андромеда, – едва заморив червячка, с куском ячменной лепешки во рту заговорила Никиппа, – ну какие мы тебе девочки? Животы-то уже вон какие!

Да-да, дом Персея ждала двойная радость: почти одновременно должны были родиться два малыша. Эгинета, повивальная бабка, принимавшая роды еще у матери Алкмены, рассчитывала, что правнук персеид должен появиться на свет раньше очередного внука этак недели на две. Однако, рассчитывая сроки, она никогда не забывала прибавить, что она сама – всего

лишь служительница Илифии, а на самом деле только богине, да еще, быть может, владыке Зевсу дано знать точно, когда какому младенцу предначертано появиться на свет.

Замечание Никиппы не вызвало у Андромеды ничего кроме усмешки:

– Дочка, даже с большим животом ты еще можешь властвовать над своими мыслями, а вот после – пиши пропало. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Никиппа слегка насупила брови. Что бы ни сказали ей старшие, она почти всегда чувствовала себя уязвленной, в особенности в присутствии Алкмены. Никиппа была старше ее на несколько лет, к тому же, она была уверена, что носила под сердцем будущего тиринфского царя.

Они продолжали молча кушать при мерцающем свете лампад. В какой-то момент Алкмена без видимой причины сначала заулыбалась, а потом уже просто не смогла сдерживать смеха.

– Неужто опять дед пришел? – спросила Андромеда.

Она была права. То был Персей, доживавший свой земной век почтенный герой. Он никогда не скрывал, что Алкмена была его любимой внучкой. С тех пор, как она родилась, он не упускал случая ее рассмешить, соорудив какую-нибудь рожу. Он делал это так искусно, как больше никто в доме не мог. Он унимал любой, даже самый-самый горький ее детский плач. И даже теперь, повзрослев, выйдя замуж и будучи уже на сносях, в каком бы настроении она ни была, она не могла не смеяться при его виде. В этот вечер Персей выпил немного вина, и это делало его еще более смешным.

– Как чувствуете себя? – спросил он, входя и садясь на край андромединого ложа.

– Хорошо, – ответила Алкмена. Никиппе сам приход, а тем более речь старика были, ясное дело, не по душе.

– Вот что хочу я вам сказать, девочки. Это очень важно, запомните это хорошенько. Я много думал...

– Персей..., – Андромеда поняла, о чем он поведет речь, и поэтому решила помешать ему: эти мысли казались ей опасными.

– Не перебивай меня, Андромеда, – он стукнул кулаком по столу, так что почему-то именно Никиппино блюдо слегка подпрыгнуло, – в конце концов, царь я или не царь?

Он добился внимания юных сотрапезниц. Андромеда же, напротив, отвернула от него глаза и продолжала есть. Она очень нервничала. Сделав паузу и почувствовав, что он властвует над моментом, Персей продолжил:

– Так вот, слушайте. Я решил, что в случае если вы обе родите мальчиков, царем из них будет тот, кто родится раньше.

– Персей, ты же знаешь, что тебе наследует Сфенел, а... – снова попыталась вставить Андромеда, но он снова оборвал ее:

– Знаю, Андромеда, и он наследует! Но случись Никиппе родить позже, ее сын не будет царем никогда! Таково мое слово. Я уже объявил сегодня это сыновьям.

– И что?

– А что может быть? Это слово царя. Кто пойдет против него?

Никиппа громко хмыкнула, быстро, насколько могла, поднялась с ложа, и, демонстративно задрав носик и забрав блюдо с едой, вышла из комнаты. Персей от души рассмеялся, а за ним и Алкмена.

– Вот глупая, правда? – спросил он, обращаясь к внучке, но она в ответ только потупила взор. – Ладно, я устал, сегодня был трудный день. Вижу, что и вы тоже. Пойду я, пожалуй, спать.

Он попытался обнять Андромеду, но она оттолкнула его. Она устроила этот ужин отчасти и для того, чтобы сблизить Алкмену с Никиппой: ведь кто бы ни был в будущем царем, им

предстояло одновременно растить одного возраста малышей. От взаимопонимания молодых мамочек выиграли бы все.

– Вот ведь какая! – сказал он, снова кривляясь, Алкмене, – никогда не будь такой женой!

Персей поцеловал сияющую внучку на прощание и удалился.

– Вот герой! – стала сетовать Андромеда, – Он ведь давно с этим носился. Без вина не мог женщинам объявить... герой, ничего не скажешь. Только испортил вечер.

Андромеда стала собирать пустые блюда со стола. Она не хотела звать служанок. К тому же, ей было беспокойно и хотелось занять руки какой-то работой. Алкмена уже просто лежала на ложе. Она задумалась о чем-то своем. Улыбка, вызванная дедом, постепенно сошла с ее лица.

– Он ведь ради тебя старается, Алкмена.

– Бабушка, но, честное слово, мне это совсем не нужно. Мне все равно, будет мой сын царем или нет. И Амфитриону тоже. К тому же, я не знаю, может это дочь будет.

– Ну вот, поди расскажи ему это. Хотя бы подождет пока родятся, потом бы объявлял свою царскую волю.

– Неужели у него нет на это никаких причин?

– Мне он ничего не рассказывал, – проворчала Андромеда. Этот вопрос внучки волновал ее саму. Она знала его с юности как очень умного и рассудительного мужа, который почти всегда делился с ней мыслями по столь важным вопросам. Алкмене же еще только предстояло это узнать, но умом она уже хорошо понимала, каково это может быть, когда причина на самом деле есть, но рассказать о ней не представляется возможным. Она не по годам всерьез задумалась о том, какой важности решение вынашивал наверное дед, раз даже с верной и любимой Андромедой не смог посоветоваться. Какая-то тревога охватила ее, но не надолго...

Алкмену уже клонило в сон, но окончательно уснуть ей не давали уж очень активные в этот час движения малыша. Тогда она вспомнила о другой своей заботе последних недель.

– Бабушка скажи, а рожать – это больно?

– Да, больно.

– Почему боги устроили так?

– Не знаю, внучка, в мире много боли. Мужчины терпят ее на войне, а мы когда рожаем детей. Но наша доля более завидна: они с болью несут смерть, а мы – жизнь.

– Ты думаешь?

– Я не думаю, я знаю. Вот твой дед, зачем он затеял менять порядок наследования? Ты думаешь, он не понимает, что из-за этого будет война? Ни одна женщина, даже выпив столько вина, сколько он сегодня, не решилась бы так идти против установленного порядка.

Алкмена задумалась.

– Да, бабушка, ты права – сказала она и продолжила. – Я спрашивала Эгинету. Она говорит, от боли при родах нет никакого средства.

– Бедная моя Алкмена, – Андромеда под села к ней и обняла ее голову, – тебе страшно?

– Немного.

– Ну не надо так. Эгинета – очень опытная женщина. Она будет тебе помогать. С ней ты можешь себя чувствовать в безопасности. Мы привезли ее с Крита, когда гостили там с Персеем, еще для твоей матери, так что она очень опытная, и тебя знает с рождения. Какое счастье, что она согласилась у нас остаться... А на самом деле, как хорошо, что и у Сфенела наконец-то будет ребенок. Мы с Персеем думали, он подарит нам внука первым, а он вон какой... до сорока лет дотянул... Иных из наших внуков уже и в живых нет... Алкмена?

Но Алкмена уже уснула. Глаза Андромеды наполнились слезами, хотя, казалось, она должна была бы выплакать уже их все без остатка. В мыслях она негодовала на мужа.

Глава 2.

О том, что видела во сне Алкмена и видела ли вообще что-то в ту ночь, когда уснула на обеденном ложе у Андромеды, ничего не известно. Однако, совершенно достоверно известно о другом ее сне. Это случилось через несколько дней. Алкмена проснулась от резкой боли в животе и едва переводила дыхание, что в ее положении было неудивительно и даже, напротив, ожидаемо. Но припоминание о том, как эта боль возникла, заставило ее разбудить Амфитриона. Она стала тихонько его тормошить и звать, но он сквозь сон отвечал ей что-то невнятное.

– Амфитрион, проснись, послушай меня, – обратилась она, наконец, к мужу в полный голос. Он открыл глаза. – Амфитрион, я видела во сне что-то невероятное.

– Алкмена, тебе нельзя волноваться, – он привстал на ложе, и Алкмена прильнула к нему. – Так что же ты видела?

– Амфитрион, скажи мне, ты ведь помнишь тафиев?

– Как же не помнить? Единственная битва, в которой я пока участвовал была с ними.

– Я тоже их помню, помню, как их вели на рынок. Я была тогда маленькой девочкой, но хорошо запомнила эти жилистые, загорелые тела. И вот теперь я увидела их снова во сне. Скажи, а с какой стороны они пришли?

– Мы потом выяснили, что их корабли стояли на Истме у Коринфа. Они прошли по долине между Немеей и Микенами, затем свернули ближе к Микенам, миновали их и оказались на краю нашей равнины, откуда уже виден был Тиринф. Дорогу им показывал Местор, брат наших с тобой отцов.

Алкмена резко вздохнула от испуга:

– Как же он связался с этими ужасными пиратами? Я и не знала.

– Наверное тебя сочли еще маленькой, чтобы рассказывать о таком. Он повздорил с дедом. А дед, ты же знаешь, улыбается только тебе, а с остальными суров и неумолим.

– Так слушай же, Амфитрион, я точно видела во сне тафиев, и пришли они оттуда, откуда ты сказал. Я видела и тебя, и моих братьев, и Алкея, и Электриона, дед стоял на холме возле самых стен еще с несколькими людьми. Вообще много было воинов, но самое удивительное, что я была среди них, без доспехов и без оружия, прямо в этом спальном хитоне. Представь, как же я испугалась, когда в нас полетели тафийские стрелы...

Алкмена рассказывала так, будто переживала сновидение заново. Амфитрион хотел ее остановить, но как-то почувствовал, что то, что она рассказывает, действительно важно.

– И я вижу, – продолжала Алкмена, – что стрела летит прямо в меня, а деться мне некуда, я в плотном строю и щита нет, и тут я слышу, как мое имя выкрикивает женский голос. Я быстро поворачиваю голову в сторону и тут же назад, но, Амфитрион, этого мгновения достаточно, чтобы понять, что звала меня богиня... Высокая женщина в сияющих доспехах, а в глазах ее.... это трудно описать... ну словно... настоящая небесная синева. Все вокруг будто замирает в то мгновение, пока я смотрю на нее. Амфитрион, этого взгляда не забыть никогда....

– Но Алкмена, в тебя же летит стрела...

– Да-да, – подхватила снова Алкмена, – все происходит на самом деле очень быстро, так быстро я рассказывать не могу. Эта женщина в доспехах бросается мне под ноги и вытягивает вверх руку со щитом, стрела отскакивает со звоном. Она встает и закрывает меня собой, отражая еще несколько стрел. Да, я забыла сказать... Ее щит, он удивительно ярко блестит на солнце.... Когда она позвала меня, я увидела, что с той же стороны, что-то вдруг так ярко блеснуло... Потом я поняла, что это ее щит....

Алкмена замерла на мгновение, будто снова увидела отблеск этого щита – так показалось по крайней мере Амфитриону.

– Так вот, потом тафии сходятся с нашими, и я оказываюсь в самой гуще сражения. Я кричала и закрывала руками голову от страха, только изредка ее поднимая. Ты не представляешь, сколько раз заносились над моей головой тафийские мечи, сколько вражеских копий хотело пронзить меня, но эта женщина была так ловка, что каждый раз успевала меня защитить

и сразить того, кто на меня покушался. Потом я заметила, что у нее нет ни меча, ни копья, только щит. Но была она им так, что устоять на ногах не мог никто. Даже когда надо мной вздыбился всадник....

«У тафиев не было конницы,» – мелькнуло в голове у Амфитриона, но его можно было понять – ведь это была его первая битва.

– Даже когда надо мной вздыбился всадник, и я решила, что тут мне пришел конец, она сумела отбросить его вместе с лошастью. Я видела все: как погибли мои братья, как сильно напирала тафии, и казалось, что придется укрываться за стенами, как потом наши стали одерживать верх... Я как будто поборола свой страх в какой-то момент, но тут...

Алкмена резко изменилась в лице. Ее настигла очередная схватка, она застонала от боли.

– И тут твоя богиня пропустила удар? – спросил Амфитрион, улыбнувшись, когда Алкмена пришла в себя.

– Откуда ты знаешь? – она прижалась сильнее к мужу.

Он угадал, это было не сложно.

– Послушай, Алкмена, может позовем Эгинету?

– Нет, еще не пора.

В действительности Алкмена чувствовала приближение родов и подозревала, что этой ночью ей скорее всего уже не уснуть. Ей хотелось, однако, оттянуть их, побыть еще и еще немного рядом с Амфитрионом. Она знала, что Эгинета живет рядом, и, в случае чего, быстро придет на помощь.

Предчувствия не обманули дочь Электриона. Через очень короткое время схватки стали регулярными, и хотя сама Алкмена еще сопротивлялась, Амфитрион понял, что медлить больше нельзя.

– Позвать Эгинету! – крикнул он.

За дверью послышались топот и возня. Амфитрион только помог Алкмене перебраться на родильное ложе, которое уже несколько дней стояло приготовленное в их спальне, как у нее отошли воды. Оба они испугались до крайности, Амфитрион засуетился, но на счастье тут подоспела Эгинета. На этот раз она пришла со своей ученицей.

Несмотря на почтенный возраст и небольшой рост эта седовласая и необычно коротко постриженная критянка производила впечатление статной женщины. Во взгляде ее ощущалось достоинство. И было это отнюдь не самодовольство. Эгинета по праву пользовалась всеобщим уважением наравне с лучшими воинами. Прикосновение ее узких ухоженных рук, почти всегда аккуратное и заботливо нежное, но, когда надо, и причиняющее боль, знали многие женщины Тиринфа и даже Микен. Уже одно такое прикосновение было способно вселить в женщину уверенность, словно не Эгинета, а сама богиня Илифия касалась тела роженицы. В обычной жизни Эгинета была вполне обыкновенной кроткой женщиной, но на родах она преображалась: она действительно была будто бы одержима богиней, глаза ее горели, движения пальцев, отработанные за десятилетия, она повторяла всегда безупречно.

– Так, вижу-вижу, – сказала Эгинета, войдя и увидев на ложе мокрое пятно, – поторопился ты, воин. Прикажи, чтобы перестелили ложе и помоги жене встать. Да, еще пусть принесут больше света и откроют ставни.

Амфитрион все послушно исполнил. Ложе перестелили.

– А теперь вот что, Амфитрион. Хоть ты и персеид, царский отпрыск, но дело Илифии не терпит присутствия мужчин.

– Да, Эгинета, это ясно, я сейчас же оставляю вас. В добрый час!

Амфитрион спешно направился к двери, но Эгинета остановила его:

– Амфитрион!

– А?

– Скажешь это малышу, когда родится.

Он пробормотал что-то невнятное второпях. На самом деле он боялся ее взгляда, и почти что выбежал из комнаты. Взгляд критянки в этот момент был действительно страшен.

– Ну вот... – сказала Эгинета, оглядев еще раз опытным взглядом комнату.

Она поддерживала Алкмену, которую надо было немедля положить на вновь убранное ложе.

– Мелитта, раздень ее, – сказала Эгинета ученице.

– Да, Эгинета.

Мелитта сняла с Алкмены мокрый хитон. Они вдвоем медленно и осторожно препроводили ее к родильному ложу и накрыли легким покрывалом.

– Алкмена, когда будет больно, молись Илифии, как я тебя учила, – сказала Эгинета, промакивая ей лоб влажным лоскутком, – а мы с Мелиттой пока помолимся сами. Мы будем здесь, рядом, хорошо?

Только-только начинало светать. Звезды еще ярко горели на небе и одна, та, что ярче всех, что предвещает восход солнца, заглядывала через открытые ставни в комнату. Эгинета вместе с ученицей отошла в сторону. Они поставили на пол одну из лампад, встали на колени, и Эгинета начала:

– О великие боги, о владыка Зевс. Этой ночью новому человеку должно появиться на свет. Человек этот будет служить вам верой и правдой. Помогите же нам!

– О Эрот! – продолжала Мелитта, – Ты, что соединяешь воедино все живое и неживое! Презри на нас и помоги!

– О Афродита! О подательница великих благ! Ты, что связала любовью Алкмену и Амфитриона! Да не оставишь и плод этой любви!

– О Илифия! Наконец и к тебе обращаемся мы, скромные твои служительницы! Мы всегда были верны тебе, укрепи же наш разум и руки и в эту ночь!

С последними словами Мелитты из окна подул прохладный ветерок. Пламя лампы заколебалось и потухло.

– Это... – хотела было воскликнуть ученица, но Эгинета показала ей недвусмысленным знаком, что произносить этого вслух не следует.

– Алкмена не должна об этом знать, – прошептала она, – а мы, что бы там ни было, обязаны сделать все, что в наших силах.

Они вернулись к Алкмене. Поначалу все шло вполне гладко: она терпеливо сносила все страдания. Мелитта помогала Алкмене, легко потирая ей живот и прикладывая тряпочки, смоченные теплым маслом. Эгинета разговаривала с ней, подавала воды, протирала Алкмене лицо и время от времени контролировала ученицу. Уже почти совсем рассвело, зажженной осталась только лампада в руках у Мелитты, как вдруг послышались голоса за дверью, и один из них выкрикнул так, что в спальне отчетливо прозвучало: «Никиппа рожает!». Сердце Алкмены будто бы провалилось в это мгновение: она вспомнила о решении Персея, хотя тогда, за ужином, когда любимый дед объявлял его ей, Никиппе и Андромеде, оно ничуть ее не взволновало. Она напрочь забыла о нем в течение нескольких прошедших дней, но теперь... теперь почему-то все воспринималось иначе: желание быть первой, желание непременно родить царя возобладало в ней именно теперь, на родильном ложе. Эгинета зажглась негодованием прежде всего на того, кто посмел нарушить священный покой роженицы да еще и столь провокационными криками.

– Я еще не могу отпустить Мелитту, – отвечала она громко голосам за дверью, – бегите к Керике! Она все знает.

Но и Алкмене, по лицу которой не трудно было в этот момент прочесть мысли, Эгинета не дала спуску:

– Ты в своем уме, Алкмена? – ругала ее критянка. – Человека рожаешь, а не царя!

Это возымело действие. Алкмена вроде бы успокоилась настолько, насколько могла. Но через некоторое время страдания ее сильно возросли: она кричала и вцеплялась в руку Эгинеты. Даже опытной выдавшей виды критянке это показалось необычным. Она рассудила, что Наверное малыш очень большой и сильный и подбадривала этим Алкмену, говорила, что, проносив во чреве девять месяцев такого героя, сдаваться теперь никак нельзя. Роды затягивались. Эгинета немного начинала беспокоиться, потому как видела и понимала, что силы Алкмены истощаются.

Наконец, появилась головка малыша. Эгинета облегченно вздохнула в сердцах. Она оказалась права: высвободить головку не получалось, она была слишком большой. Решили помочь Алкмене небольшим разрезом. Для Мелитты это был первый такого рода опыт. Эгинета хотела ей все в деталях показать, и потому позвали еще одну женщину из служанок. Это тоже потребовало времени, ибо далеко не все по разным причинам могли спокойно себя чувствовать на родах. В общем, суть да дело, еще до полудня спальню, а с ней и внутренний дворик дворца огласил необычно низковатый по тону крик сына Алкмены. Его немедленно показали Амфитриону, тот поцеловал его в лоб и, как наказала Эгинета, пожелал ему: «В добрый час!». А чуть позже Алкмена с малышом, Эгинета и Мелитта уснули.

Чуть раньше уснула еще одна повитуха, Керика. Роды Никиппы выдались куда легче. Родила она на удивление безболезненно и быстро. Никиппа тоже, конечно, улеглась спать – так рекомендовала ей Керика, – но сон не брал ее. Она была слишком горда собою: в это утро она, как и хотела, родила будущего тиринфского царя.

Алкмена делилась потом с Амфитрионом пережитым прошедшей ночью и утром. Сон слился для нее с родами. Когда она закрывала глаза и кричала во время потуг, ей представлялось будто ее одолевают со всех сторон тафии, и она спасается от них вместе со своей щитоносной богиней. Еще ей врезалось в память лицо Эгинеты в тот момент, когда та кричала на нее: Алкмена видела за ним то ту же богиню, то морду какого-то зверя, очевидно, сильного и свирепого в схватке, но в то же время доброго и благородного.

Тяжелее всех прошедшая ночь и утро отразились на Персее. Тем непонятнее было для домочадцев, что изменения, произошедшие с ним, были не кратковременны: он так и не оправился до конца своих дней. Нет, он не слег в болезни и оставался в здравом уме, но, не по годам активный до рождения этих двух младенцев, он вдруг совершенно потерял интерес к городским делам. Складывалось впечатление, что нечто, поддерживавшее его, вдруг в одночасье истощилось. Он стал нелюдим, с сыновьями общался неохотно и лишь по крайней необходимости. Андромеда несколько раз отчитывала его как десятилетнего мальчишку: «Ну зачем, зачем ты подал нашей девочке пустую надежду?» – говорила она, а он, в точности как мальчишка, не знал, что ей ответить. Он действительно не знал, вернее, он знал, но ему казалось, что из его уст, из уст умудренного жизнью героя, это прозвучит ужасно глупо. С другой стороны, он не мог понять, как же так вышло: ведь все казалось таким очевидным. Неужто боги ошиблись? Нет, он был достаточно благоразумен, чтобы не гневить их такими мыслями. Но и себе он доверял. Во всяком случае, он был уверен, что так сильно ошибиться он не мог. Эти противоречия не давали ему покоя.

Кого старый Персей продолжал безумно любить, так это Алкмену. Теперь, поскольку государственные дела занимали его меньше, ему хотелось больше быть с ней, но она, понятно, была теперь всецело занята малышом. Он стал винить себя в том, что не уделял ей должного внимания раньше. Их неразрывная связь, начавшаяся с рождения Алкмены, никуда не делась, но претерпела существенные изменения. Строить ей рожи Персею было уже как-то несподручно. Он попробовал это сделать пару раз по старой памяти, но почувствовал себя неловко, да и Алкмена хоть и улыбнулась ему в ответ, но поймала себя на мысли, что теперь от присутствия деда ей хочется совершенно другого. Несмотря ни на что, их тянуло друг к другу, и сблизжала их теперь невысказанная тайна рождения правнука персеида. Они часто сидели вместе в

дворцовом садике в то время, когда Алкмена кормила маленького сына грудью. Несколько раз она начинала заговаривать с ним о своем сне и о щитоносной богине, но Персей, лишь только понимал, о чем идет речь, отшучивался, уходил от ответов. «Если бы она и вправду родила первой, вот тогда мы поговорили бы,» – так думал он про себя и продолжал рассуждать в таком духе, что если бы он и мог кому-то открыться, то ей и только ей. Но Персею казалось почему-то, что лучшие времена его процветающего дома прошли, и он движется к закату, а коли так, то все эти бредни по его представлению были мало кому интересны.

Глава 3.

Итак, сыну Никиппы, будущему царю Тиринфа дали имя Эврисфей, сына же Алкмены стали именовать Гераклом.

Геракл в самом деле родился очень большим, сильным и спокойным малышом. В полугодовалом возрасте он уже всюду ползал и вот-вот должен был начать ходить. Именно тогда Алкмена и Амфитрион впервые познакомили его с морем. Они окунали его в освежающую воду, что приводило дитя в неописуемый восторг. Геракл резвился в руках, то в материнских, то в отцовских, бил по воде руками и ногами и никак не мог понять, почему она щиплет ему глазки: в той ванне, в которой его купали почти каждый день, это было не так. Впервые он увидел так близко чаек. Внимательным поворотом головы сопровождал он каждый их полет. Но больше всего притягивали его взгляд паруса проплывавших вдаль кораблей. Позже уже дома Амфитрион смастерил, как мог, подобие корабля. Пуски на воду этой самодельной игрушки стали на ближайший месяц любимейшим занятием маленького Геракла. Масса развлечений было и на берегу. Конечно, не обошлось без того, чтобы попробовать на зуб и песок, и гальку, и ракушки и почти все, что прибывала к берегу морская стихия. Все же, пытаться строить из песка и тут же ломать построенное было куда как интереснее.

Счастливые родители не могли нарадоваться на малыша. Сидя на берегу они наблюдали за его игрой, разговаривая о чем-то своем, но на какое-то время они отвлеклись. Затем Алкмена встала, прошлась по берегу, оглядела горизонт. Краем глаза она видела ползающего на песке Геракла, но взгляд ее вдруг будто бы за что-то зацепился. Она замерла, не в силах ни сдвинуться с места, ни отвести от сына глаз.

– Алкмена, что же ты стоишь?! – крикнул сзади Амфитрион.

Он схватил первую попавшуюся в руки палку и ринулся в направлении маленького Геракла, но Алкмена остановила его вытянутой рукой.

– Стой, – спокойно сказала она ему, – посмотри.

Амфитрион стал рядом с ней. То, что они видели, ужаснуло бы любого родителя. Рядом с Гераклом туда и сюда сновали две змеи. Настроены они были явно не по-доброму: они пристраивались к малышу то с одной, то с другой стороны, то с опаской отползали назад. Удивительным же было то, что они не трогали младенца, будто бы им что-то мешало сделать последний, решающий бросок. Еще больше удивляло поведение самого Геракла. Он не боялся, а, казалось, даже напротив, играл со змеями. С серьезным видом он вертелся на коленках, пытаясь все время быть повернутым к ним лицом. Вдруг вдалеке что-то блеснуло. Алкмена вздрогнула.

– Ты видел, Амфитрион?

– Нет, а что я должен был видеть?

– Над морем снова была моя щитоносная богиня.

– Да нет же, Алкмена. Это рыба чешуя блеснула в чаечьем клюве.

По небу прямо перед ними в самом деле летела чайка. Змей между тем простыл и след. Маленький Геракл закапризничал, Алкмена взяла его кормить.

– Знаешь, Амфитрион, кажется мне, все это не спроста. Посуди сам, сначала дед решает поменять порядок наследования. Потом перед родами мне снится этот сон, и вот теперь эти змеи.

- Что же ты думаешь, Алкмена?
- Я не знаю. Мне кажется, Персей что-то знает, но он молчит. Ты видишь, как он изменился после рождения Геракла.
- Да, верно. Обратимся к прорицателю?
- Думаю, это лучший выход. Сама я теряюсь в догадках.
- Тогда сделаем так.
- Боги, только бы это было к добру.

Глава 4.

Между тем, недоброе предчувствие, охватившее Персея на склоне лет, оправдалось. В скором времени после его кончины его дом стали сотрясать разного рода мелкие дрязги, а заступивший на царство Сфенел не спешил разрешать их в пользу общего дела. Вместо этого он сам возвышался над остальными, не совершая при этом ничего героически выдающегося. Амфитрион, уже изрядно поднаторевший в военном деле, чувствуя, что дела движутся не в лучшем направлении, посылает письмо царю Фив Креонту с просьбой принять его к себе на службу. Фивы переживали непростые времена, и молодой энергичный военачальник пришелся там очень кстати. Гераклу к этому времени не было еще и пяти лет. Отъезду Амфитриона Сфенел не припятствовал, а наоборот, всячески содействовал своему племяннику.

Благодаря прорицателю Амфитрион тоже приобщился тайне рождения Геракла. Сознание того, что ему и Алкмене вверено растить сына самого Зевса, помогало им сохранить доверие друг к другу во времена семейных неурядиц. Алкмена оставила родной дом хоть и с сожалением, но с пониманием необходимости. В Тиринф она возвращалась на короткое время дважды: первый раз когда умерла Андромеда, а затем когда умерла Эгинета.

Амфитрион хотя и не отрицал и не сомневался в том, что услышал от прорицателя, все же никак не мог принять этого всей душой. Он никогда не рассказывал Гераклу о щитоносной богине, оставляя это матери: сам он никогда ее не видел. Гораздо охотнее он рассказывал сыну о подвигах своего деда. В них он тоже не принимал никакого участия, но рассказы Персея и Андромеды о реальных делах казались ему более убедительными нежели сновидения Алкмены. Однако самое главное, в чем Амфитрион видел свою задачу, – это воспитание Геракла. Какой бы бог ни принял участие в его рождении, жить ему все равно предстояло среди людей, а потому необходимо было овладевать людскими навыками. Так рассуждал Амфитрион. И поскольку Геракл рос мальчиком более чем просто крепким, отец решил, что быть ему не иначе как воином. С малых лет он показывал Гераклу упражнения стрелков, всадников, копейщиков, а когда тот немного возмужал, Амфитрион нанял ему учителей по верховой езде, по борьбе и кулачному бою, по стрельбе из лука. Сам он взялся обучать Геракла владению мечом и копьем.

Но был в обучении Геракла еще такой, на первый взгляд, странный момент. В те времена появился новый музыкальный инструмент, кифара. Ходили слухи о каком-то аркадце, якобы впервые смастерившим его, но аркадца этого никто в глаза не видел, и даже имени его не могли толком назвать. Как бы там ни было, Амфитрион и Алкмена впервые слышали кифару только в Фивах, из чего они сами заключали, что инструмент появился недавно. Звуки кифары и пение под нее понравились родителям больше, чем вся музыка, которую они когда-либо слышали. Кифара по общему признанию звучала благороднее слишком пастушеской флейты. Поддавшись этому новому поветрию, Амфитрион и Алкмена твердо решили: их мальчик должен непременно приобщиться к новому инструменту.

Кифаредом в Фивах был некий Лин. Он, будучи изначально плотником, сделал ее первым из дерева и для струн использовал вместо коровьих жил безумно дорогие по тем временам льняные нити. Но затраты того стоили – по своей чистоте звуки линовой кифары стали непревзойденными на то время. Однако Лин, хотя и не был особенно скромным человеком,

все время ссылался на некоего фракийца Орфея, которому он сделал такую же деревянную кифару, и в руках которого она издавала поистине божественные звуки. Когда же у него спрашивали, не может ли быть так, что просто кифара Орфея вышла лучше линовой, он всячески отнекивался и превозносил своего фракийского знакомого. Вот этого-то Лина и взяли в учителя Гераклу.

Однако, музыка никак Гераклу не давалась. Прежде всего, он не находил большого удовольствия в том, чтобы ее слушать. Он просто не понимал, для чего она нужна и, соответственно, не понимал, почему он должен учиться извлекать звуки, смысла которых не видит. К тому же, процесс обучения, заключающийся в длительных, оттачивающих движениях пальцев упражнениях, предполагавших сидение подолгу на одном месте, утомлял молодого Геракла больше нежели, например, упражнение в беге или с мечом. Родители видели, как, без преувеличения, страдает их сын от занятий кифарой, но прекращать их они и не думали. Всякий раз, когда Геракл упрашивал их покончить с этими его мучениями, Амфитрион напирал на то, что упорство – важнейшее качество воина, и что если Гераклу не нравится музыка как таковая, пусть он рассматривает эти занятия как упражнения в упорстве.

Конечно, страдал в свою очередь и Лин. Он тоже видел, как мучается бедный мальчик, и не раз говорил об этом Амфитриону, но тот снова и снова настаивал на продолжении обучения и периодически поднимал Лину плату. Трудно объяснить, чем руководствовался Амфитрион в своем упорстве. Так или иначе, по-видимому, он несколько перегнул палку, ибо случилось вот что.

Гераклу было настрого запрещено спорить с учителями. Все свое недовольство он всегда высказывал родителям, и Амфитрион улаживал возникавшие время от времени конфликты. До времени не спорил Геракл и с Лином. Однако, тут через родителей «правды» добиться ему никак не удавалось, и тогда он решился на запретное.

Кстати сказать, Гераклу было в это время уже восемнадцать лет. Он явно выдавался среди сверстников силой и красотой тела. Роста он был не слишком высокого, но и не слишком низкого. Его рыжие волосы причудливо вились и ниспадали на мощные плечи. Больше всего юный Геракл любил носить темно-зеленого цвета короткую хламиду. Она не стесняла его в движениях, и к тому же, как говорила Алкмена, она цветом подходила к его оливкового цвета глазам. Золотая застежка у него на груди, подарок матери, была выполнена в виде змеи. Таким цветущим и уверенным в себе юношей расхаживал Геракл по узким улицам Фив.

Таким же примерно явился он со своей кифарой в сад своего дома, где, ожидая его, уже музицировал Лин. Его от природы выпученные и к тому же в этот момент устремленные в какую-то бесконечную даль глаза выдавали жгучую преданность тому, чем он был занят. Геракл наблюдал за ним, некоторое время, скрываясь за дверью. Казавшаяся безумной увлеченность Лина смешила его до невозможности, но ему предстоял серьезный разговор, поэтому вышел и поприветствовал учителя он только тогда, когда сумел окончательно подавить смех. Лин повернулся и, продолжая еще перебирать струны, оглядел Геракла с ног до головы. Увы, ничего нового вроде, к примеру, горящих глаз ученика он не увидел. Он перестал играть, поставил кифару на землю и, тяжело вздохнув, поздоровался с Гераклом.

– Послушай, Лин, – обратился к нему Геракл, сев на стул напротив учителя, – я знаю, ты можешь меня сразу остановить и даже пожаловаться отцу, но ради богов прошу, выслушай меня.

К чести Лина надо сказать, что он уже несколько лет как был готов к такому повороту вещей и заранее для себя решил, что по крайней мере даст юноше выговорится. Кифареда поражал его нескончаемый запас терпения.

– Слушаю тебя, Геракл, – сказал он, посмотрев на юношу располагающим взглядом.

– Лин, я давно хотел тебя спросить... Скажи, для чего нужна воину музыка?

– О Геракл! Я верю, что музыка обладает огромной чудодейственной силой. Я сам видел, как мой друг Орфей умирал игрой на кифаре диких зверей. А если такое возможно, то, согласишься, внушить воину с помощью музыки отвагу не составит большого труда. Вот послушай...

Лин сыграл нечто, по его мнению, вселяющее боевой дух, но это не впечатлило Геракла. Разумный довод, правда, подействовал на него.

– Ты знаешь, Лин, – ответил он, несколько бравируя, – быть может я и соглашусь, что кого-то эта мелодия может вдохновить на подвиги. Но, не знаю, веришь ты мне или нет, я и без нее готов хоть сейчас биться с миниями.

Лин улыбнулся.

– Насколько я знаю, Геракл, отец хочет сделать тебя не простым воином, а военначальником, не так ли?

– Так.

– Ну а тогда посмотри на твоих сверстников: как ты думаешь, все ли из них так же отважны как ты? А если нет, почему бы не пробудить в них отвагу при помощи музыки?

– Хм, пожалуй ты прав, – вынужден был согласиться Геракл, – но тогда скажи, для чего мне самому уметь играть? Неужели военначальник должен это уметь и сам делать это для своих воинов? Неужели царь не может нанять, к примеру, тебя или хоть того же Орфея на службу для своего войска?

– Может, конечно, царь или военначальник, все равно. Но, дело в том, что, чтобы нанять кого-то, нужно понимать, что хорошо, а что дурно в этом искусстве. Лучший же способ понять – это приобщиться к этому искусству самому.

Лин продолжал смотреть на Геракла искренней отеческой улыбкой. Он умилялся чистой наивности ученика и, вместе с тем, восхищался зачатками заключенного в его юной душе благородия. Ученик же отнюдь не был счастлив, он досадовал на Лина, ибо впервые в жизни терпел поражение. Раньше времени, однако, он не желал сдаваться:

– А почему я не могу, – продолжал он спрашивать учителя, – положиться в этом вопросе на мнение знающих людей? На твое, например...

– Знающие люди, Геракл, безусловно, тебе помогут. На мое мнение ты можешь рассчитывать всегда. Но раз ты полководец, и заведешь в войске всем, что для него необходимо, решение все равно принимать тебе. Так что лучше бы разбираться в предмете самому. Это все равно как если бы тебе надо было построить городскую стену. Конечно, каменщики предложили бы тебе материал. Но, рассуди сам, неужели бы ты лично его не проверил? Ведь случись неприятелю слишком легким усилием пробить стену, вина за это будет вся на тебе.

– Хорошо, Лин, пусть ты тысячу раз прав, – отвечал Геракл, едва сдерживая слезы. Он был вне себя. – Я знаю, мой отец, только недавно впервые услышал кифару, и ничего в ней не смыслит. Но ты, Лин, ведь играешь давно, учеников наверное перевидел немало. Если ты считаешь, что тебе на меня стоит тратить время, я могу представить, какого мнения ты о самом себе!

Лин сколько угодно мог вести отвлеченные беседы о музыке, но самого себя он ценил и, как ему казалось, по праву. Переход на личность моментально взбесил его. С криками «ах ты, негодный мальчишка!» он бросился на Геракла, размахивая своей тяжелой кифарой. Геракл убежал и умело уворачивался от ударов. Одновременно он пытался объяснить Лину, что ничего плохого не имел в виду. Несколько раз он все же достаточно больно получил по рукам и по плечам. Геракл понимал, что лучшим исходом для него было бы покинуть поле этой неравной битвы, попросту убежать, но этого не позволяла гордость будущего воина. Нанести удар сам он боялся, ибо знал о своей силе. Долго он пребывал в такой нерешительности, после чего все же, улучив момент, размахнулся.

Ударенный кифаред упал на колени и закричал от боли. Однако закричав, он тут же изменился в лице, будто бы его что-то смутило. Он мгновенно успокоился, будто бы должен

был удостовериться в чем-то, и пропел: «Ааааа...». Потом еще раз тоже самое, только выше, потом еще раз ниже и потом еще несколько раз то выше, то ниже, в разных тонах. Геракл сначала недоумевал. Он пятился назад, глядя на умоляющее, едва ли не плачущее лицо учителя. Однако, он сразу все понял, когда из левого уха Лина заструилась кровь. Ухо это больше ничего не слышало.

Не на шутку перепугавшись, Геракл не нашел ничего лучше, как бежать.

Глава 5.

Дом Амфитриона находился ближе к южным воротам Фив. Вместо того, чтобы покинуть город кратчайшим путем, в возбуждении не разбирая толком, куда бежать, Геракл направился через весь город на восток.

Об дороге этой Гераклу много рассказывал отец, ибо несколько лет назад именно этой дорогой пришла в Фивы беда. Вела дорога через Тенерийскую равнину к небольшому городу Галиарту, а уже оттуда мимо озера Копайды в минийский Орхомен. С этим городом Фивы были в постоянной борьбе, но в последней битве фиванцы были разбиты на голову, вынуждены были разоружиться и платить миниям дань. Амфитриону чудом удалось сохранить оружие, с помощью которого он продолжал обучать сына. Вообще, Амфитриону, как военачальнику, да и всему его семейству пришлось после этой битвы несладко. Креонт перестал платить жалование, и жили они поэтому лишь за счет того, что разводили коров, стадо которых пригнали с собой еще из Тиринфа. Тем не менее, Амфитрион экономил на чем угодно, только не на обучении Геракла, и даже Лину только повышал плату. А этот самый Геракл, надежда и упование отца, между тем, покинул дом.

Все же достоверно неизвестно, выбежал ли он случайно тогда на орхоменскую дорогу или намеревался переметнуться к врагам. Так или иначе, богам было угодно совсем иное. Увы, в будущем Гераклу довелось лишь однажды повторить это путешествие. И то, делал он это второпях, на коне и был он при этом уже далеко не тем, полным надежд и предвкушений юношей. Вспоминая позже об этом побеге из дома, он сначала всегда называл эту дорогу дорогой любви, но потом очень быстро он поправлял себя: «...нет, это не столько дорога любви, это дорога надежды, дорога света...». Действительно, все самое светлое в жизни Геракла, быть может за исключением смерти, произошло в те немногие недели, когда он жил там, куда вела его эта дорога.

Он помнил на ней каждый шаг. Выходя из городских ворот, она шла по самому краю Тенерийской равнины: слева начинались холмы, отроги возвышающегося вдали Киферона, на которых выращивали смоквы. Еще дальше влево начинались обширные киферонские пастбища. Совсем немного впереди холмы слева отступали, но за то почти вплотную приступал острым краем справа другой холм, крутой и лесистый. На нем Геракл часто охотился с отцом. Дальше подернутая нежной зеленью полевых всходов равнина расширялась. За легкой дымкой далеко впереди величественно блистала еще сильно заснеженная вершина Парнаса. Чуть ближе своими таинственно-причудливыми контурами выступал Геликон.

До этого места и продолжал свой бег Геракл. Он впервые оказался за городом предоставленным самому себе и потому открывшийся ему вид наполнял его душу каким-то особым благоговением. Ему показалось вдруг, что горные вершины едва ли могут быть безжизненны. «Там должны обитать боги, – думал он, – Иначе, почему они так прекрасны?» Отдышавшись от бега, он глубокий вдох. В воздухе было столько запахов! Он удивлялся тому, как раньше он никогда этого не чувствовал, хотя проживал уже свою восемнадцатую весну.

Геракл не знал, что его никто и не собирался преследовать и поэтому полагал, что долго оставаться на месте ему нельзя. Однако, дорога, шедшая прямо, что вела на Онхест и Галиарт, была ему хорошо известна в то время, как восторг молодой души даже под угрозой опасности требовал новых впечатлений. Сама угроза будто-бы отодвинулась на второй план, став частью

какой-то удивительной игры между его телом, душой, людьми, множеством богов и всем, что он мог обозреть своими чувствами и своим умом. Он стал оглядываться вокруг и заметил сравнительно узкую дорожку, уходившую влево, будто бы, в направлении Геликона. Больше того, на ней он заметил следы от повозок – стало быть там жили люди.

В начале этого ответвления местность была пустынной – кроме дикой травы там ничего не росло. Это заставило Геракла снова вспомнить о Лине. Он корил себя за произошедшее, не понимая как могло случиться так, что его удар, не очень в общем-то сильный, пришелся несчастному кифареду прямо в ухо да еще и привел к тому, что тот потерял слух. Геракл хоть и не любил музыку, но то, что хороший слух важен для музыканта, он уже усвоил. Больше того, ему было ясно, насколько важна музыка для самого Лина. Геракл представил, чем станет без музыки жизнь учителя, и от этого ему стало еще тягостнее. Он умолял Зевса о том, что если тот и вправду является его отцом, простить его, а, главное, помочь Лину и вернуть ему слух.

Ответ бога не заставил себя ждать. Через некоторое время вдоль дороги то тут, то там, стали появляться все в цвету гигантские вековые платаны. Один из них Геракл обсмотрел со всех сторон. Он попробовал обхватить ствол, но длины его рук для этого не доставало – окружность платана была вдвое, а то и втрое длиннее. Сочетание мощи огромного сильного дерева и праздничной яркости красных круглых соцветий поразило Геракла. На душе у него стало несколько легче. Между тем, дорога шла небольшим уклоном вверх, к горам. Родная равнина скрылась из вида. Вдоль дороги мало-помалу начинали появляться дома и цветущие оливковые сады.

Солнце миновало зенит. Геракл понял, что шел уже довольно долго. Он вспомнил о том, что в течение всего этого времени не ел и не пил, и ему сразу же захотелось и того, и другого. Он стал уже прикидывать, в какой дом попроситься бы ему на постой, как вдруг увидел впереди себя группу всадников. Всадников было человек семь, и ехали они, очевидно, с охоты. При них было оружие, но доспехов не было. Не было при них и добычи. Они оглядели юношу, но сначала проехали мимо. Только когда они уже разминулись с одиноким путником, один из всадников все-таки окликнул Геракла.

– Эй, юноша!

Геракл обернулся. Человек, позвавший его, был из всех всадников самого низкого роста. Кроме того, даже в достаточно громком выкрике его голос слышался чрезвычайно мягким и вкрадчивым. Этот человек подъехал к Гераклу, слез с коня и протянул ему руку:

– Я Феспий, сын Эрехтея, родом из Кекропии, – представился он, – а это мои соседи. Они выбрали меня предводителем.

– Меня зовут Геракл, я сын Алкмены. Родился я в Тиринфе, но много лет живу в Фивах. Феспий смутился.

– Хм... Ты пришел из Фив пешком? И куда же ты направляешься? И еще, почему называешь себя по матери?

– Я никуда не направляюсь, я сбежал из дома, – произнес Геракл молодцевато и с улыбкой, а потом добавил: – Если хочешь знать, муж моей матери – Амфитрион. А называю я себя ее сыном, потому что говорят, что отец мой – сам Зевс.

У Феспия и его спутников это вызвало приступ смеха. Хоть Алкмена и много раз предостерегала сына от того, чтобы рассказывать кому-либо о прорицании, но он, как это часто бывает с детьми, не отнесся к ее словам серьезно. Впрочем, Геракл заметил, что один из всадников вовсе не засмеялся, а, выказав лишь намек на улыбку, скорее наоборот, о чем-то задумался.

– Вот, видите, – уверенно объяснял Геракл, – вы смеетесь. А что было бы, назовись я сыном Зевса сразу?

– Да, не каждый день нам выпадает такая честь! – обратился Феспий к друзьям, – Надеюсь, никто не возражает, если мы отобедаем сегодня с сыном Зевса?

Снова раздался смех, и снова тот же самый всадник единственным из всех не разделил общего веселья. Геракл заметил это во второй раз, но поддержал, все же, большинство своих новых сотрапезников. Хорошая трапеза – это как раз то, что ему было в этот момент нужно. Феспий посадил его к себе на коня. Так они и ехали к его дому и разговаривали по дороге.

– Так, Геракл, что же такого случилось, что заставило тебя покинуть дом? Амфитриона-то я знаю, его пастух пасет моих коров. Не знал только, что у него есть сын. А пастух этот, он, кажется, откуда-то с Понта.

– Да, верно, пастух наш из кочевников. А случилось, Феспий, то, что я ударил своего учителя, и теперь боюсь гнева отца.

– Хм... да, в самом деле, нехорошо. Чему же учил тебя этот учитель?

– Кифаре.

– Неужто, правда, кифаре? Ты музыкант?

– В том-то и дело, Феспий, что нет. Я – воин.

– Ну, то, что ты воин, это видно... Ладно, поживешь у пока меня, а там посмотрим. Как знать, может, пройдет гнев твоего отца. Сколько лет-то тебе?

– Восемнадцать.

– Охотился когда-нибудь?

– Да, и много. С Амфитрионом ходили.

– Замечательно! Будешь нам помогать. Вон там на Кифероне, – он показал вправо, – как сошел в этом году снег, лев завелся. Дерет наши стада, да и Амфитрионовы тоже.

– Да, я слышал об этом. Но отец говорил, что для меня это слишком опасно.

– Ничего, ты уже не мальчик. Мы договорились с твоим отцом, что охотой занимаюсь я. Но мы уже месяц как почти каждый день за ним рыщем, и все без толку. Ну вот, мы почти приехали. Нравится тебе?

Лошади шли по великолепному оливковому саду Феспия, который к тому же как раз в это время цвел ярко-желтым необыкновенно душистым цветом.

– Да, Феспий! Я остаюсь.

У дома Феспий расстался на короткое время с друзьями. Геракла слуги препроводили в дом. Впрочем, одного из друзей кекропиец попросил задержаться.

– Что Телеф, что-то чует твое вещее сердце?

– Не то что бы... Понимаешь, несколько лет назад мне рассказывал один старый прорицатель из Тиринфа о том, что к нему приносили младенца, в котором он узрел сына бога.

– Хм... Ну что ж, давай принесем жертву и спросим его. Ну а сам-то ты что думаешь об этом мальчишке?

– Ну телом он – сущий бог, а так... что сказать... мальчишка пока. Ну так и про Зевса говорят, что когда-то, родившись, он кричал так, что куреты вынуждены были заглушать его плач, гремя своими доспехами.

– Согласен. Ладно, Телеф, приходи на обед. А с Гераклом будем потом разбираться.

Отобедав вместе в доме Феспия, остаток дня все провели в отдыхе. Солнце садилось за Геликон и золотило окрестные горы. Когда Феспий вышел в свой сад, золото сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стало сменяться пурпуром. Неутомимые цикады еще не очнулись от зимнего сна, и поэтому было удивительно тихо. Как всегда осторожный Телеф, попытавшийся, не нарушая тишины, приблизиться к другу, порядком напугал его.

– Ах, это ты, Телеф... А я уж думал, это нимфы затевают со мной игру... – сказал Феспий, продолжая смотреть на багровеющий Киферон.

– Ты что же, боишься нимф, Феспий?

– А ты что, друг мой, хочешь сказать, что видел хоть одну нимфу?

– Нет... видеть, не видел, конечно... Мне кажется, глазами их вообще нельзя увидеть. Их можно только почувствовать...

– Как? Чем?

– Да всем телом... лицом, руками, ногами, всем, к чему ты дашь им прикоснуться.

Феспий усмехнулся.

– Не знаю, Телеф. Мне в таком случае ближе ласка моих женщин: все так же как ты говоришь, только их еще и видно, – ненадолго наступило молчание. Закат постепенно угасал.

– Впрочем, знаешь, – продолжал Феспий, – мне иногда нравятся твои речи. Хоть я их редко когда понимаю, но в них на все какой-то другой взгляд.

Феспий снова поймал себя на мысли о том, насколько ценен для него Телеф. Ему, да и всем в его небольшом окружении, Телеф казался крайне необычным человеком. Он был и вправду из тех, кого, узнав поближе, многие люди многозначительно произнесли бы про себя: «да... внешность обманчива». Его худое лицо и от природы тонкие руки и ноги производили впечатление болезни. Однако, на деле он был уж точно не слабее среднего фиванского воина и имел к тому же удивительно меткий глаз. Феспий очень рассчитывал на то, что именно его, Телефа, стрела сразит в ближайшие дни киферонского льва. Телеф имел дар прорицателя. Сомнению этого не подвергал никто в окружении Феспия, ему доверяли. Однако, незнакомцу при общении с ним могло бы показаться, что Телеф как будто бы слишком служил богам и почти совсем не заботился о людях. Выражалось это в том, что он был чрезвычайно скуп на проявления чувств, никого никогда и ни в чем не хотел убедить, говорил только самое необходимое. На деле ему представлялось, что долг его – сообщать людям волю богов, и потому все собственные переживания он оставлял при себе в угоду кристальной ясности. А переживал он, быть может, много глубже других, ибо временами не с чужих слов, а сам прикасался к исподней сути вещей, а этого прикосновения, он был убежден, никакими словами передать нельзя было. Повторяя все это в очередной раз у себя в голове, Феспий вспомнил о деле.

– Кстати, Телеф, есть ли что-то о нашем Геракле?

– Да. Собственно, с этим я и пришел.

– Что же ты можешь сказать?

– Все, как я и думал. Геракл и был тем младенцем.

Феспий задумался. Он опустил голову и правой рукой стал потирать свою короткую бороду. Вдруг неожиданно глаза его загорелись.

– Скажи, а тот прорицатель из Тиринфа еще жив? – спросил он у Телефа.

– Не знаю, может жив, может нет. Но знаки настолько ясные, что перепроверять нет надобности.

– Хм... Ладно. Спрошу тебя еще вот что. Как ты думаешь, стоит с ним породниться?

Телеф был изумлен вопросом. Он знал, что боги сходились и раньше со смертными, но делали они это исключительно по своей воле.

– На что ты рассчитываешь, Феспий? Смотри как бы не обернулась эта затея против тебя. Все же, боги нам, смертным, не ровня. В лучшем случае насмешишь людей или дочь сделаешь на всю жизнь несчастной. А в худшем, кто знает, что может быть. Если боги сочтут нужным взять тебя тестем, он сам посватается.

Феспий снова задумался. Эта мысль, мысль о том, чтобы породниться с бессмертным племенем захватила его воображение.

– А какого же бога он сын, этот Геракл?

– Самого владыки Зевса.

– Ну почему же не Эрота? – спросил Феспий с некоторой наигранной досадой. Телеф никак на это не отреагировал.

– Я знаю, – сказал он невозмутимо, – что из всех богов ты выше всех чтишь Эрота. Но Геракл – сын Зевса. Это точно.

– Ну Зевса, так Зевса, – произнес Феспий и тяжело вздохнул.

На небе меж тем стала проявляться звездная россыпь. Ночь обещала быть безлунной. Догорала еще только вершина Парнаса да застрявшие в ней облака. Феспия уже клонило ко сну.

– Ну что, друг мой, – сказал он, зевая, – как всегда, благодарен тебе.

– Не меня, Феспий, богов благодари... каждый день, когда из ночного мрака встает Эос...

– Ладно, Телеф, хоть и не хочется с тобой расставаться, но надо. Завтра снова на поиски этого проклятого льва... Спи спокойно.

– Спи же и ты.

Друзья расстались на этом до утра. Над фиванской областью воцарилась ночь. Вместе со звездами в небе на горах то тут, то там замелькали костры пастухов. Если во владениях Феспия и его соседей все уснуло быть может даже более спокойным, чем обычно, сном, то Алкмена еще и после наступления темноты продолжала ждать возвращения сына. Она слышала о киферонском льве и уже решила про себя, что Геракл повстречался с ним. Амфитрион отвечал на это: «Вот и хорошо! Наши стада будут наконец избавлены от истребления.» Алкмена говорила ему, что кругом, особенно на платейской дороге, ближе к горам орудуют разбойники, а Амфитрион отвечал ей, что наконец-то они смогут безо всяких опасений и излишней охраны ездить в Тиринф. Амфитрион верил, что все, чему он учил сына, будет востребовано теперь в полной мере и, самое главное, не даст ему пропасть. Он уверял Алкмену, что Геракл скоро вернется, а она в ответ ругала его: «Тебе надо было еще догнать его и вручить ему кифару!». Между тем, проходили дни, а Геракл не возвращался. Но его можно было понять: в эти дни, когда у Алкмены появились первые седины, ему жилось так хорошо и беззаботно, как больше никогда в жизни.

Глава 6.

Владения Феспия были обширны. Только оливковый сад и только в ширину составлял треть расстояния от южных до северных ворот Фив. Геракл специально несколько раз обмерял его шагами. Он был изумлен. Прожив все время в городе, он вообразить не мог, что одному человеку может принадлежать столько земли. Коровы Феспия паслись на Кифероне, козы – на Геликоне... Да, Феспий был далеко не бедным человеком. Острая вражда двух соседних городов пока обходила Феспия стороной. Он сам и его товарищи с удовольствием торговали со всеми. Невзирая на войну, масло, мясо и вино, которое делали его соседи, нужно было всем.

Обо всем этом Геракл думал, засыпая после очередного дня, проведенного на охоте. Однако, больше размеров владений его внимание привлекла другая интересная особенность дома Феспия. Деление на мужскую и женскую половины было уж очень неравным. Женская „половина“ была отнюдь не половиной: мужская „половина“ была в сравнении с ней ближе к десятой части. Женскую половину вообще с трудом можно было назвать частью дома. Было видно, что к изначальной истинной половине пристраивались со временем новые и новые помещения.

Из мужчин кроме Феспия Геракл видел только двух-трех слуг и еще появлявшегося время от времени торговца, какого-то дальнего родственника Феспия, который основное время проводил в городах, продавая то, что производило обширное хозяйство и закупая все, чего не доставало. Слуги же были козопасами. Они по очереди сменяли друг друга в горах, а в остальное время делали работы по дому.

Было совсем непонятно, кто же работал в саду и что за многочисленное общество живет на женской половине. Феспий был богат и, конечно, мог держать наложниц, но чтобы такое количество... Этого Геракл не мог себе представить. Дочери? Но опять же, столько много от одной жены, и все исключительно девочки... Это тоже представлялось сыну Алкмены маловероятным. В то время, как он пытался разгадать эту неразрешимую загадку, к нему в комнату неожиданно постучали.

Геракл приподнялся на кровати и пробурчал что-то невнятное в ответ на стук. Дверь открылась. Его, уже полусонного ослепил свет лампы, но перед тем, как зажмуриться, он разглядел входящий к нему женский силуэт. Тотчас припомнив то, о чем он думал несколько мгновений назад, Геракл открыл глаза. Дверь была уже закрытой. Комнату наполнил аромат оливкового сада. Перед ним действительно сидела одна из обитательниц женской половины дома Феспия.

Не говоря ни слова, незнакомка поставила лампаду на пол перед собой, и тогда Геракл смог разглядеть ее всю. Незнакомка оказалась очень молодой девушкой в тонком и роскошном нежно-пурпурном платье, расшитом золотой ниткой. На плечах у нее была тонкая голубого цвета накидка. Темные прямые волосы были собраны сзади в пышный пучок. Утонченные черты лица выдавали в незнакомке ее благородное происхождение. «Нет, это не наложница Феспия,» – подумал Геракл. В нижней части лица он уловил черты хозяина дома, какую-то еле заметную припухлость губ и подбородка, сразу напомнивших о его мягком голосе. «Дочь!» – мелькнуло снова в голове у юноши, и сердце его забилося от того, что цель столь позднего визита оставалась ему неизвестной.

Видно было, что девушка поначалу стеснялась. Она посматривала на него время от времени исподлобья и, как казалось, украдкой. Ее густые и темные брови были слегка насуплены, вероятно, от смущения. Впрочем, смущение длилось недолго: несколько раз осмотрев юношу, она начала улыбаться и как будто бы даже тихо хихикать.

– У нас что сегодня, свадебный пир? – спросил испуганно оторопевший и ничего не понимающий Геракл. Он имел в виду, что изысканный наряд незнакомки хорошо подошел бы невесте. – И как вообще ты прошла на мужскую половину?

Незнакомка рассмеялась, и, вобщем-то, было отчего. Геракл полулежал на кровати. Его мощный торс был непокрыт. Еще не высохшие после ванны и торчащие в разные стороны длинные волосы вкупе с выражением лица, мягко говоря, не присущим воину, составляли очень милую и смешную дисгармонию. Кроме того, этот далеко не слабый юноша находился перед незнакомкой в достаточно беспомощном положении: он не мог встать, ибо был наг. Его оторопь переходила в негодование.

– Эй, ты чего смеешься? – спросил он достаточно грозно. – Кто ты?

– Отец сказал мне, – отвечала она, все еще улыбаясь, – что ты – сын Зевса, а...

Она хотела сказать что-то еще, но теперь нервный хохот разобрал уже Геракла, заставив в свою очередь недоумевать дочь Феспия.

– Ну а ты про меня что думаешь? – спросил он, успокоившись.

– Я тебя совсем не знаю. Но сейчас я вижу в тебе очень красивого и сильного юношу.

Тут Геракл обратил внимание на то, как заиграло и буквально засветилось в улыбке ее лицо. На щечках показались маленькие ямочки. Геракл подумал, что в жизни еще не видел столь нежного девичьего лица.

– А что, отец сказал мне неправду? – спросила девушка.

– Не знаю... Так говорят обо мне.

– Кто?

– Мои родители. Вообще-то, мать запретила мне это кому-либо рассказывать...

– Послушай, Геракл... Так ведь тебя зовут?

– Да.

– А сколько тебе лет?

– Мне восемнадцать.

– Просто, отец говорил мне, что ты сбежал из дома в Фивах.

– Да, это правда. Я не поладил с одним из своих учителей и ударил его. И похоже, что он потерял слух.

– Как? – ужаснулась девушка.

– Так. Я видел, как у него из уха заструилась кровь.

– Геракл, я, прямо, тебя боюсь. Я вижу, что ты сильный, но...

– Нет-нет, ты пойми меня правильно, – перебил Геракл, – я защищался. Он бегал за мной с тяжелой деревянной кифарой и не хотел слушать никаких слов. Если бы я его не ударил, он бы огрел ею меня, но лишить его слуха у меня не было и в мыслях, это вышло случайно. Впрочем, мне все равно тягостно, когда я об этом вспоминаю. Если он и вправду оглох, ему придется очень тяжело, тяжелее, чем простым людям. Ведь он – музыкант...

Геракл тяжело вздохнул и опустил голову.

– Знаешь, – сказала дочь Феспия, – хоть ты и нарушил родительский запрет, я думаю, ты правильно сделал, что рассказал моему отцу о том, что ты – сын бога.

– Почему?

– Иначе он не прислал бы меня к тебе.

Геракл вновь лицезрел сияющую подобно нежному утреннему солнцу улыбку незнакомки. Но в этот раз он обратил внимание на ее глаза. При свете лампы было трудно точно разобрать их цвет, но они выказывали пока еще тайное желание, о котором Геракл только-только начинал смутно догадываться. И все же, он еще плохо понимал происходящее.

– Мой отец, – продолжала незнакомка, – решил породниться с богами и из всех сестер для этой цели выбрал меня.

Геракл округлил глаза больше, чем в тот момент, когда увидел у себя в спальне среди ночи нежданную гостью. «Неужто он воспринял это настолько всерьез?! – думал он про Феспия. – На то должна быть какая-то причина». Его охватил восторг. Он получил первое подтверждение своей причастности к богам и к тому же из уст сидевшей перед ним прекрасной девушки. Душа его ликовала, но верить все еще отказывалась. Геракла снова разобрал хохот, на этот раз еще более нервный и вообще какой-то странный, почти неуправляемый и настолько заразительный, что и его ночная гостья не смогла удержаться.

– Ты тоже находишь это нелепым? – спросил Геракл, когда они оба сумели принять более-менее серьезный вид.

– Да. Сама не знаю, почему. Как-то странно ведет себя отец. Он тебе про меня ничего не говорил?

– Нет, совсем ничего. Ну и что мы будем с тобой делать? Я ведь даже не знаю как тебя зовут.

– Ну это легко исправить. Зовут меня Эрато. Я – дочь Феспия, как ты уже догадался. А что, я тебе не нравлюсь?

Эрато пыталась кокетничать, строила глазки, наклоняла головку из стороны в сторону, но желание ее было слишком велико. Последние слова она договаривала с дрожью в голосе. Она была очарована Гераклом, красотой его тела, силой и, одновременно, добротой.

– Ты мне очень нравишься, – ответил Геракл вкрадчивым, едва ли свойственным ему полупшепотом. – Но послушай, Эрато, почему же Феспий не сделал все обычным путем, не сыграл свадьбу? Так принято у нас в Фивах по крайней мере.

– У нас тоже. Но мой отец считает, и, по-моему, правильно, что двум молодым сердцам проще сойтись наедине.

Геракл вообразил себя вместе с совершенно незнакомой Эрато на свадебном пиру и решил, что, скорее, она была права. Как бы иначе он оценил ее смелость, которую он никогда не причислял к необходимым женским достоинствам? Он тоже сгорал от вожделения. Сердце его учащенно билось.

На пол упала медная застежка. Следом бесшумно слетела голубая накидка, оголив тонкие плечи Эрато. Она встала со стула, подошла к кровати и нежно приказала:

– Геракл, распусти мне пояс.

– Да-да, конечно, сейчас же...

Геракл торопливо сел на край ложа. От волнения руки не слушались его. Оливковым садом пахло, оказывается, вовсе не с улицы. Все тело Эрато было пропитано этим кружившим Гераклу голову ароматом.

– Не спеши, – успокаивала его девушка, перебирая руками его волосы. Наконец, дело было сделано, и складки платья упали вниз. – Ну вот, теперь я твоя. Встань.

Эрато прижала руки к плечам Геракла, приглашая его подняться. Она посмотрела вниз, а затем ему в глаза.

– Как долго ты собираешься от меня скрываться? – хитро спросила она, выдергивая у него из рук покрывало, которым божественный сын Алкмены все еще пытался прикрыться ниже пояса. Наконец они слились в объятиях и в поцелуе. Геракл пока еще робко ощупывал через платье тело своей возлюбленной. На каждое новое прикосновение оно отвечало пронизывающей дрожью. Дыхание девушки стало неровным. Только теперь Геракл почувствовал, что по-настоящему обладает ею. Он отпустил застёжки на ее плечах, и последняя преграда между молодыми телами оказалась на полу.

– Я хочу почувствовать твою силу, Геракл, – сказала Эрато, освобождая свои длинные волосы.

Геракл осторожно поднял ее, подложив руки под бедра и под спину. Стройное молодое тело оказалось для него легким как пушинка. Он раскачивал и кружил ее на руках, а затем уложил на кровать.

– Эрато, милая моя, скажи, что я должен делать?

Ничего не ответив, Эрато уложила Геракла на спину. Она гладила и целовала его шею и покрытую мягким пушком грудь.

– Я смотрю, – сказала она, не прекращая ласк, – ты не слишком сведущ в любви.

Геракл смутился.

– А ты? – спросил он, – Я думал, что ты дева.

Эрато, как казалось Гераклу, вела себя для девы через чур смело.

– А я и есть дева.

– Но если ты дева, откуда ты столько всего знаешь?

– Откуда ты знаешь, что я знаю? – загадочно проговорила Эрато, – Впрочем, ты прав, я действительно многое знаю. Просто... я много думаю об этом. Мне скоро только еще будет шестнадцать лет, а я уже наверное года два как мечтаю о мужчине. Мечтаю и... спрашиваю у женщин.

– Хм... А я хочу быть очень хорошим воином, и потому все время дома в Фивах отдаю упражнениям. У меня никогда не было времени даже задуматься о любви. Теперь я понимаю, как много я потерял. Я не мог и подумать, что так приятно иметь рядом с собой женщину. Теперь я думаю даже, что любовь – это то, из-за чего стоит воевать.

– Геракл, ты не представляешь, как многого ты еще не знаешь о любви, как многого мы еще не знаем. И всему этому нам предстоит научиться вместе с тобой и только с тобой. Ты ведь, я надеюсь, не собираешься еще возвращаться домой?

– Нет, что ты. Домой я боюсь возвращаться, да и теперь без тебя мне вообще идти некуда. Я и не думал, что так быстро можно полюбить женщину и так сильно к ней привязаться.

Они снова поцеловались несколько раз, но этого было уже недостаточно. Их тела влекло к полному соединению. Геракл уже повернул свою возлюбленную на спину. Эрато открылась вся его ласкам, но в какой-то момент все же остановила его.

– Постой, постой, Геракл, – сказала она, тяжело дыша, – подожди. Я хочу рассказать тебе что-то.

– Что же? – спросил нетерпеливо Геракл.

– Ты не думай, я не убегу от тебя. Я уже твоя. Дай мне побыть девой еще немного.

– Так что же ты хочешь мне рассказать?

– Тебе будет интересно. Это о моей семье. Ляг рядом со мной и слушай.

Эрато воссела рядом с его прекрасным и сильным телом. Ее руки ласкали, казалось, еще нежнее прежнего. Геракл закрыл глаза от наслаждения, хотя ему было не менее приятно зрением созерцать груди и гибкий стан еще совсем недавней незнакомки, а теперь казавшейся столь родной и близкой Эрато, дочери кекропийца Феспия.

– Так уж получилось, – начала она, – что из всех богов мой отец всегда больше всех чтил Эрота. Откуда у него особое почтение именно к этому богу, не спрашивай. Он никогда не рассказывал никому из родных. Видно, так было от рождения ему предначертано. Но кроме того, в своем устремлении к Эроту он сошелся со своей супругой Мегамедой. Она не возражала против того, чтобы он завел себе наложниц. Наложниц они выбирали вместе, причем очень тщательно. Они сами ездили на невольничьи рынки и выбирали понравившихся им невинных девушек. Их селили сначала всех в одной комнате, но затем, когда их становилось больше, дом пришлось расширять. Потом им построили еще и отдельную обеденную комнату, и спальню. Днем эти девушки под руководством Мегамеды работали на кухне, а по вечерам становились жрицами Эрота, ублажая в этой самой спальне отца. Причем, мать рассказывала мне, что отец никогда не употреблял по отношению к этим девушкам насилия. Он умел склонить их к связи одними уговорами. Как он их уговаривал, это его тайна. Девушки ведь были все из разных стран. Это сейчас они, конечно, все сносно говорят на нашем языке, но тогда, в юности... Сначала он завоевал уважение у двух-трех первых девушек, которые, видимо, во многом сами убеждали следующих в том, что хозяин ласков и не причинит вреда, а, напротив, доставит радость. Он давал им обжиться в доме несколько недель, а то и месяцев, прежде, чем дерзал посягать на их невинность. Перед соитием он ужинал с девушкой один на один, где ей прислуживали так же, как и хозяйке дома. Был один или два случая, когда отцу, несмотря на все его мастерство, не удавалось добиться благосклонности девушки. Тогда он просто продавал ее в другой дом. Нередко, кстати, отец приходил к наложницам вместе с Мегамедой. Она могла вообще прийти к нему в любое время кроме того, когда он устраивал пир с друзьями... Этим ее положение отличалось от положения наложниц, которых отец видел лишь тогда, когда хотел. Разумеется, у наложниц рождались дети. Мать говорила мне, что однажды отец вынужден был поселить у себя повитуху. До городов от нас, сам знаешь, далеко, а в какой-то момент дети рождались едва ли не каждый месяц. Когда они подросли, для них сделали новую пристройку, где живу сейчас я... Но, это было, вероятно, проклятье: у отца от самых разных женщин рождались исключительно девочки. Потому, я думаю, он так уцепился за тебя. В доме в самом деле не хватает мужчин.

– Почему же он не выдаст вас замуж? Наверное ведь все в подходящем возрасте.

– Не знаю. Я знаю только, что он наверняка пожалеет об этом очень и очень скоро. Обещай, что не расскажешь ему.

– Обещаю.

– Ну так вот. Некоторые из сестер уже расстались с девственностью, а остальные лишь ожидают своей очереди.

– Как же это случилось?

– Понимаешь, отец уже несколько лет как, наверное из-за возраста, потерял к своим наложницам всякий интерес. А сейчас им по тридцать или около того, все еще далеко не старухи, и тут, как кстати, у нас появился новый раб, откуда-то из Азии, страшный на вид, лысый, но сколь страшный, столь же и похотливый. Наложницы, скучающие без дела, притащили его в спальню, где сходились раньше с отцом. Это, конечно, не осталось в тайне от сестер. Ну и самые смелые решились попробовать. А ты, Геракл, – мой спаситель. Если бы не ты, я бы наверное не устояла и тоже отдалась бы этому страшилищу.

Воображение Геракла не поспевало за рассказами Эрато: лишь только оно начинало рисовать одну столь приятную юноше картинку, как ей пора уже было сменяться другой. Вкупе

с нежными прикосновениями девичьих рук и с созерцанием ее тела, это делало дальнейшее воздержание от близости почти нестерпимым. Гераклу казалось, что он держится из последних сил.

– Ты сводишь меня с ума, Эрато, – сказал он.

– Для того я и пришла к тебе этой ночью, – отвечала дочь Феспия, – но так же неожиданно, как пришла, я могла бы и уйти.

– Но не ушла. Да я и не отпустил бы тебя просто так. Расскажи мне еще. Так сколько же вас сестер?

– Нас пятьдесят. Пятьдесят дочерей Феспия. Кстати, забыла тебе сказать. Во мне кроме крови отца течет финикийская кровь. Волосы и глаза достались мне от матери.

Именно в эти миндалевидные, почти черные глаза Эрато, какие и вправду нечасто можно было встретить на улицах Фив, всматривался в этот момент Геракл. Он видел, что они снова наполнялись страстью. Но прежде, чем ответить на нее, Геракл должен был еще кое в чем удостовериться. Он вспомнил в этот момент, чьим сыном его называли.

– Скажи, Эрато, – спросил он, – что ты думаешь об отце? Хотела ли бы ты с твоим мужем вести такую же жизнь?

– Нет, Геракл. Я думаю, он не во всем прав. Но я поняла из его истории вот что... Я не знаю, почему это так... Может, ты тоже это заметил. Когда рассказывают о том, как Земля взошла на ложе к Небу и от их брака родилось все, в этом есть с одной стороны что-то торжественное, а с другой – что-то тягостное, будто они взваливают на себя непосильную ношу. Это, мне кажется, каким-то неправильным. Понимаешь, любовь женщины и мужчины может и должна приносить величайшую радость. И радость тела – лишь одна из них.

– Да, я согласен. Мне тоже кажется, что твой отец переусердствовал с Эротом. Нельзя жить, ежедневно угождая лишь одному богу. Так думаю я... И все же, – добавил он, снова глядя в глаза своей возлюбленной, – Эрот – великий бог. Давай ему помолимся.

– Да, Геракл, я думаю, что сейчас – самое время. А ты знаешь, как?

– Нет, но я что-нибудь придумаю.

Они, оба обнаженные, встали, закрыв глаза, на колени друг против друга, и Геракл начал:

– О великий Эрот!... Этой ночью... мы посвящаем друг друга в таинство любви. Да пребудет же твоя сила между нами сегодня и в последующие времена. Дай нам вкусить сладость любви и не вкусить ее горечи... Защити наши тела от болезни... Если же тебе или другим богам будет угодно, чтобы наша любовь имела плод, мы сделаем все, чтобы этот плод вырос в любящего богов человека...

Геракл тихо и медленно произносил на ходу придумываемую им молитву, а, закончив, спросил:

– Ты со всем согласна, Эрато?

Она не могла не согласиться и в ответ сначала легла, широко раскрыв перед ним бедра, а потом прошептала:

– Да. Я чувствую, Эрот услышал тебя, и теперь он где-то рядом с нами. Геракл, хочешь ли ты поговорить еще о чем-то этой ночью?

– Нет. Теперь я знаю достаточно.

– Я тоже. Так что же ты медлишь?

Сказав это, Эрато протянула руки, призывая Геракла в свои объятия. Но Геракл медлил еще немного. Он в последний раз любовался ее девственным телом, которое представилось ему в виде цветника наподобие того, что был в саду у амфитрионова дома в Фивах. Оно было будто бы сплошь покрыто маленькой цветущей травкой, среди которой выдавались два еще не до конца расцветших белых мака и нежная-нежная, блестящая от росной влаги роза. Геракл помнил до конца своих лет этот момент, помнил, как боялся он своим грубым телом примять эти великолепные цветы. Эрот, перед чарами которого не могут устоять даже боги, был дей-

ствительно где-то рядом: клубы геракловых мускул наполнили, наконец, каждый изгиб юного девичьего тела подобно тому, как заполняют всякую долину клубы облаков, когда Небо в очередной раз орошает Землю обильным дождем.

Увидев наутро привязанный к жертвеннику пурпурный пояс Эрато, Феспий возрадовался. Еще больше была его радость, когда Геракл не вышел к назначенным сборам на охоту. Встретив его уже вечером, Феспий осведомился, хороша ли ему Эрато и не прислать ли другую дочь. Геракл ответил, что Эрато более, чем хороша, и, если родители не возражают, он будет жить с нею. Услышав это, Феспий попросил Геракла подождать, а сам торопливо зашел в дом и через короткое время вышел, держа в руке платье.

– Вот. Передай Эрато, – сказал он. – Пусть примерит и, если подойдет, пусть встречает тебя в нем каждый день вечером.

Платье было непростым. Это было церемониальное критское платье, которое уже редко можно было встретить в те времена. Оно облегалo нижнюю часть тела, оставляя открытой и одновременно поддерживая женскую грудь. Феспий предусмотрительно заготовил по такому платью каждой из дочерей.

Богатый кекропиец был в приподнятом настроении. Ему казалось, что жизнь удалась.

Глава 7.

Как ни сладко было Гераклу делить ложе с дочерью Феспия, через несколько дней он должен был вернуться к охоте, ибо усилия богатого кекропийца и его соседей были все еще безрезультатны. Они ни разу так и не видели льва, хотя пастух Амфитриона сообщал о его нападениях на стадо не единожды с того момента, как Геракл поселился у Феспия.

Случилось так, что уже под вечер того дня, что предшествовал расправе со львом, Феспий проходил по саду, и заметил, что одно из старых деревьев почти полностью засохло. Цветы на нем так и не распустились, и, чтобы на мертвых ветвях не развелись паразиты, их надо было убрать. Феспий попросил Геракла их спилить, что было тут же исполнено.

Срезанное дерево предназначалось огню, но большая ветвь этой оливы приглянулась Гераклу. В одном из изгибов она в точности приходилась ему по руке и расширялась от этого места до ствола без сучков. Геракл отпилил ее, очистил от коры и обстрогал ножом. Немного помахав ею, он решил, что это будет славное оружие против льва и, приспособив к ней ремень, на завтра взял ее с собой на Киферон. Запах свежей оливы напоминал Гераклу и на охоте о запахе тела несравненной Эрато в их первую ночь.

Итак, на следующий день охотники во главе с Феспием снова, как уже много дней подряд, отправились в горы. Не зная, что еще измыслить для того, чтобы изловить, наконец, льва, они решили перевалить через Киферон и поискать хотя бы в ближайших его отрогах с южной стороны. Вообще говоря, делать этого они не могли, ибо по ту сторону находились пастбища мегарян. Но Феспий рассудил, что ночами высоко в горах еще холодно, и пастухи вряд ли приходят со стадами на такие высоты, а стало быть, и появление чужаков едва ли будет замечено.

Само по себе это уже принесло плоды. Лишь только друзья взобрались на главный киферонский хребет и стали смотреть в сторону Мегар, как зоркий глаз Телефа заметил льва спокойно прогуливающимся внизу в ущелье между сосен. Это было, конечно, еще только полдела. Лев был слишком далеко для прямого выстрела. Поэтому кто-то должен был спуститься ниже и найти удобные позиции, а кому-то надлежало пройти на противоположную сторону ущелья и стрелять оттуда.

Геракл оказался среди молодых охотников, которые пошли в обход. Они пересекли ущелье уже позади льва и, пользуясь тем, что шел он медленно, стали его нагонять, одновременно карабкаясь вверх. Достаточно пологий склон позволял это. Наконец, они заняли свои места и просигнализировали Феспию. Теперь все только ждали, когда лев поравняется с ними.

Однако хищник, большой и не лишенный грации, выглядел разморенным. Он был сыт, и едва ли можно было сказать, что он направлялся куда-то конкретно. Он подолгу задерживался на одном месте, обнюхивал вокруг себя траву, а потом продолжал лениво свой шаг в направлении устроенной ему засады. Для Геракла такое промедление было нестерпимо. Он оглядывался туда и сюда, смотрел на Феспия в надежде увидеть какую-нибудь команду, которая помогла бы ускорить дело. Внутри у него все клокотало от досадного бездействия. В итоге он решился действовать на свой страх и риск. Он стал спускаться со своего места, двигаясь навстречу льву. «Геракл, куда ты?» – окликивали его товарищи насколько возможно громко, чтобы не спугнуть жертву, но он просто не обращал внимания. Он решил, что сегодня, во что бы то ни стало, именно он должен сразить льва.

А лев, между тем, все больше и больше замедлял шаг и в конце концов, попив воды из протекавшего внизу небольшого ручья и обнюхав на этот раз основательно, несколько раз вокруг себя камни и землю, лег и уснул. Феспий был в замешательстве. Положение вещей вышло из-под его контроля. Сначала свой пост покинул Геракл, а теперь еще и зверь повел себя не по плану.

- Что будем делать? – спросил кекропиец у стоявшего рядом с ним Телефа.
- Для всех это далеко, но я могу попробовать выстрелить.
- Одной стрелой не убьешь. Сбежит, и пропало дело.
- Хоть урок ему будет. Может перестанет на стада нападать.
- Ну попробуй.... И где же только носит амфитрионова сына?

Геракл, между тем, притаился в своей новой засаде. Он был очень близко, он видел как дышит грудь хищника, но вот позиция Феспия и Телефа была теперь скрыта от него деревьями. Телеф натянул свой верный лук. Стрела взвилась в воздух. По совпадению одновременно с его выстрелом метнул свой дротик Геракл. Зверь в мгновение взвизгнул, отпрянул в сторону, он был ранен в бедро. Геракл мгновенно бросился за ним, выхватывая дубину. Ужасную картину наблюдали, меж тем, Телеф с Феспием и все соучастники охоты. Стрела, летевшая точно в зверя, теперь должна была поразить Геракла, ибо он стоял на том месте, где еще мгновение назад спал лев. Увидев это, Телеф едва не лишился чувств. Феспий удержал друга, но не имея из-за этого возможности смотреть вниз, стал что-то кричать Гераклу, но ни лев, ни Геракл, разумеется, его не слышали. Они были увлечены противостоянием. Разъяренный хищник бросился на юношу когтями, но Геракл не дрогнул. Всю свою силу он вложил в удар, который пришелся зверю в череп на уровне глаза. Сотрясение, которое произвела оливковая дубина в зверином мозгу, оказалось смертельным. И хотя льву и удалось в прыжке повалить Геракла наземь и расцарапать ему грудь, ранения эти были из разряда тех, что только закаляют характер настоящего воина.

С удивлением для себя Геракл обнаружил потом торчащую в дубине стрелу. Охотники рассказали ему, а заодно Феспию, что видели, как пущенная Телефом стрела воткнулась в дубину в тот момент, когда Геракл только замахивался ею. Стоило дубине и стреле разминуться, Геракл был бы поражен в живот. Телеф, как всегда, бил без промаха.

Распоряжаться телом убитого хищника было предоставлено, разумеется, сыну Алкмены. Он решил, предварительно снявши с него шкуру, сжечь его, посвятив Зевсу. Шкуру он высушил и сохранил.

Вечером у Феспия был устроен пир, героем которого был, конечно же, Геракл. Впрочем, хозяин дома не упустил случая пожурить юнца, что, мол, на войне такое самовольство недопустимо, ибо может оказаться губительным не только для него самого, но и для всего войска. Телеф на том пиру был особенно погруженным в себя. С ним заговаривали несколько раз разные люди, включая и Феспия, и Геракла. Он пил вино и ел со всеми, но на попытки заговорить только отшучивался, ибо в душе он корил себя. Корил за то, что не понял воли богов, не понял,

что он сам лишь ее вещатель, а вот Гераклу надлежит ее исполнять. И когда Геракл на той стороне киферонского ущелья исчез из виду, он, Телеф, конечно, должен был догадаться, что это не спроста. В то же время, он благодарил богов за то, что они исправили его, смертного, ошибку, поставив на пути стрелы дубину и сохранив жизнь будущему герою. Ведь даже окажись в его, Геракла, правой руке не дубина, а меч, исход дела мог бы быть совершенно иным. Телеф стал думать, как бы вразумить мальчишку. Но не так, как это пытался делать Феспий, а заставить его всем сердцем поверить в уготовленное ему бессмертными предназначение. До сих пор ведь у Геракла были лишь косвенные указания на это: рассказы матери, брак с Эрато и теперь вот это чудесное спасение от метко пущенной стрелы, которое, впрочем, можно было рассматривать как всего лишь случайность.

– Геракл, – поймав героя прошедшего дня наедине, обратился к нему Телеф в тот момент, когда охотники решили, наконец, разойтись по домам.

– Да, Телеф. Я видел, ты был грустен и неразговорчив на пиру. Не надо...

– Геракл, мое сожаление не о том, о чем ты думаешь, – перебил не любивший ходить окольными путями прорицатель. – Мне думается, стрела, пущенная мной, связала нас на веки неразрывной связью. Зайди ко мне как-нибудь после захода солнца. Я хочу тебе кое-что показать.

Широко открытые глаза Телефа были полны какой-то светлой тайны. Так показалось по крайней мере Гераклу. Несмотря на то, что Телеф старался никогда не показывать видом своих ощущений, тем не менее, на этот раз что-то его выдавало. Видимо он, много лет ежедневно общавшийся с богами, сам никогда не был настолько причастен творящейся на земле воле бессмертных.

– Хорошо, Телеф, я зайду. Непременно, – ответил Геракл.

– Да, можешь, взять с собой Эрато. Если она, конечно, пожелает.

– Я спрошу ее. Ну, тогда до встречи?

– Доброй ночи, Геракл.

Эрато желала. И даже очень и очень сильно. Она в отличие от Геракла ждала чего-то необыкновенного.

После этого пира жизнь Феспия и его соседей стала возвращаться в нормальное русло. Необходимости ежедневно охотиться больше не было. Все отдыхали от неожиданно выпавших на их долю изнурительных трудов. Геракл залечивал свои раны. Теперь утром можно было вставать несколько позже и, соответственно, позже ложиться спать. Телеф снова, как и раньше, стал разводить по вечерам открытый огонь у себя во дворе. Это было неотъемлемой частью его ритуалов: каждый день на алтаре должен был гореть хотя бы небольшой костер. Но в одну из ночей он решил развести костер побольше, ибо почувствовал, что именно в эту ночь к нему заявится Геракл, и нужно будет больше света. И действительно, едва только стало темнеть, Телеф услышал разговор приближающейся к его скромному уголку молодой пары.

– Ах, Геракл! Ну здравствуй! – поприветствовал его Телеф и пожал ему руку. Тем, кто приходил к нему с просьбой, он всегда пристально заглядывал в глаза, пытаясь понять истинное намерение человека. И хотя, Геракл и Эрато были приглашены им самим, он сделал по привычке то же самое. Геракл смотрел на Телефа своим обычным по-юношески восторженным взглядом. Рука его была холодна.

– Волнуешься? – спросил Телеф.

– Здравствуй, Телеф! Нет, с чего ты взял?

– Ну ладно, проходи, садись.

У костра Телеф заранее приготовил три большие колоды для гостей и для самого себя.

– Эрато, приветствую тебя, – сказал он, протянув ей руку. Улыбаться кому бы то ни было было против правил Телефа, но не улыбнуться такой молодой прелестнице было выше даже

его, благословленных богами сил. «Ну что же, как чистая глиняная табличка. Это хорошо,» – подумал он.

– Привет, привет, – отвечала ему Эрато, протягивая руку в ответ. Ее рука была, напротив, несмотря на скрываемое волнение, горяча. – Я рассчитываю на то, Телеф, что ты не зря оторвал нас от любовного ложа, – строго и вместе с тем игриво продолжала она. Все трое рассмеялись.

– Надеюсь, что нет, – отвечал Телеф, – надеюсь, что то, что ты узнаешь этим вечером о своем супруге, только сильнее свяжет вас. Рад тебя видеть. Садись.

Телеф занял третью колоду и очень долго, слегка покачиваясь, просто смотрел на огонь. Молодые сначала тоже смотрели вместе с ним, потом начали недоуменно переглядываться: ради этого ли позвал их к себе прорицатель? Ощущение было такое, будто Телеф собирался с силами и никак не мог на что-то решиться.

– Телеф, ты хотел нам показать что-то, не так ли? – наконец спросил Геракл.

– Ах да, подождите немного, – ответил он, резко вставая и направляясь к стоявшему неподалеку жилищу. На пол пути Телеф вдруг остановился и снова заговорил с гостями: – Вы знаете, зачем я жгу костер каждый день? – спросил он. Они оба помотали головами в ответ. – Смотрите, – продолжал он, – языки пламени уносят вверх то, что мы сжигаем, и из этого боги творят нечто новое... А еще, с пламенем вверх лучше уходят и наши мольбы. Так что если хотите помолиться о чем-то в самом деле важном, лучше сделать это у огня.

Телеф удалился, а Геракл и Эрато, не размышляя, последовали совету старшего друга и принялись молиться каждый о своем.

– Геракл, о чем молишься ты? – шепотом спросила Эрато. Геракл тяжело вздохнул и повернулся к ней.

– Я молюсь о том, любимая, чтобы то, что мы узнали сегодня не разлучило нас с тобой. А ты?

– Мой любимый Геракл, – нежно проговорила она. – А я молюсь о том, чтобы это было добрым. Понимаешь, а вдруг ты и вправду сын бога? Тебе ведь тогда будет безумно трудно жить на земле. Я молюсь о том, чтобы тебе избежать трудностей.

– Ну что ты, Эрато...

– Ничего. Мой отец наверняка спрашивал Телефа, а он никогда не ошибается.

Пламя костра вдруг померкло на несколько мгновений. Лица влюбленных озарил другой, пришедший с неба свет, свет необычно яркой падающей звезды. Они едва лишь успели переглянуться, как сзади послышалось движение. Эрато обернулась первой.

– Ой, смотри... – не сдержавшись произнесла она. Геракл обернулся назад вслед за нею. Телеф выходил из дома, держа в руке топор. Он подошел к лежащему на земле длинному и толстому стволу спиленного дерева.

– Эрато, подойди ко мне, – подозвал девушку прорицатель. По телам обоих молодых супругов прошла дрожь.

– Что ты задумал, Телеф? – гневно сказал Геракл, поднимаясь с места.

– Успокойся Геракл, я позвал Эрато, а не тебя. Я не сделаю ей ничего плохого.

Эрато посмотрела на мужа. Тот кивком головы показал ей идти. Он рассчитывал, что сумеет защитить супругу если все же прорицатель решит покуситься на нее. Душа Эрато ушла в пятки.

– Смотрите, – заговорил Телеф, – этот дуб я спилил год назад, но только после того, как спилил, я почувствовал в нем магическую силу. И мне кажется, она до сих пор в нем пребывает. Теперь сделаем вот что. Эрато, возьми топор.

– Я...? – неуверенно спросила она.

– Да. Руби дуб. Так сильно, как сможешь.

– Но я не одета для работы, – отговаривалась Эрато, но Телеф настаивал:

– Это не важно. Руби что есть силы!

Нельзя сказать, что Эрато никогда не пользовалась топором. Напротив, очень часто по осени в саду она разрубала на куски спиленные оливковые ветки, готовя их для огня. Ей нравилось это занятие. Но сейчас она была перепугана, не готова, топор был с неудобной для нее ручкой, видимо, не хозяйственный, а боевой, и к тому же ей в самом деле мешала неподходящая одежда: она боялась, что от натуги расстегнется одна из ее застежек. Поэтому ее удары были чрезвычайно слабы, и, тем не менее, она сумела отколоть от дуба кусочек коры.

– Хорошо. Геракл, теперь ты. Бей так же слабо, как она.

Геракл взял топор, осмотрел его и прошелся кончиком пальца по острию. Топор действительно был боевым с маленьким топоричком и длинной ручкой. Примеряясь к лежавшему на земле дереву, Геракл коснулся коры острием, но тут же вынужден был его отдернуть, ибо почувствовал, будто его поразил зевсов перун, но не настоящий, а маленький, которым бог, видимо, играл в детстве. Рубить дерево боевым топором было еще и несподручно, но выбора не было, и Геракл ударил... слабо, как и просил Телеф. В ответ он сам почувствовал удар, похожий на тот, что испытал при касании, только сильнее, а дерево загудело, словно пустой медный чан. Геракл продолжал рубить с той же силой до тех пор, пока тоже не отколол кусок коры, и тогда Телеф остановил его. Затихающий гуд был хорошо слышен в вечерней тишине еще какое-то время.

После Геракла за топор взялся сам Телеф. Он вкладывал в него всю свою силу и очень быстро дошел до сердцевины, повелев затем Гераклу сделать то же самое. Юноша посмотрел на Телефа с некоторой опаской, но, стиснув зубы, взялся за дело. Уже после нескольких ударов сильный гуд сменился на подобие рева. Ощущение было такое, что кто-то, заключенный внутри ствола, кричит от боли. Несчастная Эрато зажмурилась и закрыла уши. Вдруг из-под гераклова топора полетели искры. Сам он зашатался и упал без чувств.

Очнулся Геракл лишь наутро в доме прорицателя. Он сам, заснувшая рядом в молитвах над ним Эрато и Телеф – только эти трое знали теперь достоверно, насколько Геракл отличается от простых смертных.

Глава 8.

Размеренная жизнь во владениях Феспия начинала, между тем, наскучивать Гераклу. Ему казалось, он забывал, как держать в руке оружие, терял столь необходимое в бою ощущение своего тела. Он всерьез подумывал уже о том, чтобы вернуться в Фивы, но, конечно, не одному, а с любимой Эрато и продолжить там свои воинские упражнения. Каждый раз, однако, он откладывал переезд, ибо не мог предугадать, как посмотрит на это столь радушно принявший его и рассчитывающий на него Феспий. Да и вообще, что-то пока держало его в этих не столь далеких от дома краях.

Все-таки однажды Геракл окончательно решил для себя, что возвращается домой. Но прежде, нежели он покинет Феспия, он хотел осмотреть округу и, прежде всего, горы на западе. А еще важнее для него было увидеть Копайду и Орхомен. Это были враждебные территории, на которых он никогда не был, но с отрогов Геликона, начинавшихся в непосредственной близости от феспиевых владений, они должны были хорошо просматриваться.

И вот тогда Геракл направился к Телефу и попросил сопроводить его в горы. Телеф согласился отвести юношу на ближайшую вершину, но, сославшись на какую-то работу, сказал, что долго по горам гулять не сможет. Они сели на коней и поскакали к ближайшему отрогу, обогнули его со стороны равнины и спешили у ложбинки, по которой шла очень удобная тропа, прослеживающаяся почти до самой безлесой вершины.

– Ну вот, Геракл, ваш грозный соперник, Орхомен, – сказал Телеф, когда они оказались наверху.

– А это что? – удивленно спросил Геракл. Орхомен стоял будто бы на острове. Такого обилия воды внизу Геракл не ожидал увидеть.

– Да, так случается иногда весной, когда Кефис несет с гор потоки талой воды. Копайда разливается. Еще я слышал, что часто засоряется сток из Копайды и тогда происходит то, что мы наблюдаем сейчас: город едва не затопляет.

– А куда же ведет этот сток, Телеф?

– А ты разве не знаешь? На вашу сторону, в Ликерийское озеро. Орхоменцы пробрили его, потому что без него им вообще было трудно, но, видно, и он недостаточно широк.

– Хм... Ну потому и засоряется...

Геракл продолжал рассматривать разлившееся озеро, будто пытаясь во всех деталях запомнить пейзаж.

– Послушай Телеф, – спросил он снова, – а как же орхоменцы путешествуют на юг если разливается Копайда?

– Там есть тропа, которая идет выше большой дороги у подножия Лафистиона. Мне доводилось там ездить. Узкая очень. Две повозки вряд ли смогут разминуться, но если кому очень надо, тот пройдет. А дальше, после Галиарта, можно либо спуститься на вашу равнину, либо идти мимо нас.

– Любопытно...

– Ладно, Геракл, я привел тебя, куда ты хотел. Ты ведь еще остаешься на какое-то время?

– Да, хочу попробовать спуститься к озеру.

– Попробуй. А я..., ты знаешь, я пойду.

Телеф смотрел на Геракла так, словно надолго прощался с ним. На его глазах наворачивались слезы.

– Что случилось, Телеф? Я же вернусь, – в недоумении спросил Геракл.

– Послушай, Геракл, я хочу, чтобы ты хорошо запомнил то, что я тебе сейчас скажу. Твои родители тебя не обманывали: ты – сын Зевса, и тебе предстоят великие свершения.

– Телеф, друг, я день ото дня получаю новые и новые подтверждения этого. Но я не понимаю, что я должен сделать?

– Ты узнаешь... скоро. Я же вижу пока только начало твоего пути, а конец от меня скрыт.

– Что же, что же будет? Ради богов поведай мне!

– Нет, мне нельзя, – ответил Телеф и продолжил. – Ты попрощался с Эрато?

– Ну... я сказал, что, вероятно, прийду только к ужину. Телеф, скажи мне, что происходит? Я умру? – волновался Геракл.

– Нет-нет, у тебя все будет хорошо. А об Эрато я позабочусь, можешь мне поверить.

– Я верю, но...

– Прощай Геракл, – сказал Телеф и протянул ему руку. – Помни, для тебя вся земля будет полна чудес, и вот эти горы в том числе. Начни, наконец, относиться к этим чудесам серьезно.

– Да, ты прав, Телеф, но... все это так странно, – проговорил Геракл, протягивая руку в ответ.

– Странно? Ты еще удивляешься странностям? Сколько произошло их с тобой за последнюю неделю?

– Ну так что, Телеф, до вечера? – неуверенно спросил Геракл.

– Прощай, мой друг.

– Прощай, – еле слышно ответил сын Амфитриона.

Телеф уходил в направлении дома на восток, уходил, не оборачиваясь. Он едва не плакал от счастья. Геракл же был в недоумении. Он построил себе на этот день большие планы, но силы как будто покинули его. Он никак не мог собраться с мыслями, чтобы пойти туда, куда изначально хотел. «И что могут означать слова Телефа? – думал Геракл, опершись на оказавшийся рядом большой камень и медленно сползая вниз, – Если он говорит, что я не умру, что же может помешать мне вернуться назад к Эрато? Он прощался со мной так, будто мы никогда не увидимся. Но еще он сказал, что вся земля, включая эти горы, полна чудес. Может в

этом разгадка?» Настроение Телефа показалось ему слишком определенным. Он понимал, что вернуться к Феспию ему не суждено, но не мог пока принять этого сердцем. Он уже заранее тосковал по Эрато, он обдумывал способы связаться с ней оттуда, где он окажется в скором времени. Но где? Этого он не знал, этого не сказал ему Телеф. Этот вещий муж обещал о ней позаботиться, но как и почему, если он, Геракл, останется жить? Пусть и далеко. Неужто не плавают во все концы мира корабли? Неужто нельзя преодолеть нескольких недель в пути на коне? Эрато была, кстати, превосходной наездницей.

Такие мысли роились в геракловой голове, когда, погруженный в себя, он сидел на вершине одного из отрогов Геликона. Что стало с ним дальше, он сам не мог толком впоследствии объяснить. Он предполагал, что впал в сон, но тут же сам высказывал сомнение: слишком отчетливо помнил он то, что произошло с ним.

А началось все с того, что в том направлении, куда ушел Телеф, на глазах у Геракла словно из воздуха соткалось белое облачко. Оно приближалось и спускалось к земле и, когда оно оказалось на краю склона, Геракл разглядел в нем белую колесницу, которой управлял некто в плаще и капюшоне. Лицо возницы разглядеть было крайне трудно. Поравнявшись с Гераклом, кони остановились, и испод капюшона раздался бойкий девичий голос: «Привет тебе, Геракл! Не хочешь ли ты стать рядом со мною?» Ни тени сомнения, ни законного вопроса «кто ты и откуда знаешь мое имя?», ни размышления о том как тут, на вершине горы могла оказаться колесница, ничего этого не пришло Гераклу на ум. Промолчав в ответ, он стал рядом с девой. Кони резво понесли их двоих. Наблюдая как пролетают мимо деревья, горы и облака, юный герой не заметил, что копыта уже вовсе не бьют земную твердь, а рассекают воздух.

– А мы уже летим. Не страшно? – спросила дева.

– Нет, напротив, это великолепно! Я не летал никогда раньше, – ответил Геракл. Полет был ровным и совершенно бесшумным.

– Смотри, ты ведь хотел видеть Орхомен. Он сейчас под нами.

Под ними действительно был окруженный водой Орхомен. Геракл рассмотрел тропу, о которой говорил ему Телеф. Городские стены, башни, размещение караулов – все было открыто как на ладони. Даже число жителей и воинов можно было легко подсчитать по домам.

– Послушай, а нас не видят там, внизу? – спросил Геракл.

– Ну как ты сам думаешь? Если бы нас видели, то стали бы толпиться и в изумлении показывать пальцами.

– Эта твоя колесница – незаменимая на войне вещь: можно наблюдать, что происходит во вражеском лагере и оставаться незамеченным. Как тебе это удастся?

Дева не отвечала. Это заставило Геракла отвлечься от разведывания военных секретов и повернуть голову к ней. Она, меж тем, совершенно преобразилась. Вместо плаща с капюшоном на ней был сияющий, натертый до блеска доспех и шлем. К дальней от него правой руке ремнями был жестко притянут небольшой щит. Дева словно почувствовала на себе взгляд юного героя и повернулась к нему. Черт ее лица Геракл не мог передать никаких. О внешности ее он говорил три вещи: во-первых, что возрастом она была примерно как Эрато, во-вторых, он запомнил, что она почти всегда ему улыбалась, и, в-третьих, что врезалось в его память на всю жизнь, это ощущение небесной синевы в ее глазах.

– Ну что, узнал меня? – спросила она его.

– Кажется, я начинаю понимать...

– Да-да, Геракл, это обо мне рассказывала тебе твоя мать Алкмена.

– Так значит, ты – в самом деле, богиня?

– Да. Ты удивлен?

– Нет, просто и про меня говорят, что я сын бога.

– Это люди так говорят, потому что так им проще понять. Не отказывайся от этого, но и злоупотреблять этим тоже не надо. На самом деле ты рожден, конечно, от семени Амфитриона,

но Зевс при помощи других богов задолго до твоего рождения готовил твоё тело и твою душу, чтобы вместе они могли исполнить то, что эти боги от тебя хотят.

– О богиня, я уже слышал сегодня, что мне предстоит... великие свершения. Но быть может ты мне расскажешь, в чём они будут состоять? Правильно ли я делаю, что готовлюсь быть воином?

– О, мой Геракл! Я могла бы тебе многое сказать, но не буду. Я тебя затем и посадила в свою колесницу, чтобы ты сам понял, чем должна быть твоя жизнь. Я многое покажу тебе сегодня. Если из этого ты сделаешь правильный вывод, значит Зевс и другие боги трудились над тобой не зря, и нам стоит и дальше помогать тебе.

– А что, боги могут и ошибиться?

– Как тебе сказать, Геракл...? Нам, богам, которые пекутся о светлой и радостной стороне вашей людской жизни, противостоят темные силы. Мы, конечно, не ошибаемся в своих конечных замыслах, но наши противники могут мешать нам, и поскольку действуют они часто скрытно, случается так, что мы недооцениваем исходящую от них опасность. Поэтому не исключено, что и тебе они могли незаметно от нас внедрить в душу или тело какой-нибудь изъязн, который мы не заметили. Это мы и проверим сегодня.

– Послушай, но если ты говоришь, что ты – богиня, почему у нас нет твоих храмов и жертвенников?

– Посмотри на меня, Геракл. Я ещё очень молода. Ещё очень мало людей меня знает. Но я полна сил, и, надеюсь, через столетия многих своих богов вы забудете и будете почитать меня. Ведь я – душа вашего народа. Я знаю каждого из вас, в каждом принимаю участие. Но тебе первому я открою своё имя. Зовут меня Афиной. Если тебе доведётся жить на земле ещё раз через века, ты не поверишь, узнав, сколь славным стало между людей это имя.

«Столетия... – размышлял Геракл, – хорошо же так думать, Афина, когда ты бог, и впереди у тебя целая вечность.»

Пока они летели, картина вокруг них сильно переменилась. Кругом потемнело. Солнце перестало быть на себя похожим. Казалось, что оно светило через очень плотные лиловые облака. Земля отражала и, казалось, даже несколько усиливала это лиловое свечение.

– Афина, а куда мы летим? – спросил Геракл. Перемена пейзажа тревожила его.

– В Аид, в царство мертвых, – ответила богиня, улыбаясь точно такой же лучезарной улыбкой, с которой она говорила и обо всем остальном.

– Так значит, я, все-таки, умру?

– Нет. Кто входит в Аид со мной, тех я не бросаю. Всех без исключения возвращаю обратно. Поверь, Геракл, это особая честь.

В чём состояла эта особая честь, понять было трудно на первый взгляд. Земля, простиравшаяся внизу под колесницей, была безлика. Не было полей, только луга с ровной, всюду одинаковой травой, на которых паслись стада каких-то неизвестных Гераклу животных. Деревья были редки, горы по большей части голы, без снежных пиков. Кое-где склоны заросли колючим непролазным кустарником. Нигде не было видно ни цветов, ни их зачатков. Цвета были очень скудны. Было непонятно, вызвано ли это скудостью окраски предметов или тусклым светом. Наконец, появилось некоторое подобие города: стены, дома – все как на земле. Однообразно одетые люди сновали туда и сюда.

– Смотри, Геракл, вот оно, вечное страдалище, Аид, – сказала Афина. – Ты, должно быть, слышал о нём.

– Да слышал, но мне никто не мог никогда толком объяснить, отчего же страдают люди в Аиде?

– Большинство – от уныния. Унылая земля, унылая невольничья работа каждый день, однообразие и отсутствие всякой возможности к бегству. Их доля и вправду ужасна, Геракл. Но некоторых преследует совершенно особая кара. Как вот этого мальчика, например.

Глядя на Геракла, богиня продолжала столь же безоблачно улыбаться, но, направляя взгляд вниз, она всем своим существом проникалась болью этих несчастных. Их боль была и ее болью, это Геракл тоже ощутил всей душой. В нем самом не было и толики ее сопереживания.

Афина указала на некоего человека внизу. Ростом и комплекцией он действительно походил на мальчика. Его отличали густые и вьющиеся темные волосы. Довольно далеко за городской стеною его одолевали семеро разъяренных стражников. Он боролся с ними, как мог, защищался, убегал, звал на помощь.

– Чего они хотят от него? – спросил Геракл.

– Он, Геракл, был как ты. Зовут его Загрей. Мы тоже долго готовили его. Только было это давно. Я была тогда еще совсем маленькой девочкой. Он родился на Крите, в царском доме. Теперь он не хочет быть рабом, а эти стражники, напротив, хотят поработить его волю.

– Но ты – богиня, разве ты не можешь помочь ему?

– Я помогаю ему с первого дня, как он оказался в Аиде. Вот смотри.

Афина отдала поводья Гераклу и подняла руку вверх. Луч света, белого, как привычный земной день, простерся в направлении Загрея от ее ладони. Было видно, что от этого луча мальчик сразу почувствовал в себе прилив сил. Несколькими ударами он уложил стражников и пустился бежать.

– Отсюда нет выхода. Куда же он?

– В город. Собирать людей на борьбу со стражниками. Только это бесполезно.

– Афина, то, что ты говоришь, удивительно для меня. Если вы, всемогущие боги так печетесь о нас, людях, почему же не прекратите эти страдания?

– Геракл, ты не думай, эти стражники – отнюдь не робкого десятка. Если мы захотим забрать отсюда кого-либо из людей и поднять к нам, их набегит целое войско. А людей много. За раз нашими общими усилиями мы сможем поднять две-три души, не больше. И потом в течение долгого времени мы будем бессильны, понимаешь? Поднять из Аида душу для нас – все равно как для земного мастера сделать изысканную вещь: долгая, кропотливая, дорогая работа. Поэтому для узников Аида мы делаем все возможное здесь, на месте. Посмотри вот туда, например. Это моя старшая сестра, Персефона.

В той стороне, куда указывала Афина будто восходило солнце, но не то тусклое, что восходило на аидовом небосклоне ежедневно, нет. Этот рассвет напоминал Гераклу земной, но только без зари. Когда светило, наконец, показалось, стало ясно, что висит оно не высоко в небе, а на вполне ощущаемой высоте. Но свет его был не желтым, как у солнца, а белым и даже с голубым отливом. Когда светило приблизилось, в нем можно было рассмотреть женственную фигуру Персефоны, окруженную светящимся шаром. Великие божественные сестры приветствовали друг друга, обменявшись лучами.

По сравнению с настоящим солнцем свет Персефоны был, конечно, много слабей: его едва хватало, чтобы осчастливить жителей одного местного города. Но и это было уже очень и очень немало. Она влекла к себе людей с непреодолимой силой. Люди следовали за ее движением, пока стражники позволяли им, падали перед ней ниц.

– Афина, это поразительно! Мне тоже хочется ей молиться, – восторженно проговорил Геракл.

– И не напрасно, мой юный друг. Она заслуживает этого.

– Но расскажи мне про нее. Как она стала такой могущественной, что может явно и беспрепятственно входить в Аид? Ведь даже ты этого не можешь.

– Я могу, Геракл, но мне назначено иное. Я забочусь больше о тех, кто живет на земле, а она о мертвых, о тех, что в Аиде. А случилось это вот как. Она была нареченной Зевсу невестой. Но царь Аида похитил ее с небесных высот и пленил. Вслед за ней попал в плен и Загрей, в которого она вложила очень много сил и труда...

Геракл едва ли слушал в пол уха. Его завораживал триумф Персефоны над этой безликою землею. Она будто бы разговаривала с ним одновременно тысячью родных голосов обо всем, что только можно было вообразить: и о красоте земной природы, и о любви, которой он любил Эрато, и об уюте отчего дома, и, наконец, о нерушимых, хранящих родные Фивы стенах. Некоторые голоса были особенными: один напоминал скорее даже не голос, а прикосновение заботливой материнской руки, а в другом Геракл будто бы слышал строгий наказ отца...

Он не мог понять, кто и как мог пленить столь великое и сильное существо, но он не мог не оценить, насколько важным было явление Персефоны пленникам этого бесприютного мира – ведь как она говорила с ним, так же она, должно быть, обращалась к сердцу каждого узника. Афина читала его мысли.

– Да, Геракл, бывает и так. Я говорила тебе, что стражники в Аиде отнюдь не робкого десятка. Но и сестра моя, и я сама, и Зевс теперь не те, что были раньше. Мы стали много сильнее. Мы ведь тоже все воины и, как и тебе, нам нужно упражняться, чтобы одолевать врагов. Мы немало потрудились, мы вели борьбу с царем Аида, и он вынужден был нам уступить: Персефона стала проводить в Аиде лишь треть года, а остальное время – жить на небесах. Мы могли бы и полностью освободить ее, чтобы она воссоединилась с Зевсом, но она решила иначе, Геракл.

– Почему?

– Потому что сама была здесь в неволе и страдания других узников приняла ближе к сердцу. Мало-помалу, мы сделали так, что она спускается сюда, как и раньше, на треть года, но не для того, чтобы быть пленницей, а чтобы одарить этих несчастных своим светом. Возвращаясь же к нам на небеса, она копит силы для нового спуска.

– Так что же, Афина, они все останутся навсегда в Аиде? – спросил Геракл, очертя рукой горизонт.

– Увы, Геракл, мне и самой грустно сознавать это. Большинство из них еще очень и очень долго не увидит света. Некоторых, например, Загрея, мы поднимем очень скоро, кого позже, кого раньше. Но большинство останется. Понимаешь, Геракл, боги хоть и стали сильнее, но все же еще очень и очень слабы. Нам требуется время. Впрочем, надежда есть. Потому что... тебе наверное это трудно представить, но и над нами, надо мной, над Зевсом тоже есть боги. И они как раз готовят то, о чем ты говоришь – избавление людей от вечных страданий. Подъем из Аида перестанет быть делом искусства. Я мечтаю о том, что буду увозить людей отсюда в своей колеснице так же, как сейчас везу в ней тебя... Но это должно произойти сразу всюду, по всей земле, а потому нескоро. Пока мы рады уже тому, что среди нас нашлась столь отважная Персефона, которая не бросает заключенных в этом лиловом царстве, а поддерживает в них надежду. Даже сам Зевс, хотя и долго грустил, принял ее выбор.

Договаривая это, Афина уже гнала коней дальше, а Геракл провожал взглядом ее сестру до тех пор, пока колесница вновь не остановилась.

– Я не хочу долго задерживать тебя в Аиде, но я должна тебя здесь познакомить еще кое с кем, – сказала Афина.

Недалеко от города было нечто, что Геракл издали принял за озеро. Это была ровная черная, бесформенная, но четко очерченная поверхность. Чернота ее была поразительной: безвозвратно в ней теряясь, ее не менял даже свет Персефоны. Когда Афина подвела колесницу еще немного ближе, Геракл сразу понял, что ошибся: водная гладь не могла быть такой спокойной.

– Сейчас, Геракл, – сказала Афина, – я покажу тебе твою главную противницу. Когда силы тьмы поняли, что им не воспрепятствовать твоему появлению на свет, они поручили ей следить за тобой и по возможности вредить. Люди наверняка будут звать ее по имени новой невесты Зевса, Геры, ибо они будут думать, что ты – его внебрачный сын. Но Гера – тоже моя сестра и, разумеется, никогда не была и не будет причастна к твоим бедам. Смотри, я выведу на середину этой дыры. А ты постарайся всмотреться туда.

Довольно долго в дыре не было видно ничего кроме черноты. Но затем, когда глаза Геракла привыкли, ему показалось, будто там, на дне, он видит два закрытых глаза. И как только он это понял, глаза раскрылись. Эти глаза, как и глаза Афины, были незабываемы. Вспоминая увиденное, Геракл потом сравнивал их. Он рассказывал, что и те, и другие глаза бездонны: когда смотришь в них, все вокруг перестает существовать. Но погружаясь в глаза Афины, видишь блаженство безоблачного синего неба, из которого не хочется возвращаться в вещный мир, а погружаясь в эти глаза, что он увидел впервые на дне аидовой дыры, видишь вокруг себя только тьму и в тревоге жадно ищешь, за что бы зацепиться взглядом. Спасло же Геракла по его собственному мнению то, что где-то в уголке этой тьмы он разглядел женскую фигуру со змеями на голове. Его проняла дрожь, он едва сдержал испуганный крик, – она ведь была похожа на горгон, о которых со слов Персея, рассказывал ему отец. Чтобы избавиться от ее вида, мало было просто закрыть глаза, надо было отвести от этой страшной дыры взгляд.

– Ну вот, теперь ты знаешь, кого тебе остерегаться, Геракл, – с улыбкой сказала ему Афина. – Мы сделаем все, чтобы уберечь тебя от ее козней, но она в самом деле очень и очень сильна, и во многом уже нам навредила.

– В чем же?

– Для начала она задержала роды Алкмены. Так ты лишился возможности стать в Тиринфе царем. Персей понял, что на тиринфском троне нам нужен будешь именно ты, и потому попытался поменять порядок наследования, но тщетно. Затем, когда ты был младенцем, она подослала к тебе змей, но я подросла на защиту...

Рассказывая об этом, Афина уже правила колесницу отсюда прочь к их самой последней остановке в мрачном Аиде.

На этот раз летели они сравнительно долго, так что тусклое солнце успело за время полета заметно сдвинуться. Под ними пролетали многочисленные земли, столь же безликие. Но где-то на полпути Геракл узрел внизу темно-багровую волнующуюся гладь, море. Здешнее море представляло собой жуткое зрелище. Если земля была просто унылой и неприятной, то от созерцания моря у Геракла шли мурашки по всему телу. Конечно, как будущий воин он готовил себя к тому, чтобы не быть восприимчивым к виду крови. Однако, проливать кровь в таких количествах, в которых она была в здешних морях, едва ли хоть один земной воин был готов. Афина вела колесницу высоко, и все же Геракл смог разглядеть и некоторых морских обитателей: огромных, похожих на китов зубастых чудищ. Нырять и выныривая, они поднимали в воздух жуткие кровавые брызги.

Ближе к концу пути впереди стали появляться горы. По высоте они не шли ни в какое сравнение ни со знакомым Гераклу Геликоном, ни даже с Парнасом. Но если Парнас и Геликон радовали глаз и возвышали душу, то от этих чернеющих пиков, как и от моря, веяло жутью. Когда пики приблизились, к наводящему ужас виду присоединился еще и исходивший откуда-то из глубины массива гул. Подлетев еще ближе, можно было различить новые, еще более пугающие звуки. Геракл вцепился в борт колесницы. Он понял, что, оказавшись он тут в одиночестве, этот не то стон, не то крик, переходящий временами в звериный рев, заставил бы его обратиться в бегство. В этом неистовом стенании были слышны какие-то человеческие нотки. Стрдание несчастного, вероятно, превосходило любые представления о том, что может вынести человек, оттого он и голосил зверем. Его ор был настолько громок, что на большом расстоянии заглушал собою слышимый в горных ущельях металлический лязг. Ручьями по скалам к морю струилась та же багровая жидкость, и Геракл цепенел при мысли о том, что творится в том месте, откуда исходят страшные звуки. Афина тем временем искусно правила колесницей промеж нависавших со всех сторон зловещих каменных громад.

– Тебе страшно? – спросила она.

– Да, есть немного, – ответил Геракл.

– Не бойся, это просто один из титанов.

– Титанов?

– Да, тех, кого по вашим преданиям запер в Аиде Зевс.

– Ты хочешь сказать, он этого не делал?

– Да что ты! Имени Зевса еще в помине не было, когда эти несчастные, соблазненные силами тьмы, пали в бездну. А этот, которого мы увидим сейчас, был у них жрецом.

– Почему ты так думаешь?

– Он способен видеть меня, когда я здесь, и все понимает. Он знает больше остальных о богах, потому стражники и отвели его в такую даль, что к нему не приходит даже Персефона.

Между тем, гул нарастал. Очень скоро стало понятно, что ощущение того, что горы вокруг сотрясаются – отнюдь не кажимость. Геракл увидел одну скалу, которая по-настоящему с невероятным скрежетом дергалась в разные стороны. От нее же исходил и лязг цепей. То, что это были именно цепи, Геракл увидел, когда они облетели эту неистовую скалу с противоположной стороны. Но неистовой оказалась вовсе не скала, а прикованный к ней необыкновенной величины и силы практически нагой человек, мужчина. Вид его был ужасен: он зарос волосами так, что лица вовсе нельзя было разглядеть. По его ногам, видимо, со спины текла кровь. Вокруг оков его конечности были разодраны в мясо. Несмотря на боль, он ежесекундно рвал цепи с такой силой, что скала приходила в движение. Завидев колесницу Афины, он застенал вдвое сильнее, вдвое сильнее заметался. Было видно, что всем вожделием своей страждущей души он устремлялся к богине.

– Вот видишь, Геракл, он заметил нас.

– Вижу, Афина. Так ты хочешь сказать, что он светел?

– Да. Он светлее тысяч вместе взятых покорных узников Аида. Мы, боги, видим душу. Так что можешь мне поверить: освободившись, он будет велик.

– Хорошо, я верю. Но ты скажешь, что и ему вы, боги, не в силах сейчас помочь?

– Сейчас, увы, нет.

– Афина, но когда же, когда же станет возможным помочь этим страдальцам?

– Подожди, Геракл, дай мне время. Сегодня тебе все должно стать понятно.

Афина поворачивала коней. Она знала, как нелегко человеку смотреть на подобное.

– Кстати, как зовут его? – спросил Геракл.

– Прометей.

За скалой, к которой приспешники темных сил приковали Прометей, горы шли на спад и взору открывалась покрытая туманом равнина. Она была единственной безмолвной и безучастной зрительницей его титанических мук. Одиночество в страдании – одно только это по мнению Геракла превышало его муки над суммой мук множества простых невольников.

Кони уносили колесницу в туман, в котором постепенно растворялся и силуэт Прометей, и контуры скал. Обернувшись назад, Геракл провожал удаляющегося титана взглядом. Он почувствовал, что им надлежит еще встретиться. Еще, вслушиваясь в затихающие стоны Прометей, он уловил в них сходство с тем ревом, что исходил из того дубового ствола, который несколько дней назад дал ему рубить Телеф. Выходило, что Геракл, сам того не зная, причинял ему еще дополнительные страдания и что это он, Прометей, вероятно, защищаясь, поверг Геракла с ног. Как телефов дуб был связан с этой горой в Аиде, юный герой, конечно, никак не мог взять в толк. Афина в сердцах кивала Гераклу головою.

Вскоре туман начал как будто рассеиваться. Светлело. Казалось, что сквозь него пробивалось настоящее земное солнце, по которому Геракл, не проведя и дня в Аиде, уже успел соскучиться. Оказалось, что они летят над лесом, прямо над верхушками деревьев. Наконец, туман совсем растворился, и на деревьях показалась молодая листва и крупные капли росы. Лес был прозрачен и весело искрился выступившей влагой. Но то, что лес этот не простой, Гераклу

стало ясно, когда Афина решила снижаться. Ему казалось, что колесница вот-вот разобьется о приближающиеся макушки, но произошло удивительное: деревья расступились и открыли им дорогу, причем настолько ровную, что совершенно не было ощущения, что они едут, – больше походило на то, что колесница все еще продолжает лететь.

Открывшаяся дорога вела через поля к лежащему у морского берега поселению. Городом назвать его Геракл никак не мог, ибо вокруг домов не было стены. Афина объяснила ему, что в стенах тут нет надобности, поскольку войны, для которой они бы годились, не бывает. Оказавшись между домов, они вынуждены были замедлиться. Афины здесь многие знали. Кто просто здоровался, кто преклонял колена, но все без исключения сопровождали колесницу восторженным взглядом. Чувствовалось, что по городу едет почитаемая богиня.

Увидев на улице одну, как показалось Гераклу, средних лет пару, Афина еще больше замедлила ход. Эта пара отличалась от прочих тем, что, конечно, поприветствовав Афины, больше интереса, нежели к ней, она проявила к Гераклу. Глядя на него, муж и жена о чем-то перешептывались и улыбались ему. Это не могло не броситься в глаза самому юному герою. Они сопровождали колесницу взглядом, уже когда та миновала их.

– Постой, Афина, – сказал Геракл, – останови. Эти люди явно хотят поговорить со мной. Это можно?

– Да, конечно, можно.

Геракл спрыгнул с колесницы и направился к ним.

– Посмотри, он идет к нам. Неужели узнал? Не может быть... – шептала мужу жена и продолжала, – На кого же он все-таки похож?

Ответить муж не успел, ибо Геракл был уже рядом.

– Здравствуй юноша! – обратился к нему муж. – Мы, вот, смотрим на тебя и не можем понять, тот ли ты, за кого мы тебя принимаем или нет. Как зовут тебя?

– Геракл, – ответил он.

– Вот видишь, Андромеда, значит мы не ошиблись.

«Андромеда? – промелькнуло в голове у Геракла, – А мужчина неужто Персей?»

– Ты нас, конечно, не помнишь, – продолжал мужчина. – Я умер, когда тебе еще года не было...

– А меня ты можешь помнить, – перебила женщина, – я нянчила тебя до четырех лет. Хотя, силы были, конечно, уже не те.

Сколько ни силился Геракл, вспомнить лица Андромеды он не мог. Такой молодой он не видел ее никогда.

– Теперь я понимаю, – отвечал Геракл. Он едва мог поверить в происходящее. Слезы выступили у него на глазах. Он обнялся поочередно с Персеем и Андромедой. На удивление, тела их были совершенно осязаемы и излучали родное тепло.

– Как видишь, Геракл, мы и после смерти прекрасно себя чувствуем, и так же любим друг друга, как и на земле. Так что, неправду говорят, что всем надлежит страдать в Аиде. Очень отраднo видеть тебя в колеснице с Афиной. Она – величайшая богиня, Геракл. А про тебя я ведь знал, что ты будешь не простым юношей еще до того, как ты родился. Только вот, когда стало ясно, что ты не получишь тиринфский трон, я так разволновался, что пришлось побыть здесь какое-то время одному без Андромеды, – говорил, смеясь, Персей, приобнимая при этом свою тоже сияющую от счастья супругу. – Но теперь я вижу, что у тебя все хорошо. Ты надолго у нас?

– Да, видимо, нет. Афина пока ничего мне не говорила, но я полагаю, до темноты она должна вернуть назад, и я не знаю, что еще она хочет мне показать.

– Ну, ей виднее, конечно! Внимательно смотри все. Тогда мы не будем тебя задерживать. Беги к ней.

– Да, Персей, я думаю, мне надо торопиться, но хочу спросить тебя прежде. Зачем тебе это? – Геракл указывал на висящий на поясе у Персея меч. – Афина говорила мне, что здесь не бывает войны.

– Ты, должно быть, не так ее понял, Геракл – отвечал Персей. – Ты наверное спросил, почему у здешних городов нет стен.

– Да. И она сказала, что здесь не бывает войны, от которой стены могли бы защитить.

– Это, конечно, правильно, только, к сожалению, это не значит, что не бывает никакой другой войны. Да, города и страны не воюют здесь друг с другом, но если случится прийти сюда стражникам из Аида, построенные из камня стены едва ли помогут.

– А меч? Поможет?

– Думаю, Афина не рассердится если я покажу тебе то чудесное оружие, которым мы воюем.

С этими словами Персей достал меч из ножен и отдал юноше. К удивлению Геракла клинок был вовсе не металлическим. По крайней мере на вид он напоминал большой умело ограненный и заточенный полупрозрачный зеленого цвета кристалл. Юный герой потрогал лезвие – оно казалось привычно острым.

– А теперь надави пальцем сильнее, – сказал Персей. – Нет еще сильнее. Ты что, боишься порезаться?

Геракл последовал совету прадеда и, хотя и не без опаски, продолжал нажимать подушечкой большого пальца на клинок до тех пор, пока не почувствовал, что его кожа вот-вот разорвется. Сделав над собой дополнительное усилие, он нажал еще чуть-чуть, и тогда случилось совершенно неожиданное: под пальцем зашуршало нечто похожее на песок, но твердая каменная крошка не посыпалась на землю. Все выглядело так, как если бы она растворилась в живой плоти. Геракл не верил своим глазам – меч был внутри его пальца или, наоборот, палец внутри меча, и при этом он не испытывал ничего похожего на боль, а лишь какое-то приятное шевеление.

– Что это? – спросил ошеломленный юноша.

– Вот такие у нас мечи, – улыбаясь отвечал Персей.

Геракл вынул из клинка палец. Мелкие зелененькие частички, растворившиеся было в пальце, теперь с шорохом вылетали из него, очень необычно щекоча кожу с внутренней стороны, тихо позванивая, ударялись о кристаллическое лезвие и занимали в нем свое место. Сын Амфитриона рассмотрел подвергнутой испытанию большой палец. Никаких следов ранения на нем не было.

– Но постой, – поспешил он спросить Персея, – в чем же смысл драться такими мечами, если поранить никого нельзя?

– Сам подумай, Геракл, зачем ранить если можно исцелять? Это целительный меч. Любую, самую глубокую рану, нанесенную стражником Аида, он заживляет в момент.

– Подожди-подожди, Персей, я что-то ничего не понимаю. Ну допустим, сами себя вы можете исцелять, но ведь вам как-то надо справляться с врагами?

– Мы и их исцеляем. Их плоть больна, потому что они злы. Но исцеляя плоть, мы не в силах исцелить душу. Поэтому они остаются во власти своего царя. Он возвращает их в свое подземное царство, но уже не стражами, а узниками. Из-за этого наших мечей они боятся как огня. Они запуганы своим владыкой, и долю людских мучителей предпочитают радости света Персефоны, которая им в их нынешнем состоянии непонятна и даже смешна. А ты ведь уже знаком с этой богиней, не так ли?

– Да, конечно! – с восторгом ответил Геракл, – Афина показала мне свою сестру в подземном царстве.

– Значит ты представляешь, каково оно – жить там, – сказал Персей, тяжело вздыхая. – В этих страданиях начинается работа над их обращением от тьмы к свету. Так на самом деле

не должно быть. Мне, да и всем нам тут, тягостно от того, что мы обрекаем их на муки, но пока это лучшее, что мы можем для них сделать. Через много столетий они будут освобождены и, освободившись, должны будут думать о том, как помогать своим бывшим мучителям, тем, которые убереглись от наших мечей.

– Да, Афина говорила мне о том, что боги хотят освободить из Аида всех узников, – отвечал Геракл.

– Вот поэтому-то, – продолжал Персей, – все мужчины и так же немалое число женщин носят здесь именно такие мечи. Мы ведь прекрасно знаем, что ни для одной живой души нет смерти. Если мы будем калечить их, они будут уходить на какое-то время, залечивать раны и снова возвращаться. А так они навсегда выбывают из числа наших врагов. Ну все, Геракл, беги. Я вижу, что Афина уже заждалась. Поцелуй от меня Алкмену. Она была моей любимой внучкой.

– И отца не забудь, – добавила Андромеда. – Он – тоже наш внук. И еще, Геракл, возвращайся как можно скорее в Фивы. Мать очень волнуется о тебе, хотя дед и дал ей знать о том, что ты жив и здоров.

Персей игриво подмигнул Гераклу одним глазом.

– Да, Геракл, – подхватил он, – к тому же, тебе скоро предстоит там дела.

– Хорошо-хорошо. Ну, счастливо вам!

Они втроем обнялись на прощание. Геракл со всех ног побежал к колеснице, но на полпути вспомнил еще об одном важном вопросе. Спешно развернувшись, он крикнул вслед Персею и Андромеде:

– Эй постойте! А Эрато? Что мне делать с нею?

Ответ Андромеды был к удивлению Геракла невнятен, как во сне. Он переспрашивал, но тщетно. Пара удалялась от него по своим делам, а сзади его уже звала Афина. Геракл снова запрыгнул в колесницу, и они двинулись дальше по городу. Мимо него медленно проплыл рынок, где ему бросилось в глаза множество самого разного оружия и еще больше других весьма причудливых предметов, назначения которых он не знал. Геракл понимал, что хорошо бы уделить этому городу больше внимания: помимо рынка крайне интересным оказался порт, где стояли корабли, казавшиеся ему в отличие от привычных деревянных живыми. На носках у них были настоящие, огромные под стать их величине глаза, которыми они могли двигать. Однако, юный герой был занят обдумыванием пережитой им только что незабываемой встречи. Впрочем, ни одну из встреч, устроенных ему Афиной, он так и не смог забыть, как этого ему порой ни хотелось в трудную минуту жизни.

На него нахлынули сомнения относительно Эрато. Почему Андромеда отвечала ему про нее так неотчетливо? Ведь он прекрасно ее слышал, но говорила она будто на другом языке. Многие из слов он угадывал – именно что угадывал, – а многих и вовсе не слышал никогда в жизни. Он хотел было спросить об этом у Афины, но сообразил, что это – наверняка часть испытания. Богиня снова с радостью вторила ему в сердцах.

От порта небесного города их путь уходил ввысь. Уходил он настолько резко, что Геракл едва ли не висел на поручне. Потом земное притяжение стало ослабевать, и вверху показались два огромных духа, тела которых состояли словно из несметного количества струящихся и блестящих на ярком свете пузырьков. Незаметно колесница оказалась посреди воды: для нее открылся длинный, круглый как труба, сухой коридор с невидимыми стенами. Слева и справа духи неторопливо гребли мощными плавниками, величественно сопровождая Афины. Пройдя таким образом изрядную толщу воды, колесница снова оказалась в воздухе. Богиня благодарственно махнула рукой водным великанам, и они, нырнув, погрузились в свою родную стихию и словно растворились в ней.

Геракл осматривался в этом новом для себя мире. Он взглянул на небо, которое было здесь безоблачным, затем переглянулся с Афиной. Да-да, это была та самая синева, одна и та же в ее глазах и в этом небе. С земною синевой ее было никак не перепутать. Море внизу было спокойным и только время от времени игриво плескалось сверкающей на солнце волной. Суша... наконец-то и она появлялась впереди с великолепными прибрежными городами. Навстречу им стали попадаться люди. Они здесь летали точь-в-точь, как Афина: кто сами, кто на лошадях, кто на колесницах преодолевали они путь от одного города к другому. Но еще больше людей путешествовали по воде верхом на морских духах, подобных тем, что еще недавно вывели Афины и Геракла на поверхность.

Если о том городе, где ему повстречались Персей и Андромеда, Геракл еще что-то рассказывал, то об этих городах он наотрез отказывался говорить что-либо. Даже попытайся он что-либо передать, это не имело бы никакого смысла, ибо слов, способных выразить то величие, нет в человеческом языке, – так разъяснял всегда Геракл, будучи уже многоопытным, зрелым мужем. Единственное, что он говорил, – что видел, как с небесных высот в один из городов спускался кто-то могучий и великий.

Еще он передавал то, что поведала ему об этих городах Афина. А она объясняла ему, что эти города на морском берегу – часть огромной небесной страны под названием Эанна. В Эанну, в эту ее часть, поднимаются после смерти те, кто на земле жил во владениях финикийцев. Правят в этой небесной стране братья Зевса и ее, Афины, сестры. Вообще, Афина сказала, что и она сама, и Зевс, и другие боги многому учатся у правителей Эанны, например, тому, как привлекать на свою сторону морских духов. Что же казалось Гераклу наиболее странным, это то, что Афина говорила о том, что Эанна рано или поздно оторвется от своих владений на земле, и вот тогда, именно их, ахейцев небесная страна должна взять эти владения под свою опеку. К этому времени она должна быть достаточно сильной и могущественной, чтобы успешно исполнять эту роль. И все время, из раза в раз она повторяла, что небесные страны в отличие от земных друг другу не враги, что общий враг всех небесных стран в Аиде и даже под ним.

В ответ же на вопрос Геракла, можно ли увидеть их, ахейцев небесную страну, Афина развернула колесницу вспять, и через некоторое время им открылся вид на неисчислимое множество больших и малых островов, разбросанных в море вблизи большой земли. Но на удивление Геракла и острова, и эта земля были заселены лишь пресноводными духами: человеческой души на них не было ни одной.

– Что же это, Афина? – спросил Геракл. – Почему здесь нет людей?

– Потому что, Геракл, нам нужен кто-то, кто возьмется строить первый город. Тогда сюда потянутся и другие, и страна начнет расти и крепнуть. Возвысившиеся людские души начнут помогать тем, что живут еще на земле, и все больше и больше будет возрастать поток душ сюда, в страну небесную. Вместе с небесным начнет тогда крепнуть и земное царство.

– Понимаю... – отвечал Геракл, – но все же первые жители здесь уже есть.

Внизу на одном из островов Геракл и в самом деле разглядел подобие жилища. От привычных домов его отличало отсутствие крыши. Здесь, по всей видимости, никогда не бывало непогоды.

– А у тебя зоркий глаз, Геракл! – похвалила его Афина. – Это жилище Европы. Мы попросили владык Эанны прислать нам кого-то в помощь, и они прислали ее. Она привела с собой нескольких морских духов, таких, которых ты видел сегодня. Она готовила их к жизни в вашем мире и по сей день продолжает готовить новых. Ведь, пожив здесь, они поселяются в сердце ваших морей. А, кстати, там вдалеке... видишь? Это они.

Афина подвела колесницу чуть ближе. Геракл стал свидетелем самого настоящего урока, который стоявшая двумя ногами на водной глади Европа вместе с одним большим, видимо, уже взрослым духом, проводила для пятерых маленьких. Первым заданием для учеников было

изобразить большую волну. Хуже или лучше с ним справились все, хотя малышам трудно было превзойти в мастерстве большого духа: волна в его исполнении была сколь игрива, столь же и величественна. Не было никаких сомнений, что эту волну катит настоящий бог. Именно величественности и не хватало молодым: они непомерно сильно плескались, отчего волны получались у них какими-то детскими, несерьезными, игрушечными.

Дальше пошли задания посложнее. Лучом света, исходящим из ее ладони, Европа зажгла на небольшом расстоянии друг от друга два плавающих на воде огонька. Тем же самым лучом она обвела на водной глади невидимый контур, и сразу же из него возникла обыкновенная лодка. Европа повелела ученикам провести эту лодку по воде от одного огня до другого. Это было уже не так просто. Выдержки хватало далеко не всем. Малышам быстро надоедало медленно идти вместе с лодкой, они начинали прыгать все большими и большими волнами и в конце концов переворачивали ее. То же самое случалось и с большим многовесельным кораблем. Правда, большой корабль они могли удержать на плаву все вместе, но Европа строго объясняла им, что каждый из них должен уметь это делать самостоятельно.

Наконец, урок был закончен. Довольные малыши, резвясь, разлетелись в разные стороны: что и как делать, больше им никто не предписывал. Но и взрослый дух, как оказалось, лишь выглядел послушным и степенным. Проводив детей взглядом, он в мгновение ока схватил Европу и взметнулся с нею так высоко, что даже Гераклу стало не по себе. Он перевернулся с ней в воздухе несколько раз и, придерживая ее плавниками, абсолютно ровно вошел обратно в воду. Европа кричала, как казалось, и от страха, и от удовольствия.

– Астерий, милый, ты так здорово помогаешь мне с детьми, – затараторила финикийка, когда они снова вынырнули, – но ведь они могут это увидеть! Там, где им предстоит жить, этого не поймут!

Но Астерий не слушал ее. Он обращался с нею играючи – так, будто был уверен, что без этих полетов с ним она жить не может. Наконец, его буйству пришел конец. Европа выходила из моря на песчаный берег. За ней неуклюже выползал морской дух. Он втягивал в себя плавники и из сине-зеленого становился белым. Афина опустилась пониже, и тогда стал слышен их разговор.

– Астерий, милый, прошу тебя, выходи не ленись, я ведь знаю, что ты это умеешь, – говорила Европа своему морскому другу, для которого теперь наступило время труда и учебы. В ответ он только заголосил по-звериному, но как-то уж очень похож был его голос на мычание. И на удивление он стал в самом деле превращаться в подобие быка. Тело его, однако, по-прежнему оставалось нетвердым, струящимся.

– Здравствуй, Европа! Я вижу, твои труды не пропадают даром, – поприветствовала ее Афина.

– Ах, здравствуй, Афина! – отвечала ей, поклонившись, Европа. Завидев Афины, Астерий ей тоже радостно промычал. – Как видишь! Всего-то, надо было попросить его хорошенько вспомнить, кем он был в одной из жизней на земле. Он еще немного ленится, но это временно. Главное, мы поняли, как это делать, правда, Астерий?

Астерий ответил протяжным мычанием и потерся о плечо Европы своей бычачьей головой.

– Ну вот видишь! Я ведь говорила тебе – для настоящей любви нет ничего неразрешимого.

– Позволь спросить, Афина, а кто это с тобой в колеснице?

– А пусть он сам тебе и ответит.

Геракл замешкался. Он не знал, кто он здесь и кем должен представляться.

– Гераклом зовут меня. Я – воин, – ответил он первое, что пришло ему в голову, – но пока что я здесь в гостях.

– Воин – это хорошо, нам нужны воины, не правда ли, Афина?

– Безусловно, Европа, коль скоро сражаются они на правильной стороне. Надеюсь, вы с Гераклом когда-нибудь еще повстречаетесь. Нам пора. День близится к концу.

– Счастливо вам! – кричала вслед улетающей колеснице Европа.

– Му-му-му муууууууу! – вторил ей своим мычанием Астерий. Он еще только учился говорить.

– Странная парочка, – заметил усмехнувшись Геракл. – У них что, правда, любовь?

– Ничего странного, Геракл. Любовь не приносит здесь потомства. Люди, духи, звери любят здесь друг друга не для того, чтобы размножаться.

– А для чего тогда?

– Чтобы делать друг друга лучше. Я знаю, это, быть может, трудно тебе понять...

– А ты, Афина, тоже любишь кого-то? – перебил богиню Геракл.

– Конечно! – восторженно ответила она и обратила ввысь свои, полные синевы глаза. – Любовь богов друг к другу творит все на земле. Посмотри наверх.

Геракл поднял голову, но взгляд его встретил лишь голубое небо.

– Нет, еще выше! – еще восторженнее произнесла Афина. Геракл запрокинул голову и тут же вынужден был зажмуриться. Его слепила маленькая, но очень яркая звезда.

– Не можешь смотреть? – спросила Афина, – А мне, представь, трудно отвести отсюда взгляд. Это мой жених. Он тоже изо всех сил тебе помогает, потому и свет его над тобой. Зовут его Аполлон. Мы любим друг друга. Мы знаем, что созданы друг для друга, но любовь наша обретет полноту не раньше, чем закончит свой путь наше земное царство.

Колесница приближалась к отрогу Геликона с южной стороны. Они пересекли Киферон, справа остались Фивы. Когда внизу промелькнули владения Феспия и его соседей, Геракл понял, что его путешествие с Афиной заканчивается. Изо всех сил он думал, что сказать великой и ставшей столь близкой ему богине на прощание... Он не заметил сам, как сошел с колесницы. Афина сделала вокруг него в воздухе несколько кругов. «До свидания, Геракл! Боги ждут тебя на Олимпе! Боги ждут тебя на Олимпе!» – кричала она ему. Он не отвечал ей ничего и только думал про себя: «Что это такое, Олимп? Или это как Эанна, наша небесная страна?»

Когда белая колесница Афины растворилась в воздухе столь же медленно и незаметно, как и появилась, Геракл окончательно понял, что вернулся на землю. Он обнаружил себя стоящим рядом со своим конем. Уже смеркалось. Юный герой чувствовал себя уставшим точно так же, как после проведенного на охоте дня. Это была еще одна причина, по которой он считал, что его путешествие с Афиной происходило не во сне. Он отвязал с коня свернутую шкуру киферонского льва и, накрывшись ею, уснул прямо у дороги.

Глава 9.

Когда стало ясно, что Геракл не возвращается домой ни к ужину, ни вообще до темноты, Феспий решил начать выяснение. Поиски он отложил до утра, но по крайней мере он узнал от не находившей себе места Эрато, кто, вероятнее всего, видел Геракла последним. Взяв факел, он направился к Телефу, который как раз в это время жег свой ежедневный костер. Телеф издали заметил приближающийся мерцающий огонек. Относительно личности этого факелоносца у него практически не было сомнений.

– Это ты, Феспий? – спросил он.

– Да я, – отвечал факелоносец. – Доброго тебе вечера.

Когда тот подошел ближе, Телеф разглядел его глаза полные отчаяния и, что было очень несвойственно Феспию, гнева.

– И тебе, друг. Я догадываюсь, зачем ты пришел.

– Отвечай мне, что ты сделал с Гераклом! – говорил Феспий. По голосу казалось, что он едва держит себя в руках. Он предвидел ответ Телефа и сознавал свою вину, но не хотел в ней даже самому себе признаться.

– Феспий, прости меня, я наверное был недостаточно тверд в своих предостережениях. Но все же, ты ведь не можешь этого отрицать, – я предупреждал тебя... Геракл попросил меня утром отвести его на ближайшую гору. Я всего лишь выполнил его просьбу.

– Ты оставил его там одного?

– Да.

– Но почему?

– Потому что я чувствовал, что он должен быть там один.

– И... ты не причинил ему никакого вреда?

– Зачем?

– Ах, да... – вздохнул Феспий, – и вправду, зачем?... Так что же, он вернется? Нам ждать его к утру?

– Он может вернуться, ибо жив и свободен. Но, увидев его здесь в ближайшие годы, я был бы крайне удивлен.

– Как ты сказал? Годы? Но он ведь муж моей дочери...

– Знаю.

– Так как же, он не вернется к жене?

– Феспий, понимаешь ли ты, о ком идет речь? Геракл – сын самого Зевса.

– Я понимаю... Но вот скажи мне, ты ведь знал, что он уйдет. Почему не воспрепятствовал? Почему не сказал мне?

– Феспий, поверь, это не из злонамеренности в отношении тебя или Эрато. Не далее, как две недели назад, я едва не лишил этого юнца жизни. И все потому, что, увлекшись охотой, я не смог прочесть божественный знак. Но тогда боги были благосклонны ко мне и отвели от Геракла угрозу. Больше так ошибаться я не мог, потому на этот раз я напряг все силы своей души и своего разума и принял единственно правильное решение.

Феспий задумчиво опустил глаза. Разговор с Телефом, которому он по-прежнему доверял бесконечно, поверг его в полную растерянность. Он повернулся и сделал несколько шагов вправо. Держа правой рукой бороду, он смотрел теперь в звездное небо.

– Ну хорошо, друг. Пусть ты прав. Но если Геракл не вернется, что мне делать тогда?

– Я не понимаю твоего вопроса, Феспий. А что ты хочешь сделать? Что исправить? Живи как раньше.

Наутро к дому Феспия прискакал оседланный конь без наездника. Это был тот самый конь, на котором уехал Геракл. А когда после исчезновения юного героя солнце взойшло во второй раз, в комнату Эрато постучался посыльный из Фив и вручил ей письмо вот какого содержания:

«Моя милая Эрато!

Я не знаю, что думаешь ты обо мне сегодня и думаешь ли вообще обо мне. Я очень надеюсь, что ты поймешь меня. Этим письмом я попытаюсь тебе все объяснить.

Прежде всего, ты слышала и от отца, и от уважаемого тобой Телефа о том, что я – сын Зевса. Ты даже участвовала в том таинстве у Телефа, когда мы рубили дубовый ствол. Мне показалось, что ты была убеждена тем вечером, а, быть может, еще и раньше, что Телеф и на этот раз не ошибается.

Так вот, о моя милая Эрато, ты не можешь себе представить, насколько еще более веское доказательство этого получил я тем днем, когда был оставлен Телефом на отроге Геликона. Доказательство это настолько обширно, что рассказать тебе все я просто не имею возможности. Да и о многом рассказать мне особо нечего, поскольку еще не все уложилось

в достаточной степени у меня в голове. Я описал все Телефу, для него это важно, и он, если будет у тебя желание, поделится с тобой настолько, насколько сочтет нужным.

Помнишь, я рассказывал тебе о щитоносной богине, которую видела моя мать перед тем, как родила меня. Так вот, эта богиня явилась мне и провела меня по нескольким разным мирам: от царства мертвых до небесных стран. И именно вот там, в небесной стране я увидел нечто, что теперь неодолимо влечет меня и заставляет расстаться с тобой.

Милая моя Эрато, я хочу, чтобы ты знала: причина, по которой я покинул тебя вовсе не в тебе. Ты прекрасна. Для меня не было бы большего земного счастья, чем просто быть рядом с тобой. Моя любовь к тебе навсегда останется для меня примером чистого, ничем не замутненного чувства. Но то, что показала мне богиня, так же навсегда лишило меня покоя простых семейных забот.

Эрато, я не знаю, понятно ли тебе то, о чем я пишу. Я представляю, как не просто дастся тебе осознание того, что меня нет больше рядом. Как бы там ни было, постарайся простить меня.

Еще, просто чтобы ты знала. Я вернулся к родителям в Фивы. На письмо это, прошу, не отвечай. О причине моего ухода отцу не рассказывай. Телеф объяснит ему все в меру необходимости. Если будет нужно, поговори с Телефом. Он обещал тебе помочь.

И последнее. Несмотря на то, что тебе сейчас тяжело, я хотел бы вернуть тебя в ту ночь у костра прорицателя. По его словам мы должны были бы узнать нечто, что сильнее привяжет нас друг к другу, но вот, мы расстаемся. Что же ты скажешь, он неправ? Нет, конечно же нет! Помнишь ли ты ту падающую звезду? Я убежден, что в ней наша надежда. Если когда-нибудь нам посчастливится увидеть нечто подобное, я точно знаю, что мы будем вместе – я словно вижу сейчас этот день. Хотя как боги это устроят, сейчас понять, конечно же, мне не дано. Так давай же не смыкать глаз ни одной безлунной ночью, смотреть в небо и думать друг о друге. Я верю – рано или поздно счастье нам улыбнется.

Теперь совсем все.

Будь здорова.

Твой Геракл.»

Надежда... Она одна придавала юному герою силы в тот момент, когда он писал это письмо. Оттого столь отчетливо видел он свое и Эрато далекое будущее. Но не нужно быть большим знатоком человеческой души, чтобы представить себе, как потрясло совсем еще юную девушку это письмо. Особенно последние строки, звучавшие для нее едва ли не как издевка.

Ненавидеть Эрато не умела. Обида и досада овладели ею. Пытаясь сначала отыскать причины произошедшего в себе самой, она заперлась в собственной комнате. Правда, очень скоро ей захотелось только одного – спать дни и ночи напролет глубоким сном, чтобы ничего не чувствовать, не думать и не страдать. В течение нескольких дней дочь Феспия не показывалась никому на глаза, ничего не ела. Прекратить затворничество ее заставило только недомогание. Встав однажды утром с постели, она была вынуждена сразу же лечь, почувствовав головокружение и тошноту. Эрато вначале приняла это за следствие долгого времени, проведенного без пищи. Но опытные наложницы Феспия сразу же распознали в этом недомогании признак того, что она носит под сердцем дитя.

Буквально в течение нескольких дней после этого о беременности объявляют еще трое дочерей Феспия, за тем еще и еще, и, в конце концов, оказалось, что беременны все пятьдесят. На вопрос Феспия, кто отец, дочери упорно молчали. Когда же Феспий спрашивал прямо: «Геракл?» – они с нескрываемым облегчением, широко раскрыв глаза, кивали ему в ответ. Признаться в связи с зевсовым сыном, пусть и незаконной, было легче, нежели в связи с рабом. Эрато тоже не выдавала сестер, хотя не сомневалась в том, что Геракл был ей верен. Она надеялась, что со временем как-то все устроится.

Прошло почти два месяца с того дня, как Геракл появился во владениях Феспия. Как и в тот вечер, Феспий вышел на закате в собственный сад. Как все изменилось в саду с тех пор... Цветы давно опали и сменились зачатками будущих плодов. Исчез аромат. Олива, от которой Геракл отпилил большую сухую ветку сильно бросалась Феспию в глаза, хотя это было лишь одно дерево из нескольких тысяч. С потерей ветки оно утратило грацию. Феспий думал уже, что неплохо было бы вообще избавиться от него и посадить новое.

Неизменным, как и окружавшие сад расцвеченные закатом горы, было появление Телефа. Он передвигался бесшумно, как кошка. Феспий почувствовал на себе его взгляд, и только это заставило его обернуться.

– Ах, Телеф... Здравствуй, друг! Чем порадуешь?

– Здравствуй! Я слышал, у тебя беда...

– Беда, говоришь... А ведь это все твой Геракл! Сын Зевса!

– Не гневи богов, Феспий! Так ты в самом деле думаешь, это он? – удивился Телеф.

– Так они говорят.

– А Эрато?

– Подтвердить не может. Ей-де неизвестно. Но и не отрицает... Телеф, скажи мне, ты видел когда-нибудь такое? Юнец сбегает из дома, повздорив с учителем, и появляется у меня. Что я должен сделать? Да конечно, отправить его восвояси. Тем более, что пастух его отца занимается моими коровами. Что же делаю я вместо этого? Я даю ему приют, кормлю его, отдаю ему в жены дочь, и чем платит он взамен? Просто неслыханно, Телеф! Я поеду к Амфириону.

– Подожди ехать. Успеешь всегда. Давай разберемся лучше. Когда по-твоему, он мог это сделать? Он ведь был с нами все время на охоте. Не думаю, что после охоты у него оставались силы.

– Не суди по себе, Телеф. Или тебе никогда не было восемнадцать? Он юнец, к тому же очень видный, способен понравится любой девчонке.

– Ну подожди хотя бы до того, как дети родятся, может и доказательства появятся. Хотя я не верю в то, что Геракл мог это сделать.

– Ладно, Телеф, ты пришел ведь не за тем, чтобы поучать меня.

– Нет, конечно. Я хотел бы предложить свою помощь.

– Помощь? – раздраженно спросил кекропиец. – А чем ты можешь помочь?

– Феспий, прости, – начал провидец, – я действительно не знаю, что произошло с твоими сорока девятью дочерьми. Надеюсь, что это разрешится очень и очень скоро. Но за то я точно знаю, что произошло с Эрато и, мало того, часть ответственности за это лежит на мне. Потому, Феспий, я готов взять в жены Эрато если, конечно, это не против твоей отцовской воли.

Феспий был ошеломлен такой решимостью друга, но, поговорив с ним еще, он убедился сам, что это было бы в самом деле наилучшим выходом. Прежде всего, Эрато была много младше Телефа, а, стало быть, в качестве супруги возрастом подходила ему лучше, чем Гераклу. Больше того, и возраст Телефа был более подходящим для женитьбы: в отличие от ветреного Геракла, на долю которого обладание Эрато выпало по счастливой случайности, он мог серьезно думать о своих семейных обязанностях, о детях. Кроме того, Телеф – очень хороший прорицатель, что давало возможность всегда иметь надежный кусок хлеба, да и в конце концов просто проверенный честный человек. Ну и, напоследок, что было не очень понятно Феспию, но Телефом преподносилось как важнейшее обстоятельство, – это то, что их, Эрато и Телефа, объединяла причастность к божественному Гераклу. Самым же главным было то, что ко всему это было быстрым и наиболее безболезненным решением проблемы. Недолго думая, Феспий согласился.

Относительно остальных сорока девяти дочерей Феспий внял благоразумному совету друга и отложил решение вопроса до рождения детей, после которого сомнений не оставалось

уже никаких. Все они были как один похожи на того самого похотливого раба, о котором Эрато рассказывала в их первую ночь Гераклу. Раб был, разумеется, мгновенно продан. Ну а для наложниц Феспий вскорости построил на орхоменской дороге дом, в котором эти многоопытные жрицы Эрата принимали путников.

Вообще, Феспий чувствовал себя по-детски одураченным. Единственной радостью, которую он находил во всей этой истории, было то, что все до одного дети его дочерей оказались мальчиками. Он так устал от женского общества, чреватого столь коварными неожиданно-стями... Но если в лице Феспия Геракл был оправдан, то не терпящая сложных хитросплетений людская молва, быстро и далеко разнесла лишь первые подозрения богатого кекропийца. Пятьдесят дочерей Феспия навсегда оказались связанными с именем сына Алкмены и почти никто не помнил о том, что любил юный Геракл лишь одну из них.

В. Победа

*Там и Зевесова дочь – добытчица Тритогея,
Вид имея такой, словно битву жelaет подвигнуть,
В шлеме златом на главе...
Гесиод, «Щит Геракла»*

Глава 1

Итак, судьба Геракла испытывала крутой поворот. Но если произошедшее с ним у Феспия служило лишь предварением перемен, а встреча с щитоносной богиней указывала на их близость, то непосредственным к ним поводом стало то, что случилось с юным героем тогда, когда, пробудившись ото сна под отрогом Геликона, он направился, как советовал ему Персей, домой в Фивы.

Впрочем, в Фивы он направился отнюдь не сразу, хотя и проснулся с готовым решением у Феспия больше не оставаться. Встав, он первым делом отвязал своего коня, ласково обнял его, прошептал ему что-то на прощание, после чего шлепнул его по спине. Лишь только конь исчез за поворотом дороги, и стал больше не слышен стук его копыт, Геракл накинул на себя шкуру, перевязал на груди львиные лапы и обратил свой взгляд к Копаиде. К ней хотел он спуститься и прошлым утром. Теперь его уже ничего не держало кроме, пожалуй, переживаний об увиденном из колесницы Афины. Они замедляли его ход, уводили то и дело с прямой дороги.

Многое Геракл осмысливал, конечно, еще в течение нескольких лет, но в тот момент важнейшим для него был вопрос о том, как ему поступить с Эрато. Он перебирал каждый эпизод видения и силился найти что-то, что давало бы ему хоть какую-то зацепку. Первым пришел ему на ум прямой вопрос, заданный им самим Андромеде, но ответ ее он то ли сразу не расслышал, то ли... он сам не знал, в чем было дело. Однако, голос этой мудрой женщины был отчетлив. Геракл воспроизводил его несколько раз в памяти, но несмотря на все усилия не мог уловить смысл сказанного ею в целом. Тогда он стал пытаться разобрать хотя бы отдельные слова. «Любовь» – да конечно, без этого слова ответ Андромеды нельзя было бы себе представить, и оно было там первым. «Вечный, вечно или вечной,» – что-то подобное слышалось Гераклу, и он перебирал все три возможности, ища наиболее подходящую по смыслу. Затем, «любите» – именно так, это было точно о них двоих, о нем и Эрато, как и следующее, что он смог расшифровать: «встретитесь». Дальше шло «бойся» – это явно было обращено к нему одному, а затем то ли «возвращаться», то «возвращайся». В конце было еще одно короткое слово, разобрать которое никак было нельзя, как, впрочем, нельзя было разобрать и многих связующих слов между теми, что были угаданы.

Увы, Андромеда при всей ее мудрости едва ли помогла Гераклу. Обрывки ее ответа можно было истолковать как угодно. Куда яснее были слова Афины: «Люди, духи, звери

любят здесь друг друга не для того, чтобы размножаться... чтобы делать друг друга лучше...» Лучше... «Любовь женщины и мужчины может и должна приносить величайшую радость. И радость тела – лишь одна из них,» – так не по годам мудро говорила ему Эрато. Но где были эти другие радости? На них у молодых супругов просто не хватило времени. Что знал о своей возлюбленной Геракл, чтобы сделать ее лучше? Ничего. Юношу объела тоска от осознания бесполезности проведенных в любовных утехах недель.

Но дело было бы совсем плохо, если бы Геракл не вспомнил о любви настоящей, вечной, например, любви Афины и Аполлона, которая, правда, обретет полноту не раньше, чем закончит свой земной путь их земное царство. Геракл еще раз запрокинул голову, чтобы посмотреть в зенит, как он сделал это вчера, в небесной стране. Слепящая аполлонова звезда сопровождала его и здесь. Не забыл он и о любви его предков, Персея и Андромеды, преградой для которой не стала даже смерть. Обрела ли их любовь ту полноту, о которой говорила Афина? И что в сравнении с их любовью была его, Геракла, и Эрато любовь?

Ни к какому, впрочем, определенному выводу Геракл так и не успел прийти. Он сменил уже однажды спуск на подъем, но теперь снова шел вниз извилистой горной тропой по направлению к Копаиде. Солнце, восходившее со стороны родной равнины, нагревало юноше правый бок, и он подумывал уже о том, чтобы снять с себя львиную шкуру. Впереди стоял чей-то дом с почти таким же большим, как у Феспия, садом. От этого дома было уже рукой подать до озера, гладь которого весело поигрывала в лучах утреннего солнца. Перед этим владением шла узкая дорога, подойдя к которой, Геракл увидел приближающуюся слева повозку.

Он на всякий случай протер глаза: проснулся он все же совсем недавно. Глаза, впрочем, не обманывали его. Это была не колесница Афины. В этой повозке, запряженной парой коней, спереди сидели двое холеных бородатых мужчин в дорогих хламидах. Завидев необычно одетого путника, они остановились.

– Эй, охотник! – обратился к Гераклу тот, что держал в руках поводья, – Тебе случайно не в Фивы?

Геракл вдруг сообразил, что это неплохая возможность оказаться быстрее дома. Озеро он видел уже с достаточной близости. Дорога, по которой шла повозка, была, очевидно, той, о которой рассказывал ему Телеф. Он посмотрел самое главное из того, что хотел. Впрочем, если бы он мог предвидеть, как скоро потребуется ему хорошее знание этой местности, он задержался бы тут подольше.

Геракл занял место на задней скамейке рядом с поклажей. Кони быстро перевалили через возвышение и понесли путников под уклон. Позади был уже Галиарт. Его стены юноша тоже успел рассмотреть. Дорога спускалась к Тенерийской равнине. Покидая ее, он застал на ней только лишь всходы. Теперь это было настоящее колыхаемое легким ветерком зеленое море. Геракл радовался возвращению домой.

Все же он не мог отделаться от того, что, сидя в колеснице с двумя незнакомцами, чувствует себя неуютно. Всех знатных фиванцев Геракл знал в лицо. Конечно, дорога эта вела из Фессалии через Беотию, Кекропию и Мегариду в самый Пелопоннес – на ней кого угодно можно было встретить. Тем не менее, странное чувство Геракла довольно быстро перешло в беспокойство и даже подозрение. Он собрался и стал внимательно осматривать повозку и поклажу, и немедленно обнаружил причину. В стоявшем рядом с ним полупустом открытом коробе поверх одежд лежали два меча, явно дорогой работы. На ножнах был изображен охотник с двумя собаками. «Актеон!» – едва не вскрикнул Геракл будто пораженный его, Актеона, стрелой. Этот враждебный символ был знаком Гераклу с детства. Сомнений не оставалось: это были орхоменцы. Их визит в Фивы не сулил родному городу ничего хорошего. Поборов некоторую оторопь, юный герой стал соображать, как бы ему не выдать себя. В этот момент один из попутчиков решил заговорить с ним.

– Эй, там сзади! Ты что, заснул?

– Нет.

– А чего сидишь, не шевелишься? Ты не от Феспия ли?

По счастливому стечению обстоятельств Гераклу не пришлось даже говорить неправды, чтобы отвести от себя угрозу.

– Да, от него. А откуда ты знаешь?

– Ну как же? Всем известно, что Феспий охотится на льва. Поздравляю! Я слышал, эта охота была не из простых.

– Да уж. Что верно, то верно, – отвечал Геракл.

– Кстати, что там Феспий? Не думает ли он присоединиться к Орхомену?

– Насколько мне известно, нет. А почему он должен это сделать?

– Да потому что Фив скоро не будет, – с нескрываемым удовольствием вступил в разговор второй попутчик. – Эргин приказывает удвоить дань. Мы едем сообщить это Креонту.

Геракл выдавал себя всем своим видом. Благо, что орхоменцы в этот момент не оборачивались. Он внутренне сжался и ошетинился словно еж, которого неожиданно потревожили. Удвоение дани и вправду означало для Фив конец.

– И все же, – продолжал смаковать фиванские несчастья второй попутчик, – Эргин не прав. Я говорил ему об этом. Просто-напросто, надо было каждому фиванцу отрубить нос, уши и руки. Причем сразу. Вот это была бы справедливая дань!

Орхоменцы рассмеялись. Гераклу же было совсем не до смеха. В нем все клокотало. В миг позабыл он о своей любви, об Эрато и Афине и какое-то время присматривался пристально к одному из мечей. Когда повозка окончательно спустилась на равнину и пошла между зеленющих колосьев, Геракл тихо и аккуратно вынул из ножен клинок и, убедившись, что не замечен, обратился к вознице:

– Ну-ка, останови!

Тот натянул поводья. Кони встали.

– Что случилось? – спросил возница, оборачиваясь, но в ответ получил удар меча так быстро, что обернувшийся мгновением позже его друг тоже не успел ничего поделывать. Крики понеслись по равнине. Геракл некоторое время невозмутимо наблюдал, как корчатся от боли и истекают кровью только что ехавшие с важным царским поручением послы. У обоих орхоменцев были отрублены носы. Он бросил меч обратно в короб, и, ничего не сказав, направился в Фивы пешком.

Около полудня Геракл вошел в западные ворота Фив, в те же самые, которые он покинул ровно пятьдесят дней назад. Его возвращение не могло остаться незамеченным для горожан. Люди на улицах, особенно женщины, шарахались от него, он же продолжал идти и идти. Поползли слухи о явившемся в город духе в образе льва. Прорицатели предвещали беду, но говорили, что возможность избавиться от нее есть только если никто не покинет Фивы.

Все это прошло мимо юного героя. Вернувшись в дом Амфитриона, он заперся у себя в комнате; на стук в дверь и голоса домашних не отзывался. Предвидел ли он, чем обернется его расправа с послами Эргина? Видимо, да. Потому-то он и решил написать Эрато то самое письмо и послать его ей лишь в том случае, если дела действительно примут ожидаемый им оборот. Но если бы он убедился, что конфликт с Орхоменом разрешается миром, он забрал бы ее через несколько дней к себе. На благополучный же исход войны он не мог полагаться. Слишком плачевным было положение Фив.

Солнце еще не ушло за горизонт, когда уставшего Геракла стало клонить ко сну. Его ложе было убрано и приготовлено, будто ждало его возвращения, – об этом заботилась каждый день Алкмена. Он был несказанно счастлив ощутить его под собой снова. С улыбкой на устах вспоминал Геракл, каким большим показалось оно ему в тот день, когда его впервые внесли в его комнату. Это был целый мир! На нем можно было прыгать, кувыркаться и даже прятаться от родителей под покрывалом. Заказывая для сына ложе, дочь Электриона приказала вырезать

на нем незамысловатый узор из щитов. Она хотела, чтобы щит Афины прикрывал его и во сне. Гераклу делалось необыкновенно сладко от этой мысли. С нею, с этой мыслью он усypал. Назавтра ему нужны были силы.

Глава 2

Проснулся Геракл отдохнувшим и в хорошем настроении. Он гнал от себя всяческие дурные мысли и, пока выбирал себе одежду на смену, обдумывал что, как и кому он будет рассказывать о своих приключениях у Феспия. Но, увы, долгого отдыха его душе дано не было, и прервал его стук в дверь и взволнованный голос Амфитриона:

– Геракл, ради богов открой!

Геракл догадывался о причине прихода отца. Скрываться больше он не собирался, и потому открыл. За Амфитрионом стояли двое царских стражников с копьями. Только им после поражения Фив было позволено носить оружие. Геракл немного испугался при их виде, но быстро понял, что напрасно.

– Смотри, – восторженно сказал один из стражников другому, указывая внутрь комнаты, – тут и шкура!

Он несколько грубовато, но без злости подвинул юношу в сторону и прошел внутрь.

– Да, точно, львиная, как и говорил Креонт!

Этот высокий, заметно больше, чем на голову, выше Геракла стражник смотрел на него с несколько чудаковатым восторгом и надеждой. Он был молод, года может быть на два постарше Геракла. Шлем у него был каким-то странным и даже неряшливым образом наклонен на бок.

– Вот, посмотрите на него, – продолжал он в запале, – вот так должны действовать мы все! Тогда Фивы очень быстро снова станут свободными и процветающими. Молодец!

Стражник протянул Гераклу свою большую руку. Геракл в ответ недоуменно протянул свою.

– Уймись, Промах! – одернул молодого стражника его напарник.

Он был старше и, видимо, по характеру несколько сдержаннее.

– Что происходит, отец? – спросил, наконец, ничего не понимающий Геракл.

– Дай-ка я для начала тебя обниму, – сказал тихо Амфитрион, – а то, того гляди, мы с матерью снова тебя потеряем... А ты, кажется, возмужал еще больше. Ежедневная охота пошла тебе явно на пользу.

– Охота давно закончилась. Теперь, если я правильно понимаю, нам предстоит война?

– Вот! Правильно, война! – снова встрял Промах. – Мы отведем тебя к Креонту, и ты убедишь его в том, что нужно воевать.

– Промах, приказываю тебе замолчать! – по привычке военачальника прикрикнул Амфитрион на молодого воина.

Тот хотел было возразить, что начальник над ним один только царь, и говорить он все равно будет, но старший товарищ вывел его из комнаты.

– Мы подождем вас на улице, – сказал он, выходя. – Только, умоляю, не задерживайтесь. Креонт ждет.

– Хорошо-хорошо, – ответил Геракл.

Он ненадолго остался с отцом наедине.

– Посмотри мне в глаза, Геракл, ведь это был ты? Юноша в львиной шкуре.

– Я-я...

– Ты понимаешь, что ты наделал? Из-за тебя в опасности весь город. Креонт хочет тебя выдать, и я не знаю, смогу ли я тебя защитить.

Это был последний раз, когда Амфитрион еще думал, как ему заступиться за сына.

– Не беспокойся, отец. Боги на моей стороне. Я это знаю. Ты думаешь, Фивам было бы лучше, если бы я не отрубил носы этим миниям? Знаешь ли ты, с чем эти двое сюда ехали?

– С чем же?

– Они везли приказ Эргина увеличить дань вдвое!

– Геракл, я прекрасно понимаю, что ты неспроста изувечил этих несчастных миниев. Но все же, о Фивах надо было подумать. Пока кровь не пролита, есть возможность договориться, а теперь... Ладно, пойдем. Стража ждет.

Они направились в царский дворец.

– Как ты думаешь, Промах, – спросил его по дороге Геракл, – много ли в Фивах таких, как ты?

– Я такой один единственный. А тех, кто думает, как я много. Вот он, например, – Промах указал на своего напарника, тот кивнул головой. – Просто он слишком мудр, а излишняя мудрость часто мешает говорить открыто, что думаешь.

– Так значит, молодежь настроена биться?

– Да, конечно! Ты только не подумай, Геракл, и ты, Амфитрион... Вы не подумайте, что я мятежник. Я верно служу Креонту и поступлю так, как он прикажет. Но и молчать я тоже не могу при виде того, как гибнет город. И ведь так думают очень многие, но боятся. Не Креонта боятся – войны... Я понимаю, дела наши плохи, но если не пытаться ничего сделать, то никогда ничего так и не изменится. Я человек простой и молодой к тому же, вести войну – не мое дело, но если бы нашелся кто-то...

Промах говорил так зажигательно-проникновенно и при этом так страстно жестикулировал, что своим копьём едва не покалечил на узких улицах нескольких человек.

– Скажи Промах, а кто ты будешь родом? – перебил его Геракл.

– Мои родители – простые рыбаки, – отвечал стражник, – живут на берегу Ликерии. А я, вот, вырос большим и сильным, решил податься на царскую службу. Но, когда возвращаюсь домой, и порывачить тоже люблю. Эх, сейчас у них наверное славный угорь пошел!

– Почему именно сейчас?

– Кто-то говорил мне, что Копайда сейчас в разливе. Весь угорь-то обычно там. Но стоит ей разлиться, воды в протоке становится больше и с ней приносит и угря. Вы думаете, зря миниец такую узкую протоку сделал? Неет! Это все из жадности: угря своего бережет! Хотите, съездим с вами к моим? Хоть завтра. Вот только сейчас разберемся с минийцем.

– Ну... завтра не обещаю, но скоро... поедем. – с хитрецей подмигнув глазом, ответил Геракл на приглашение.

Они, между тем, приближались к дворцу. Его обладателем Креонт стал в тяжелейшее для Фив время: он наблюдал воочию братоубийство сыновей Эдипа и принял на себя руководство войском в решающий момент, спасши таким образом Фивы от Семерых и от стоявшей за ними микенской пяты. А Микены были в ту пору могущественны... Эти истории, красочно рассказанные ему отцом, Геракл вспоминал на подходе к большой агоре, в глубине которой находился дворец. Царское жилище мало того, что стояло на плоской вершине кадмейского холма, – оно было помимо того еще и выше всех строений в городе. С его крыши можно было видеть и гору Лафистион, что рядом с Орхоменом, а в то утро наверное еще и краешек разлившейся Копайды.

«Но как же так? – думал про себя Геракл. – Почему же он, победитель Семерых, победитель Микен, не позволил им забрать тела погибших? Для чего была ему эта гора трупов?» Да, Креонт был своенравен, и боги наказывали его за это. Так тогда, когда он отказался выдать тела погибших микенцев, в Фивы совершенно неожиданно, ночью нагрянуло войско из Кекропии. Его повязали и отправили в Аттику, но, благо, быстро вернули, не причинив вреда городу. Все это случилось лет за пять до переезда в Кадмею семейства персеида Амфитриона. Стоило Фивам немного оправиться от этой беды, как началась вражда с Орхоменом. Потому Креонт, испытавший немало превратностей судьбы, не любил грозных символов вроде лабриса, кото-

рый был очень почитаем в Пелопоннесе, или льва, которым любили отмечать себя потомки Кадма. Переднюю стену его дворца за колоннадой украшали большие осенние виноградные листья с темными, обильными гроздьями. Две крайние колонны были увиты плющом. Справа и слева от ведущих к колоннаде ступеней находились два жертвенника, украшенные старыми, позеленевшими от времени доспехами, щитом и мечом. Таких жертвенников, впрочем, было немало по всему городу. Говорили о том, что эти жертвенники – память о тесте Кадма, неистовом боге Арее.

Все же, своенравие Креонта тревожило Геракла тем больше, чем ближе они подходили к дворцу. Он вспомнил другой случай, в котором он, будучи уже мальчиком, принял деятельное участие. У Креонта был сын, первенец, почти что ровесник Амфитриона, прекрасный воин и тоже, как и Амфитрион, держатель стад. Звали его Гемон. Гемон, как рассказывали Гераклу, был влюблен в Антигону, дочь Эдипа. После смертельной для обоих ее братьев, но оказавшейся спасительной для города битвы, когда Креонт и стал царем, Антигона посмела ослушаться царского слова и похоронила своего брата Полинника, пришедшего с Семерыми. Тогда Креонт приказал своему сыну заживо закопать Антигону в могилу к ее брату. Но и Гемон ослушался отца, решив, что его гнев недолговечен и скоро пройдет. Он сделал вид, что исполнил все по приказанию, а на самом деле отправил Антигону к своим пастухам и тайно обручился с ней. Антигона родила сына и, не зная забот, жила с пастухами где-то в отрогах Геликона. Гемон время от времени навещал ее и дитя. Дабы не вызывать подозрений, он завел в Фивах жену, но отцу объяснял, что несмотря на отчаянные мольбы, боги не дают им детей.

По прошествии же многих лет случается вот что. В Фивах умирает кто-то очень и очень знатный, и в городе, как полагается, устраивают погребальные игры. Среди юных борцов сильнее всех оказывается мальчик, которого никто не знает – Геракл ведь был еще молод, чтобы участвовать в состязаниях, ему тогда едва исполнилось десять. И вот, Креонт, увенчивая победителя, видит на его теле странное родимое пятно. Присматриваясь, он узнает в нем змею – с этой печатью рождались все без исключения потомки Кадма. Мгновенно поняв, в чем дело, он немедленно, на глазах у горожан срывает с мальчика венки и приговаривает его к смерти. Гемон тут же обнаруживает себя, он бросается с мольбой к отцу, но Креонт непреклонен: ничто не остановило его расправы над внуком, ибо на связь Гемона и Антигоны им был наложен запрет.

Среди пытавшихся урезонить царя был и Амфитрион. Он имел неосторожность рассказать об этом происшествии Гераклу, и мальчик под предлогом того, что хочет посмотреть дворец, напросился пойти к Креонту вместе с отцом. Он смиренно сидел, пока взрослые беседовали. Когда же он понял, что разговоры никакого влияния на Креонта не оказывают, сорвался с места и, вцепившись стареющему правителю в бороду, стал иступленно кричать: «Отпусти! Отпусти его! Слышишь?» Креонт заголосил от боли, вбежала стража. Амфитрион насилу, но, все же, без помощи вооруженных людей сумел справиться с сыном. После такой выходки Геракл едва не последовал участи креонтова внука. Он плакал всю дорогу домой. Успокоить его смогла только Алкмена. Творимое Креонтом казалось ему уже тогда и, тем более, сейчас вопиющей несправедливостью. «Ну если он вправду считал сына виноватым, наказал бы его. Чем же не угодил ему внук? Чем провинился он? Только ли тем, что мать его родила?» – так рассуждал Геракл в тот момент, когда сложенные накрест в дверях дворца копья стражников открылись перед ним.

Судьба Гемона была ужасна. В отчаянии от невозможности уговорить отца он прямо с игрища отправился в горы и убил Антигону, а вслед за нею и самого себя, оставив пастухов в совершенном недоумении о причинах произошедшего. Кстати говоря, был при дворе Креонта и другой носитель кадмовой печати – сын эдипова сына Этеокла, Лаодамант. Правил Фивами Креонт в том числе и по праву опекуна над ним. Так вот, этот Лаодамант, бывший одного с Гераклом возраста, тоже чувствовал неправоту своего опекуна, но высказать это вслух боялся. Выходку Геракла Креонт тщательно от него скрывал, но каким-то образом Лаодаманту

все-таки стало о ней известно. Проникнувшись смелостью сверстника, он завел с ним тесную дружбу.

Впрочем, Креонту надо было отдать должное: несмотря на отдельные случаи проявленного им своенравия, он по-настоящему радел о судьбах родного города. Единственно в надежде на это и вступал Геракл в его, Креонта, тронный зал. Дверь за ним и за Амфитрионом затворилась, за нею остался и стражник Промах со своим старшим напарником.

Креонт величественно восседал на троне, возвышаясь надо всем залом. Два высоких стула справа от него занимали Лаодамант и Тиресий, старый фиванский прорицатель. Геракл сел против своего друга. Против Тиресия сел Амфитрион.

– Ну вот, теперь, все в сборе. Думаю ни для кого, не секрет, зачем мы тут собрались. Я обращаюсь прежде всего к тебе, Геракл.

– Не секрет, царь, твои стражники мне доходчиво все передали.

– Это хорошо. И я, надеясь на твое благоразумие, Геракл, полагаю, что ты не будешь отпираться, и мы не будем тратить время на установление твоей вины. Время сейчас для нас дороже, чем когда-либо.

– Вину свою я признаю, от содеянного не отказываюсь, но...

– Не торопись возражать, Геракл. Сначала выслушай. В нижних комнатах сейчас ожидают двое послов от Эргина. Они требуют выдать юношу в львиной шкуре. В противном случае Эргин угрожает нам очень скорой войной. Положение нашего города тебе известно. Подвергать людей опасности я не имею права и потому, лучшим выходом я считал бы выдать тебя минийцу. Но все же справедливость требует выслушать и виновную сторону. Что можешь сказать в свою защиту?

– В свою защиту сказать мне нечего, Креонт. Я сделал то, что сделал. И сделал я это движимый ненавистью к людям, поносящим мой родной город. Хотя по здравом рассуждении я понимаю, что поставил под угрозу его благополучие. Ты можешь меня, выдать, Креонт. Но...

Геракл остановил в свою речь. Он еще раз прокручивал в голове созревший у него план ведения войны с Орхоменом, вспоминал виды, увиденные им с отрогов Геликона и из колесницы Афины. Не в последнюю очередь молитвенно призывал он себе и городу на защиту и щит богини.

– Так что же ты хотел сказать, Геракл? – прервал его Креонт.

– Я хочу сказать, о царь, что прошу не выдавать меня, – продолжил Геракл, глядя ему прямо в глаза, – потому что я знаю, как нам справиться с Орхоменом.

Геракл оглядел в этот момент всех присутствующих. Лицо мудрого, хотя временами и своенравного Креонта выказывало лишь небольшое смущение. У Тиресия были лишь слегка насуплены его седые и густые брови. Он сомневался в том, правильно ли расслышал слова Геракла. Амфитрион смотрел на сына с нескрываемой тревогой, ибо считал его все еще ребенком, едва ли способным всерьез носить оружие. Наконец, Лаодамант. У него у единственного были на лице искренние восторг и надежда: снова и снова убеждался он в том, с каким прекрасным другом свела его судьба.

– И как же? – испытующе и грозно прозвучал в тишине вопрос Креонта.

Геракл стал излагать свой план. Это вызвало между ним и царем настоящую склоку. Креонт ругал юношу последними словами, говорил на разный лад одно и то же, что он-де еще молокосос и ничего не смыслит, но Геракл, соглашаясь со всем, просил только дать ему говорить и мало-помалу продвигался в изложении. Впрочем, Креонт был действительно мудр, и, почуяв в рассказе Геракла здоровое зерно, он немедленно превратил склоку в испытание на стойкость. Он припомнил Гераклу так же и старое, когда тот старался защитить сына Гемона и Антигоны, но юный герой не поддался.

– Ну хорошо, Геракл, я тебя понял. Амфитрион! – неожиданно обратился царь к главному военачальнику. – Сколько нам для этого нужно людей?

Амфитрион вздрогнул. Он заслушался спором сына с Креонтом.

– Навскидку... тысячи полторы лучников, по триста тяжело– и легковооруженных ну и где-то сотня-две конницы. Этого должно быть достаточно против того, чем располагает Эргин.

– И еще, Креонт, мне нужен твой стражник Промах и отряд человек из пятнадцати ликерийских рыбаков, – добавил Геракл. – Без них все напрасно.

– Я понимаю, – ответил Креонт. – А зачем тебе Промах?

– Так ведь он родом с Ликерии и, насколько я смог его узнать, отличный воин.

– Ладно, Геракл, считай, что Промах и рыбаки у тебя уже есть. Как у нас обстоит дело с людьми, Амфитрион? Мне думается, для тех количеств, что ты назвал, проблем быть не должно.

– Да, Креонт, ты прав, – ответил Амфитрион. – Главная трудность, которую я вижу, – это оружие.

– Будет время, будет и оружие. Так что давай со временем сначала разберемся. Сколько Эргину нужно на сборы?

Глаза Лаодаманта зажглись с новой силой после этого вопроса Креонта. Только теперь он понял, что царь всерьез настроен воевать.

– Никак не меньше трех дней. Но это надо будет разведать более точно, если мы решим вести войну.

– Вот. Можем ли мы в три дня добыть оружие?

– Произвести нет. Разве только легкие щиты. Для луков нужно подходящее дерево, его у нас нет. Доспехи делать долго. Не успеем. Единственная возможность для нас – это ввезти откуда-то готовое.

– Откуда? Тиринф?

– Договориться было бы возможно, но Платейскую дорогу охраняют минии.

– По морю?

– Морем можно, но дорога в Авлиду тоже закрыта.

– Отец, а что ты думаешь насчет Кекропии? – вступил в разговор Геракл. – Феспий мог бы оказать нам услугу? Тогда и доставить было бы легко: Феспий говорил мне, что к западу от Киферона есть небольшая бухта с причалом, а оттуда дорога через Феспия к нам. Она, конечно, не такая широкая, как на Платеи или Орхомен, но для нескольких повозок будет достаточно.

– Хм... А что? Можно попробовать и с Феспием поговорить. – обращаясь к Креонту, ответил Амфитрион. – Он из знатного кекропийского рода. У него должны быть там связи.

– А еще... Не знаю, правда, как понравится тебе это, царь, – поспешил продолжить Геракл, – но тяжелого вооружения и мечей у нас полно – на каждом жертвеннике, а на некоторых по два.

При упоминании жертвенников старик Тиресий, который уже клевал носом, вдруг очнулся, и кстати, потому что Креонт решил обратиться к нему.

– Хорошо, Геракл, будем это иметь в виду. Как тебе кажется, о Тиресий, не идем ли мы столь дерзким поползновением против богов?

Главный фиванский прорицатель был действительно очень и очень стар и жил уже скорее не на земле, а в одном из миров, что показала Гераклу Афина. Счет лет он потерял давно, и о возрасте ему при случае напоминали только окружающие. Впрочем, никто не был уверен, действительно ли он не помнил, когда родился, или намерено говорил так, чтобы показаться еще более «старцем». Тиресий обмочил пересохшие губы и заговорил:

– Креонт, друзья, говоря откровенно, мое присутствие на этом совете излишне. Единственное, что я вам скажу по делу – Геракла нельзя выдавать миниям ни в коем случае. Он – будущее и надежда Фив. А в остальном... я чувствую, что в последние годы мое знание теряет

силу, хотя ум ясен как и тридцать, и сорок лет назад. Вот и сейчас... прорицание говорит, что Фивы спасутся если никто не покинет город. Но с другой стороны, Геракл, на которого тоже указывают боги, предлагает столь далекие вылазки. И где правда, я не знаю...

Старик говорил хоть и ясно, но медленно и прерывисто и... по сути против его плана, как и ожидал Геракл. С юношеской горячностью он перебил прорицателя:

– Постой, Тиресий, но ведь мы именно что делаем вылазки. Никто ведь не собирается бежать из города. Я считаю...

– Геракл! – решил образумить сына Амфитрион. – Имей уважение к старости! Разве ты не видишь, что Тиресию трудно говорить?

Тиресий засмеялся. Все посмотрели на него.

– Креонт, скажи, – ты всегда это помнишь – сколько мне лет?

– Сто восемь, Тиресий.

– Вот, видишь, Амфитрион. Так что ты можешь себе представить, скольких юношей я перевидал, а скольких из тех, кто были когда-то юношами, пережил. Я знаю, что юность быстро проходит, а с нею и пылкость души, которую ничем не остановить. – Тиресий снова засмеялся, вспомнив наверное что-то из собственной юности, а потом глубоко и тяжело вздохнул. – Так что, не надо одергивать Геракла. Тем более, что спрашивает он совершенно правильные вещи. Так вот, еще что я хотел сказать... О жертвенниках. Обычай не велит брать с них оружие. Но...

– Если мы победим, мы принесем богам новые еще более богатые дары! – от нетерпения вставил Геракл.

– Именно! – подхватил Тиресий и снова с улыбкой. – Так что, если вас будут останавливать только крики тех, кто имеет от жертв, что вы приносите на этих жертвенниках, мой вам совет, – не слушайте их. Но если кто-то из вас имеет против этого что-то внутри, тогда всерьез усомнитесь. Вот такое будет вам мое слово.

Креонт поблагодарил прорицателя и обратился теперь к кадмову потомку:

– Лаодамант, в течение всего разговора ты не проронил ни слова. Что ты думаешь о войне с Орхоменом и о том, как предлагает вести ее Геракл?

Вопрос Креонта был настолько неожиданным для наследника фиванского трона, что привел его в замешательство.

– Я...? Ну как, что я думаю...? Я счастлив, что нашелся наконец кто-то, кто на это решился и сам готов во всем помогать!

– Прекрасно. Итак, друзья, раз мы с вами во всем согласны, давайте решим, что кому делать. Амфитрион, я считаю, мы с тобой должны поговорить с другими военачальниками. Поэтому прошу тебя как можно скорее собрать их здесь у меня. Для вас, Геракл и Лаодамант, считаю необходимым узнать мнение молодежи. Соберите наиболее видных юношей на крыше дворца, чтобы не привлекать всеобщего внимания. Я беру на себя минийских послов. Если в двух этих собраниях мы достигнем согласия, я отпущу послов с сообщением о том, что мы предпочитаем воевать. После этого мы с Амфитрионом отправляемся к Феспию.

– Послушайте, а что будет, если Феспий откажет? – с опаской спросил Лаодамант.

– Лаодамант, скажи, ты хотел бы иметь юную наложницу?

– Да, не отказался бы, Креонт.

– Так вот, у Феспия пятьдесят цветущего возраста дочерей и нет ни городских стен, ни армии. Армии у меня тоже нет, но есть хотя бы вооруженная стража. Так что, если Феспий откажет в услуге, у тебя будет большой выбор. Ну и у Геракла тоже. Так что мы с Феспием договоримся. Надеюсь, по-хорошему.

У амфитрионова сына прыгнуло в груди сердце при упоминании дочерей Феспия.

– Ладно, друзья, если возражений нет, предлагаю всем приняться за дело.

Все, кроме уснувшего окончательно Тиресия потянулись к дверям.

– Геракл! – окликнул юношу Креонт. – Прости меня, ради богов, но выпустить тебя я пока не могу. Промах откроет тебе дверь наверх. Промах!

Стражник тотчас явился.

– Пусти этого юношу на крышу и смотри, чтобы никуда не выходил.

Промах отворил дверь к винтовой лестнице. Геракл поднялся по ней. После несомненной удачи на этом собрании он был, тем не менее, в некотором расстройстве. Креонт до конца не доверял ему. Хотя, как думал сам юный герой, на месте Креонта он поступил бы точно так же.

Когда все вышли из зала, Промах подошел к спящему Тиресию. Тот сильно храпел и, как казалось юноше, едва не падал со стула.

– Тиресий, проснись, – стал теребить его Промах. – Все уже кончилось.

Старик открыл глаза.

– Все уже ушли? – спросил он. – А где Геракл?

– Все ушли, но Геракл там, наверху.

Промах указал на дверь, которая вела на крышу. Он помог Тиресию подняться со стула. Геракл смотрел вдаль через равнину в тот момент, когда ему послышались медленные, все время прерывающиеся шаги старого прорицателя. Юноша оглянулся, встретив взглядом его появление на крыше, но тут же неприветливо повернул голову назад. Он уже погрузился в свои мысли, и не хотел ни с кем разговаривать, но все же сознание того, что к нему решил подойти столь уважаемый старец польстило ему. До того дня Геракл никогда не имел с ним дел. Скорее, он побаивался Тиресия из-за его длинной и развесистой бороды и, как казалось Гераклу, недоброго взгляда. Сегодняшний разговор у Креонта, конечно, многое изменил. Старик подошел и положил руку ему на плечо. Геракл слышал его тяжелое дыхание.

– Я плохо вижу. Куда ты смотришь, мой юный друг? – спросил Тиресий.

– На Лафистион, – ответил юноша.

– Правильно смотришь. Враг пойдет оттуда.

– А он пойдет? Ты уже точно знаешь?

– Да. Так что... сыну Зевса предстоит битва.

Геракл с некоторым удивлением посмотрел в сторону, где стоял Тиресий. Глаза его оказались голубыми. Юноша никогда и не мог предположить, что у такого старого человека могут быть столь ясные чистого, голубого цвета глаза.

– Не удивляйся, – продолжил Тиресий, – Телеф был моим лучшим учеником. Я хоть уже и плохо понимаю, что происходит, но в тебя я верю. Так что все будет хорошо. Не пренебреги перед битвой молитвой твоему отцу.

– Непременно, Тиресий. Спасибо, – Геракл благодарственно протянул прорицателю руку; рукопожатие его оказалось неожиданно сильным, а сама рука какой-то необыкновенно ласково-теплой.

– Все, мой юный друг, я больше не досаждаю тебе. Счастливо!

На крышу дворца вела кроме винтовой еще и обычная лестница. К ней поначалу и направился попрощавшийся с Гераклом прорицатель, но путь ему преградила закрытая дверь. По-старчески что-то ворча себе под нос, Тиресий снова прошел мимо провожавшего его взглядом юноши, и еще раз улыбнувшись ему и одобрительно кивнув головой, окончательно скрылся. Геракл распрощался со стариком. Душа его наполнялась тревогой... за исход двух советов, затем за ответ Феспия, затем за исход битвы и, конечно, Эрато... Письмо, что он написал ей, так и осталось лежать дома. Между тем, война между Фивами и Орхоменом становилась все реальнее, и события грозили развернуться очень быстро...

В этот момент Геракл услышал, как кто-то бежал по винтовой лестнице. Звон упавшего на пол металла заставил его снова на мгновение обернуться. Это был Промах. Он так торопился, что на выходе ударился головой о притолоку и потерял шлем. А торопился он потому,

что хотел тоже посмотреть в сторону Орхомена и удостовериться в том, действительно ли разлилась Копайда.

– Эй, ты смотри, действительно полным-полна! – сказал он, стоя рядом с Гераклом и указывая пальцем вдаль. – Посмотри вон туда, в самом деле, сколько рыбаков!

Справа было видно Ликерийское озеро. Рыбацкие лодки сновали по нему туда и сюда. Стая чаек сплошным светло-серым пятном занимала часть водной глади. Некоторые из них с криками носились над городом и над дворцом.

– Так что же решили, Геракл? Неужели Креонт хочет тебя выдать? – спросил Промах, видя что рыболовный восторг охраняемый им юноша не разделяет.

Геракл, впрочем, не ответил и на это. Глубоко и понимающе вздохнув, Промах с опущенной головой направился к лестнице, но на полпути был остановлен.

– Постой, Промах. Скажи, ты мне доверяешь?

– Нет, друг, это ты мне сначала скажи! – с укоризной ответил ему страж, возвратившись к Гераклу.

– Да был бы я здесь, если бы он хотел меня выдать! Отдал бы минийским послам, и дело было бы решенное. Еще и тебя послал бы охраной до Орхомена.

– Ну уж нет! Тебя вести в Орхомен? На это я бы ни за что не согласился.

– Помнится мне, ты говорил, что не мятежник. Или я что-то не так понял?

Промах хотел что-то ответить, но Геракл продолжил:

– Будут совет держать. Отец и Креонт с военными, а Лаодамант и я с молодежью. Здесь, на крыше.

– Понятно, – задумался Промах: он понял, что просто желать битвы и сознавать, что она в самом деле будет, – вовсе не одно и то же.

– Послушай, Промах. Ты можешь принести мне стул и табличку? Кто знает, как это все закончится? Мне нужно написать кое-кому.

– Да, конечно! Я мигом!

Стражник неуклюже ринулся вниз. Обернулся он действительно быстро и при этом сумел прихватить еще и небольшой столик. Геракл переписал еще раз по памяти письмо Эрато.

– Будь добр, Промах, принеси еще одну табличку, – попросил Геракл, закончив.

Второе письмо юный герой сочинял на ходу и дописывал уже второпях.

– Так, Промах. Отдашь царскому посыльному. Ты ведь с ним на короткой ноге?

– Конечно!

– Тогда смотри. Это скажешь отвезти в дом Феспия Эрато.

– Эрато? Это... дочь? – удивленно спросил Промах.

– Да.

– А-а! Понимаю-понимаю. А другое?

– Другое – Телефу. Если посыльный не знает, пусть спросит у Феспия, это там рядом.

– Промах! – послышался голос снизу.

Военачальники уже собирались на совет.

– Слышишь, меня зовут, Геракл! – сказал стражник, переполошившись. – Я все понял. Сделаю, как ты сказал.

Прихватив копье и надев шлем, он убежал по лестнице. Геракл слышал, как там внизу хлопнула дверь. Вскоре другая дверь наверху отворилась. В ней мелькнул с письмами в руке Промах и, попрощавшись взглядом, скрылся. Ждать юному герою оставалось недолго.

Глава 3.

С легкой руки Промаха письма Геракла быстро достигли тех, кому были посланы. Между тем, и оба совета поддержали его план: и военачальники, и цвет молодых фиванских воинов были единодушны. Минийские послы были отпущены ни с чем. Отобедав и прихватив с собой

стражников в полном тяжелом вооружении, Креонт и Амфитрион направились к Феспию. Сам же Геракл, хотя и разделил трапезу с царем и отцом, вынужден был оставаться во дворце под неусыпным наблюдением все того же Промаха.

Само по себе исчезновение Геракла, конечно, тревожило Феспия, но вроде бы и не столь сильно. Увидев же совершенное расстройство дочери, прочитавшей письмо от того, кого он считал ее супругом, Феспий всерьез занемог. Прежде всего, он почувствовал слабость в ногах. Он прилег, укрывшись от послеполуденной жары во внутреннем дворике своего дома, но встать через какое-то время не смог: голова шла кругом, в ушах шумело, виски пульсировали, словно накачивая не в меру отяжелевший затылок.

Царскую процессию из Фив встретил тот самый дальний родственник Феспия, торговец Менандр, что продавал по городам выращенное в хозяйстве кекропийца. По случаю он оказался у Феспия с целью очередных расчетов. Как и подобает хорошему торговцу, он был знаком всем фиванцам: и царю, и простому стражнику. Приветливо и с достоинством он объяснил ситуацию заговорившему с ним Амфитриону. Тот попросил передать хозяину, что дело не терпит отлагательств. Узнав, что к нему пожаловал сам Креонт, Феспий еще только больше разволновался, но приказал все же впустить царя вместе с Амфитрионом к себе.

Нежданно-высокие гости застали кекропийца лежащим на ложе с болезненным, красным лицом в обществе двух его дочерей. Откуда-то из дома доносился то прерывавшийся, то начинавшийся с новой силой женский плач. Феспий открыл глаза как только фиванцы вошли во дворик. Дочери помогли ему чуть-чуть приподняться на подушке.

– Спасибо, девочки. Идите теперь погуляйте. Мы тут сами поговорим.

– Ну здравствуй, Феспий! – поприветствовал больного Амфитрион. – Извини, что беспокоим тебя в твоей болезни, но дело действительно крайне срочное.

– Привет вам, друзья. И тебе, Креонт, – отвечал Феспий.

– Привет-привет! – поздоровался царь.

– Это вы меня простите, что не могу вас принять должным образом.

– Добротная, однако, вещь, – сказал Креонт, берясь за стул.

Два стула, предназначавшиеся гостям, были и вправду необычно и очень добротны сделаны. Они были вырезаны из цельного дубового ствола и тончайше обработаны. На закругленных спинках красовались резные цветы. В весеннюю пору они гармонировали с розовым деревом и мальвами, которые росли во дворике у Феспия сами по себе, осенью – с темно-алыми розами.

– Ах, стулья! Так это работа моего соседа Арга. Он мастер на такие вещи, – не без удовольствия отметил кекропиец.

Арг, сын Арестора, наряду с Телефом был еще одним человеком, которого он очень ценил. Во всем, что касалось дерева, – от ложки до корабля, – едва ли нашелся бы муж, который мог бы его превзойти. Многочисленные перестройки феспиева дома производил тоже он. Правда, сам Феспий был в те времена еще не так богат и к тому же страдал нетерпением: он все время просил Арга работать быстрее. Оттого и дом вышел несколько неказистым и слишком грубо разделенным на части, что так бросилось в глаза Гераклу. Кстати, с Аргом, с этим интереснейшим человеком, был знаком и сын Амфитриона, но из-за увлечения Эрато, охоты на льва и сближения с Телефом он пока не знал о нем почти ничего кроме имени.

– Кстати, не поведаешь ли ты нам, что причиной твоему недугу? – поинтересовался Креонт.

Феспий не хотел говорить правду. Он был уверен, что высокие гости из Фив пожаловали как раз по делу Геракла.

– Какая может быть причина в моем возрасте? Старею... Стоит напрячься чуть больше обычного, как вот... вынужден потом отлеживаться, – отвечал он так, будто подобное случа-

лось с ним уже неоднократно и раньше. – Это у тебя, Креонт, целое царство. Правя им, уж точно не состаришься.

– Ладно, друзья, не будем тратить времени, – перешел к делу Амфитрион, – Фивам нужна твоя помощь, Феспий.

– Вот так уж прямо и Фивам?

– Да, Фивам, – подтвердил Креонт. – Если бы помощь нужна была в отдельности каждому из нас, мы бы и приехали по отдельности. Если ты видишь нас вместе, значит помощь нужна городу.

Феспий призадумался.

– Друзья, говорите прямо, в чем дело. Вы задумали что-то против Орхомена?

Гости с Кадмеи молчали. Они до времени тоже не хотели открываться. Феспий испуганно оглядывал их.

– Если так, то, извините, я вам не помощник. Минии сотрут меня в порошок если узнают, – продолжил он.

– А как ты посмотришь на то, Феспий, – тут же возразил ему царь, – если минии сотрут в порошок целый город, то есть нас?

– Плохо, конечно. Менандр очень удачно торгует в Фивах. Но действительно такова ли угроза?

– Именно такова, – ответил Амфитрион.

– И как же так вышло? Неужели Эргин ни с того ни с сего задумал уничтожить Кадмею?

– Сейчас не время для подробных выяснений, Феспий. Нам нужны твои деньги и связи, чтобы добыть оружие.

Феспий закрыл закрыл глаза, его зрение помутилось, виски застучали сильнее. Он задышал заметно глубже. Старееющее тело кекропийца едва выдерживало груз новых и новых обрушивавшихся на него забот. Из-за обилия забот он и покинул в свое время Кекропию и думал найти покой здесь, под Геликоном, и вдали от большого количества людей предаться лишь благодати своего любимого бога. В течение десятков лет все было именно так, но теперь... теперь наступала расплата. Он ругал себя последними словами за то, что приютил этого мальчишку Геракла. «Еще только вас теперь мне не хватало!» – вопила вся его плоть о незваных фиванских гостях. Но делать было в сущности нечего: ответ Креонту и Амфитриону он должен был дать.

– Ладно, друзья, – сказал им Феспий, снова открывая глаза, – сам я все равно решить не могу. Я должен обратиться к прорицателю. Здесь неподалеку живет некий Телеф, он ученик вашего старца Тиресия. Вы не против, если я прикажу его позвать?

– А доверять ему можно? – спросил Амфитрион. – Не оказывает ли он услуги и орхоменцам?

Феспий вздохнул.

– О том, кто к нему ходит, я ничего не знаю. В личных вопросах я доверяю ему бесконечно. Человек он честный, ни в какой подлости, ни в каком преступлении не замечен. Так что смотрите, вам решать. Но без него я едва ли смогу вам помочь.

Царь с Амфитрионом переглянулись.

– Хорошо, зови своего Телефа, – сказал Креонт.

За Телефом направился Менандр. Феспий, между тем, попросил пить. Явившаяся с пузатой гидрией одна из его дочерей налила воды ему в чашу. Гостям она предложила вина, но в виду важных дел те отказались и тоже попросили воды. Жара усилилась. Солнце стояло высоко, тени были едва заметны. Женский плач меж тем все не унимался.

– Послушай, а кто же это так рыдает? – спросил Креонт хозяина дома.

Тревога и негодование, вызванные этим вопросом, отразились на лице кекропийца. «И он еще смеет спрашивать! Лучше надо юношей воспитывать у вас, в Фивах,» – подумал Феспий.

– Это одна из дочерей. Она сильно поранилась, работая в саду, – ответил он вслух, глядя в сторону и тщетно пытаясь не придавать этому плачу значения.

– Странно, сколько ей лет? Так долго из-за обычной раны могут плакать разве только младенцы.

– Ты не понимаешь, Креонт. Ей шестнадцать лет, возраст на выданье, и рана у нее не простая. Она в самом деле сильно поранила лицо. Может остаться шрам.

– Ах вот оно что! Моя Мегара на пять лет младше. Так что, мне еще это незнакомо.

– Трудный возраст, поверь мне, – подчеркнул с особой многозначительностью Феспий, – ох и трудный...

– Да уж кому и верить в этом вопросе, если не тебе! – заключил, смеясь Креонт.

Амфитрион рассмеялся вслед за ним.

Вскоре пришел Телеф. Высокая процессия двигалась мимо его дома. Потому он догадывался, что дело серьезное и без него скорее всего не обойдется. Менандр предупредил его, что Феспию не здоровится, потому едва оказавшись во внутреннем дворике, прорицатель обратился прежде всего к лежащему на ложе хозяину дома:

– Феспий, желаю тебе здравствовать! Менандр мне рассказал...

– Благодарю тебя, Телеф. Разреши тебе представить: царь Фив Креонт и его главный военачальник Амфитрион.

– Отец Геракла? – спросил Телеф, глядя в глаза персеида.

– Да, – ответил тот несколько настороженно.

Прорицатель уж очень пристально его рассматривал и руку протянул тоже прежде ему и только потом царю, и вслед за тем сел на третий стул работы Арга, который тем временем принесли из сада дочери Феспия.

– Чем обязан вниманию столь знатных гостей?

– Не их вниманию. Это я тебя вызвал. Они лишь согласились на это, – сказал Феспий. – Эти люди просят меня помочь им добыть оружие... для войны с Орхоменом, я полагаю?

– Да, ты прав, – подтвердил его догадки Амфитрион.

– И ты мог бы им помочь? – как всегда невозмутимо повел расспрос Телеф.

Феспий не хотел говорить ни «да» ни «нет», но скрывать свои возможности у него получалось плохо: из его ответов явствовало, что связи в Кекропии позволили бы ему довольно легко добыть необходимые Фивам луки и стрелы.

– Ну что же, – продолжал Телеф, обращаясь теперь уже к гостям, – тогда я должен знать детали вашего плана.

Гости снова переглянулись. Креонт одобрительно кивнул Амфитриону.

– Слушай же, – начал тот. – Нам стало известно, что Эргин хочет окончательно уничтожить Фивы. Мы рассчитываем сначала, узнав заранее о сборах Эргина, перед его выступлением снять минийскую охрану у протоки из Копайды в Ликерию и завалить эту протоку. Даже за ночь вода может подняться очень сильно, так что проход войска по равнине будет невозможен. Но Эргина это вряд ли остановит. Он слишком уверен в том, что мы не окажем серьезного сопротивления. Мы воспользуемся этим и, укрывшись в скалах напротив Галиарга, будем расстреливать его войско из луков. Небольшой конный отряд будет мешать отдельным беглецам построиться на равнине. Затем сзади ударят легковооруженные воины с пращами и с дротиками. Наконец, когда порядки орхоменцев будут расстроены из-за обстрела, по ним ударит небольшой отряд тяжеловооруженных. А о выступлении Эргина нельзя будет не узнать. Он будет собирать армию по всем правилам, ибо ничего не боится. Вот такой у нас план.

Телеф слушал, одобрительно кивая головой каждому новому движению войска, о котором рассказывал Амфитрион, будто сам знал все наперед. По окончании рассказа отвечал он тоже почти не раздумывая:

– Говорю тебе сразу, Феспий, можешь собираться в Кекропию, но... поскольку предприятие это сопряжено с немалым риском, позвольте мне как полагается спросить богов, чтобы быть окончательно уверенным.

– Телеф, друг, но как же я поеду? Я ведь головы поднять не могу, – заголосил Феспий.

– Не беспокойся, к вечеру тебе будет лучше.

– Скажи мне, Телеф, – вступил в разговор Креонт, – как же ты так быстро все понял?

– Если бы я мог это объяснить, о царь, прорицателем мог бы быть каждый, как каменотесом или рыбаком.

– Но понимаешь ли ты, какая тайна тебе доверена и что, покидая нас сейчас, ты неминуемо попадаешь под подозрение?

– О царь, подозрений я не боюсь. Я под подозрением с тех пор, как еще отроком, движимый голосом богов, покинул родные места и пришел в Фивы к уже тогда старому Тиресию. Не только ты, сами небеса доверяют мне свои тайны.

– Так откуда же ты родом, Телеф?

– Я из небольшой деревни в окрестностях Иолка. И... если позволите, я вас покину на некоторое время. Чем быстрее я узнаю ответ богов, тем быстрее Феспий сможет отправиться в путь.

Это не вызвало ни у кого возражений. Телеф быстрым шагом направился к своему дому. Креонт, впрочем, скрепя сердце отпускал его: Телеф ведь оказался минием! Да, это было большое племя. От Фив его земли простирались далеко на север до владений дорян и лапифов. Впрочем, узкий проход Фермопил разделил минийский народ надвое. Одни считали своей столицей Орхомен, а другие Иолк. Несмотря на это, жили они между собою в мире.

– Что же мы с тобой наделали, Амфитрион? – с тревогой в голосе спросил Креонт. – Сами без принуждения и не под пыткой отдали тайну своего плана в руки врага. Феспий, неужели ты не знал об этом?

– Клянусь Зевсом, что нет. Для чего мне это знать? Он отличный прорицатель, много раз меня выручал.

– Ты же должен это лучше меня понимать. Сердце человека там, где он родился!

– Во-первых, Креонт, я не собираюсь ни с кем воевать в отличие от тебя, и единственное, что мне нужно, это чтобы сердце человека было предано мне. Во-вторых, я не могу сказать, что мое сердце в Кекропии. Я нисколько не тоскую о ней. Моя жизнь там, где мой дом. Посмотри на мой сад. Нигде мне уже не вырастить такого. Здесь мои дочери, мои женщины. Я здесь до конца моих дней.

– Ну это ты. А он-то?

– Он? А чем он не такой, как я? Он построил дом... самостоятельно в отличие от меня. Разбил виноградник, делает вино. Здесь он уважаем. Как-то будет в другом месте? Ведь он не единственный прорицатель на земле.

Доводы Феспия до конца не убеждали Креонта.

– Но послушай, у меня сложилось ощущение, что и весь план Геракла он знал наперед. Ты понимаешь, как это могло получиться?

При упоминании имени Геракла у Феспия по всему телу прошла дрожь. Этот вездесущий мальчишка, оказывается, был замешан и в этом деле.

– Я думаю, что ничего удивительного в этом нет, – вступил в разговор Амфитрион. – Он был здесь, общался с Телефом. От того тот и знает, чем Геракл жил и дышал.

Персеид, знавший о причастности сына к божеству, понял, что Телеф абсолютно безопасен, и потому перевел разговор в другое русло. Он вспомнил о том, как впервые приехал к Феспию договариваться о своих коровах и каким прекрасным вином тот его напоил. Кекропиец в свою очередь вспомнил, что то вино сделал Телеф, и что в тот год все вино у них в округе вышло необыкновенным. Беседа потекла так, будто никакой войны не было и впо-

мине. Несчастной Эрато боги дали отдохновение. Она уснула и своим истовым плачем больше не досаждала друзьям. Феспию неожиданно стало лучше. Голова его стала ясной, нездоровая краска спала с лица. Он попросил дочерей принести вино. Наливали друзья, не разбавляя, правда, больше двух чаш не успели выпить. Уже вечерело, когда во внутренний дворик феспиева дома вбежал Телеф.

– Торопись, Феспий, – обратился он, запыхавшись, к хозяину, – тебе нужно отбыть до рассвета.

Креонт и Амфитрион и вправду задержались. Царская стража томилась от безделья. Хозяин дома встал с ложа, чтобы проводить их. Он еще чувствовал слабость в теле, но с другой стороны уже представлял себя несущимся на коне через Киферон.

– Послушай, Феспий, – полушепотом сказал Креонт, когда они стояли уже на дороге, – а ты не мог бы как-нибудь твоего Менандра придержать дома? У меня и к прорицателям-то нет доверия, а уж к торгашам и подавно: за деньги кому угодно продадутся. О том, что мы здесь были никто не должен знать.

– Не беспокойся, я попрошу его остаться на время моего отсутствия. Дальше тоже придумаю что-нибудь.

– Хорошо. Еще что-то хотел тебе сказать, Феспий.

Креонт, будучи немного навеселе, подозвал его ближе пальцем и прошептал на ухо:

– А с дочерью твоей все же что-то не так.

– Все в порядке, переживем, – заверил его кекропиец и по-дружески похлопал по плечу.

– Самое главное, Креонт, мы чуть не забыли, – сказал вполголоса Амфитрион, и спросил у Феспия: – Как называется бухта на заливе, что недалеко от тебя.

– Ты имел в виду Креусу?

– Да, точно. Доставка туда кораблем. Мы пришлем своих людей на повозках. Ни в коем случае по земле и ни в ком случае в Авлиду – там везде орхоменские посты.

– Понял, сделаю.

Фиванцы уже оседлали коней и готовы были тронуться, как услышали позади себя окрик Телефа:

– Стойте! Подождите!

Все обернулись. Телеф вместе с каким-то окрестным юношей нес штук наверное тридцать луков.

– Вот, – сказал он, – это большее, что мы можем для вас сделать. Я собрал их по окрестным домам. Мы все равно не охотимся каждый день. Вам эти луки нужнее.

– Спасибо, Телеф! – ответил ему Амфитрион.

Двое стражников взяли луки – половину один и половину другой, – перевязали толстой веревкой и повесили на коня. Телеф с юношей разошлись, а Феспий, попросив друзей немного подождать, вернулся из дома тоже с двумя луками. Он удивлялся, как это ему самому не пришла в голову такая простая мысль.

Процессия Креонта уходила дальше и дальше. Стесняемое горами закатное солнце причудливо играло в озеленившихся кронах деревьев, в стенах домов и блестящих доспехах фиванских стражников. Феспий благодарил богов за свое выздоровление, как телесное, так и душевное. Уже очень давно, пожалуй с тех пор, как родилась его первая дочь, он не испытывал столь сильных движений души. Кекропиец был готов уже простить и Геракла. Правда, о беременности дочерей он ведь тогда еще не знал. Он перебирал в памяти свои разговоры с Телефом, и вспомнил разговор о нимфах, состоявшийся как раз тогда, когда Геракл только-только оказался у него в доме. Феспию казалось теперь, что горы и деревья и вправду небезучастны к нему.

За игру одной из таких нимф он принял и приблизившийся к нему вдруг запах оливковых цветов и ощущение на плече женской руки.

– Что они хотели от тебя? – спросила супруга Мегамеда, которая все это время провела в невероятном волнении, разрываясь мыслью между страданиями Эрато и догадками о целях визита фиванцев. Увидев ее, Феспий очень обрадовался.

– Мне нужно ехать в Кекропию, – с радостью ответил он.

– Я думала, ты ненавидишь этот город. Как надолго?

– Я должен обернуться как можно быстрее. Приплыву в бухту Креусы на корабле.

– Так что же им все-таки нужно?

– Оружие. Они хотят победить Орхомен.

– Послушай, Феспий. Я не хочу препятствовать твоим планам, но хочу чтобы ты знал: мне и девочкам ни Фивы, ни Орхомен не дороги, нам нужен ты, живой и здоровый. Когда ты едешь?

– Сейчас.

– Ты с ума сошёл! Ты ведь только что едва не умер!

– Но я уже отлично себя чувствую. Телеф сказал, что надо торопиться.

– Телеф сказал..., – обиделась Мегамеда и отвернула от мужа лицо. – Все его слушаешь. Хоть бы жену родную послушал...

– Мегамеда, ну что ты! – уговаривал ее Феспий. – Я ведь правда тебя люблю. Ну Телеф, ты ведь знаешь, никогда не ошибается.

– Знаю... А что будет, если затея фиванцев окажется неудачной?

– Я думал об этом. Корабль будет стоять в Креусе пока дело не разрешится.

– Два корабля, Феспий! У тебя только дочерей пятьдесят если ты еще помнишь.

– Хорошо, будет два.

– Ну вот, ты опять забыл о нас...

С этими словами Мегамеда направилась к дому, но Феспий догнал ее, обнял и развернул лицом к заходящему солнцу. Она была немного выше супруга, и ему, как всегда, пришлось тянуться к ее губам.

– Прощай, – сказала ему Мегамеда после поцелуя.

Некоторое время посмотрев на него, она развернулась и скрылась за дверью. Феспий заметил у нее зарождающиеся в уголках глаз морщины. Родинка на ее шее, которой он не мог налюбоваться, выросла и стала выпуклой. Телом супруга старела вместе с ним. Лишь их преданность друг другу не знала износа.

Взяв с собой факел, мешок денег, флягу с водой и ломоть хлеба, переодевшись в добротную, но грубо сшитую дорожную хламиду и помолившись у священных камней Эроту, Феспий направил свой путь к Киферону. Услышав еще до полной темноты пронесшегося всадника, Телеф спокойно уснул. Все его молитвы возымели желаемое действие – значит он продолжал быть угодным богам. Отправив Феспия в ночную дорогу, он не ошибся. Наутро в дом кекропийца постучался гонец от Эргина, но Менандр сообразил, в чем дело, и с привычной торговцу изворотливостью отговорился тем, что хозяин отбыл в дальнее путешествие не то в Фокиду, не то в Этолию.

Креонт и Амфитрион по дороге домой сошлись во мнении, что Феспий вел себя временами странно. Говорили они и о Телефе.

– А ты говорил, что он миниец! – говорил Амфитрион, намекая на услугу, которую оказал им прорицатель.

– Да как его понять, Амфитрион? Как он добыл эти луки? Ведь наверняка разболтал по всей округе.

– Думаю, – отвечал персеид, – он знает, что делает.

«Он-то знает, а с минийцем воевать нам,» – не переставал волноваться царь, но вслух своих сомнений он больше решил не высказывать. Пути назад все равно не было.

Глава 4.

Как сообщил из Орхомена фиванский соглядатай, выступление Эргина было намечено через семь дней, – настолько минийский царь был уверен в себе. Феспий же, напротив, возвратился очень быстро. Кекропийские корабли, нагруженные луками, стрелами и дротиками, стояли в Креусе уже после третьего восхода солнца. Так что в Фивах могли еще раз обдумать все детали. За день перед выступлением орхоменцы сменили все посты. После этого за дело взялись воины Амфитриона.

Только что обновленные посты были сняты царскими стражниками, причем так, что ни один пост не заметил исчезновение другого. В течение семи дней Промах подготовил ликерийский флот. Так он назвал десяток самых широких на озере лодок, которые перед захватом протоки должны были по нему плавать и создавать видимость рыбной ловли, а на деле их потихоньку нагружали камнями. Угорь исчез с фиванских рынков на несколько дней. Его скупали за счет казны, чтобы доверху нагрузить им три лодки. На всякий случай Промах припас для своего флота и свежепойманной рыбы.

Пока это творилось на озере, Геракл с Лаодамантом и другими молодыми воинами сняли оружие с ареевых алтарей. Они сделали это настолько быстро и организовано, что когда особо ярые ревнители опомнились, им противостоял уже большой вооруженный отряд. Круглые сутки работавшие мастерские заканчивали изготовление легких щитов. День перевалил уже далеко за середину, когда в Фивах все было готово, и Амфитрион начал вооружать народ. Люди, конечно, были сильно обеспокоены, но все подчинились и, как велели прорицатели, никто из города не уехал. Сын военачальника тем временем мог приступить к самому главному – овладению протокой. Усердно помолившись Зевсу и принеся жертву, он поскакал к озеру.

На берегу его встретил Промах.

– А боги, похоже, воюют за нас, – сказал он Гераклу, показывая ему влево.

Еще около полудня на до того чистом небе со стороны гор стали то и дело появляться белые облака. Теперь же вершина Парнаса уже была плотно ими окутана, а за ней виднелась черная, протянувшаяся вдоль всего горизонта полоса, сулившая и фиванской области, и владениям Феспия и его соседей, и Орхомену добрую бурю.

– Ничего удивительного, – продолжал Промах, – я приказал всем рыбакам помолиться так, как если бы речь шла об их собственных детях. Затем мы принесли в жертву козленка и принялись за дело.

– Скорее, Промах, надо отплывать. До того, как буря придет сюда, мы должны оказаться на месте.

Все шло как нельзя лучше. Буря означала сильный дождь, а значит разлив Копайды должен был быть многократно усилен. Принесенные Кефисом с гор сосновые ветви могли только помочь фиванским рыбакам. Геракл пребывал в возбуждении, коего дотоле никогда не испытывал. Он едва мог усидеть на веслах, пока Промах говорил, что ему делать, чтобы их передвижения больше походили на рыбацкие.

– А у тебя там угорь? – спросил стражника юный герой.

– Ах, Геракл, смотрю я на это, и сердце кровью обливается, – Промах приподнял ткань, которой была накрыта лодка. – Неужели чтобы справиться с минийцем, нужно было непременно извести столько рыбы?

Геракл сморщился от увиденного. Рыбы действительно была целая гора. Часть ее была выловлена несколько дней назад, и уже изрядно воняла.

– Как бы там ни было, по мне это лучше, чем наших людей изводить. Вот скольких воинов мы положим – это меня куда больше заботит. И вообще, добьемся ли, чего хотели? Ведь если где-то что-то сорвется, нам всем конец. Не могу я как-то сейчас о рыбе думать.

– Нет, я согласен с тобой тысячу раз, Геракл, но все же, если вот так ни за что ни про что... ведь хотя бы съели бы ее, уже было бы не так обидно, на дело пошла бы, на пользу человеку...

– Ладно, Промах, надо править к протоке. Тучи уже над нами. Покажи мне, куда грести.

– Вот там, видишь крышу на холме? Это минийский пост.

Лесистый холм был невысоким и достаточно пологим. Стражники находились на самой его вершине. Восточный и западный склоны были частью очищены от деревьев, чтобы сверху можно было наблюдать за тем, что делается у отверстий протоки.

– Вижу. Дымок идет от костра.

– Вот. А рядом вторая крыша. Под ней сложен костер. Нам никак нельзя допустить, чтобы они его подожгли: иначе в Орхомене узнают, что на протоке неладно.

– Разумеется. Командуй остальным. Подплываем.

Промах свистнул в два пальца. Свист раздался и по другим лодкам. Рыбаки дружно двинулись за лодкой Промаха и обогнали ее. Между тем, ветер исчез совершенно. Водная гладь Ликерии сделалась абсолютно гладкой и отражала все больше и больше темнеющее небо.

Ликерийский флот вплотную подошел к протоке. Копайда изливалась в Ликерию узким и мелким ручейком. Под конец фиванцы уже не гребли, а толкались о дно длинными шестами. На посту, по-видимому, были заняты ужином и потому на движения внизу поначалу не обратили внимания. Но когда фиванские рыбаки, сбившись по пятеро, стали втаскивать на берег тяжелые лодки, двое орхоменских стражей, привлеченных шумом, появились на холме.

– Эй, вы что там делаете? – крикнул один из них.

– Мы знаем, что сюда нельзя приближаться, но, видишь, буря на нас идет, до фиванской стороны догрести не успеем – потонем мы, – отвечал Промах.

Стражник выглядел очень недовольным, но и отправить людей на гибель он тоже не хотел.

– Ладно, только стойте здесь, никуда не отходите. Что у вас в лодках?

– Что может быть в лодках у рыбаков? Только рыба, – Промах снял ткань со своей лодки, взял одного угря и показал его на вытянутых руках стражнику. – Вот, хотите и вам принесем. Свежая, только из озера.

– Не взду...

«Не вздумай приблизиться,» – хотел было ответить стражник, но его прервал небывалой силы оглушающий гром. Молния ударила в находившееся неподалеку на скале дерево. Дерево вспыхнуло. От страха на мгновение все закрыли руками голову. Промах сообразил, что этой возможностью надо пользоваться. Он поднял с земли рыбу, которую выронил из-за грома, и стремглав ринулся на холм.

– Несу! – крикнул он стражникам, – А то начнется буря, не успеем!

За ним, взяв еще одного угря, ринулся Геракл.

– Эй, вы что сдурели? – крикнул изо всех сил стражник, но двое юношей, претворившись оглушенными, продолжали бежать; вьющаяся между сосен тропинка отыскалась сама собой.

Стражники встретили их наверху вытянутыми вперед копьями.

– А мы вам рыбки принесли... – сказал Промах, переводя дух и глядя на приставленное к собственной груди медное острие и постепенно поднимая глаза.

Старший из стражников, противостоявший Гераклу, почувал, что неспроста эти рыбаки поднялись наверх. Он поглядывал то на одного, то на другого из них, то на сигнальный костер. Между тем, начинал накрапывать дождь. Мокнуть, разумеется, никто не хотел.

– Ты! – скомандовал он Гераклу. – Накальвай рыбу на копье и проваливай вниз.

Геракл медленно, держа двумя руками за голову и за хвост, поднес угря к наконечнику.

– Живее! А то тебя наколю вместо рыбы! – торопил его стражник.

Но вместо этого, собрав всю свою силу, Геракл набросил петлю из длинного и гибкого рыбьего тела за острие и дернул вниз. Стражник, повинувшись выработанной привычке, попытался ударить противника копьем, но оно воткнулось в землю между геракловых ног. Юный герой схватился за него руками и, когда орхоменец потянул острие на себя, резко толкнул древко вперед. Хотя тупой удар принял на себя медный доспех, но от мощного толчка стражник очутился на земле.

– Никекрат, это враги, скорее к огню! – выкрикнул сбитый с ног миниец, но это была последняя команда, которую он отдал в своей жизни. Геракл пронзил его же оружием.

Что же до Никекрата, то он от увиденного на мгновение дрогнул. Этого хватило Промаху, чтобы оттолкнуть приставленное к нему копьё в сторону и прикончить второго стражника вытасненным из-за пазухи ножом. Геракл выбежал на то место, где появились в первый раз орхоменцы.

– Дело сделано! Лодки проходят через протоку? – спросил он у ожидавших внизу рыбаков.

– Да! – ответили ему сразу несколько.

– Тогда пять лодок на орхоменскую сторону! Скорее! Остальные здесь. Начинайте заваливать!

Отдав это распоряжение, он приказал Промаху спуститься и помочь своим друзьям. Сам же он стал лицом на запад, туда, откуда пришла гроза и стал молить Зевса, Афины, Эроса и всех прочих известных и неизвестных ему богов усилить дождь, и боги как будто бы слышали его. Небо одна за одной рассекали все учащающиеся молнии, гром гремел едва ли переставая, быстро темнело. Наконец поднялся ветер и хлынул такой ливень, что Геракл вымок до нитки, не успев вскинуть кверху руки. Когда же он сделал это и от ликования издал то ли крик, то ли рев, случилось нечто, что заставило его сразу же замолчать. Тучи перед ним разверзлись, спящая синева неожиданно ударила в привыкшие к сумраку глаза. Из этой синевы вылетела во весь опор запряженная парой коней белая колесница, а на ней та же женщина со щитом. Но отнюдь не на Геракла был направлен ее напряженный взор, а куда-то чуть поодаль, за его спину. Совсем, совсем не такую помнил свою богиню Геракл. Юноша обернулся, но кроме него наверху никого не было. Необыкновенно тревожное чувство объяло его. «Что же случилось, о моя богиня!?» – в страхе вопрошал он. Афина пронеслась мимо, не обращая внимания на своего недавнего спутника. Приближаясь к сигнальному огню, она, силясь, дальше и дальше вытягивала вперед руку со щитом, как вдруг... ослепительный свет рассек воздух перед глазами Геракла, в разные стороны полетели искры. Сама Афина и ее колесница, и кони на мгновение будто бы вспыхнули необычно ярким белым сиянием. Ужасающий раскат грома накрыл рыбаков и их юного предводителя.

Очнувшись, Геракл посмотрел богине вслед. Она устремлялась вдаль – туда, куда не поспели еще грозовые облака, где небо было еще чистым. На западе же все вновь, как и раньше, было затянута мглой.

– Геракл, ты жив? – кричали ему снизу.

– Да! – отвечал он, хотя и едва слышал сам себя.

– Что это было?

Он снова вышел к рыбакам.

– Это, друзья, пронеслась в колеснице щитоносная богиня. Читите ее и любите! Если бы не она, костер наверху вспыхнул бы. Она защитила его от молнии!

Но слова Геракла были рыбакам невдомек. Находясь внизу под холмом, они видели только свет, но не саму богиню. Ничего не поняв и только пожав плечами, они вернулись к тяжелой работе. «Она говорила, что заодно с Зевсом, – думал про себя Геракл. – Так значит, неправду говорят, что это Зевс мечет молнии?»

Дальше все пошло так, как и было задумано Гераклом. Протока была завалена камнями и с фиванской, и с орхоменской стороны. Дождь сделал свое дело: наутро Копайда разлилась так, что пройти войску между ней и Лафистионом не было никакой возможности, но Эргин решил выступить под морозящим дождем по разбитой, непригодной горной дороге и, несмотря на повисший над озером туман. К Галиарту минийская армия подходила обессиленной противоборством не с врагом, а с упрямством и самонадеянностью собственного начальника. Со скал на орхоменцев обрушился град стрел и камней. Никто из них, включая царя, не спасся: все пути были отрезаны. Расчет Геракла оказался как нельзя более верным. Эргин был умерщвлен собственноручно им, Гераклом, пущенным копьем.

Увидев, однако, что по причине густого тумана в минийской столице, видимо, не подозревают о поражении, Геракл решил не останавливаться на достигнутом. Действовал он быстро и почти по наитию. Под покровом завесы Амфитрион, перевооружив своих лучников в снятые с врагов доспехи, подошел вплотную к подошве холма. Геракл взял с собой двадцать пять наиболее крепких тяжеловооруженных и отправился на протоку. Оттуда этот отряд отчалил тоже в направлении Орхомена и, едва ли не на ощупь найдя место для высадки, затаился с противоположной стороны холма. К вечеру туман рассеялся, и тогда Промах, оставленный сторожить протоку, поджег сигнальный огонь.

Это была еще одна ловушка для миниев. Лишь только они открыли ворота, чтобы выпустить на подмогу отряд, как на них набросились воины Геракла. Над городом взвилась огненная стрела – сигнал Амфитриону подниматься к воротам. Стремительным напором преодолел охрану у западных ворот, Геракл во главе своих воинов ринулся, не глядя по сторонам, на соединение с отцом к воротам восточным. Не ждавший нападения Орхомен, оказался не готов. Охрана западных ворот была точно так же смята, ворота открыты. Армия Амфитриона без помех вошла в южную столицу миниев. Впрочем, большой крови удалось избежать: увидев на врагах доспехи, которые только недавно носили их собственные воины, орхоменцы поняли, что сопротивляться не имеет смысла и, покорные своему злему року, сдались на милость победителя. Фивы ликовали.

Через два дня, которые народ провел в празднествах, Креонт решил выступить перед народом. На агоре перед дворцом собралась огромная толпа: мужчины, женщины, маленькие дети, оседлавшие шеи отцов. Царь вышел на ступени. Позади него были шли главные победители, Амфитрион и Геракл, чуть дальше за ними Лаодамант.

– Фиванцы! – обратился Креонт к горожанам. – Я хочу верить, что многим из нас и даже мне, несмотря на мой возраст, удастся увидеть родной город цветущим, каким я помню его с детства и до тех пор, пока эдипово проклятье не обрушилось на нас. Среди вас есть еще мои сверстники. Они напомнят молодым, какой была раньше Тенерийская равнина. Насколько больше хлеба и бобов мы сеяли, какие прекрасные были на берегу Ликерии смоквы. Долгое время земля пустовала, сады пребывали в запустении. Дорога в Авлиду была нам перекрыта, между тем, как раньше из этой гавани мы получали прекрасное вино с Крита, посуду со всех стран востока, которую привозили те же критяне, олово из северных стран, которое мы покупали на островах близ Италии. Пусть не удивляются молодые. Мы лишь недавно в силу тяжелых бед замкнуты в своих пределах, но так было не всегда. Нас знали далеко за границами нашей земли и, будем надеяться, что еще не забыли. Но если даже и забыли, то теперь, когда наш самый лютей враг повержен, я знаю, что все это будет вновь, и мы будем достойны наших предков. Вот еще о чем хотел сказать я вам, друзья. Силы мои уже не те, что двадцать лет назад, когда в виду смерти Полинника я принял командование войском, а с ним и царство. С еще одним делом, подобным тому, что мы пережили я скорее всего не справлюсь. Наследовать мне по обычаю, как вы знаете, должен вот этот юноша, Лаодамант....

При упоминании имени кадмова потомка в толпе пошел гул. Креонт остановил свою речь. Гул будто бы усиливался, люди о чем-то переговаривались, как вдруг кто-то выкрикнул:

– Геракл – царь!

– Геракл – царь! Геракл – царь! – понеслось по толпе.

Креонт дал людям некоторое время для того, чтобы выговориться, после чего поднятием руки призвал их снова ко вниманию.

– Итак, вы хотите видеть Геракла-царя? Что ж, не только вы! Я решил и, к нашему счастью, Лаодамант не стал этому препятствовать, передать после смерти царство Гераклу, сыну персеида Амфитриона!

Заявление Креонта вызвало в толпе небывалое ликование. Люди обнимались, многие маленькие дети расплакались, испугавшись внезапно поднявшегося шума. Непонятно откуда в толпе появились сразу несколько человек в львиных шкурах: многие уже прослышали о том, что этот вошедший в фиванские ворота дух как-то был с Гераклом связан. Эти ряженные славили Геракла на все лады громче остальных.

Где-то в толпе стояла и Алкмена. Среди всеобщей радости она накрыла голову платком – меньше всего хотела она в этот момент быть узнанной. Сложив руки у груди, она тихо молилась Афине. Защитить и облегчить долю Геракла – об этом просила она юную щитоносную деву. Окружавшие Алкмену люди не могли взять в толк, отчего эта женщина не радуется. Думали уже, что она, неровен час, минийка и хотели выдать ее страже, ибо на все расспросы она отмалчивалась, не прерывая своей молитвы, и пыталась скрыть лицо. К счастью, в толпе оказался мудрый человек. Он узнал в явно выделявшейся из толпы женщине супругу Амфитриона, а людям сказал, что у этой женщины личное горе: умер, мол, кто-то, и умер не в бою, и душа, хоть и хочет радоваться со всеми, – от того и пришла она на агору, – но не может. Это прозвучало достаточно убедительно, и безудержно ликующие люди больше не досаждали Алкмене.

Между тем, Геракл, теперь уже будущий царь, взял слово:

– Друзья! Прежде всего я хотел бы поблагодарить всех вас. Хотя здесь собрались не только воины, но и женщины и дети, и даже из воинов не все были на эту битву призваны, но каждый из вас, я уверен, лелеял в своем сердце надежду. Без этой надежды нам трудно было бы идти в бой. Битва была нелегка, положение наше отчаянно, но мы победили! Многие из вас знают, что мой прадед, как и дед, были большими воителями. Отца моего представлять тоже не надо – главный военачальник Кадмеи известен, надеюсь, всем вам. Так вот, друзья, и я, когда было нужно, тоже прибегаю к военной силе, ибо другого пути избавиться от минийского ярма нам дано не было. Креонт, обращаюсь теперь к тебе. Я благодарен тебе за твое доверие. Я готов принять царство и быть достойным памяти великих владетелей Кадмеи, и потому вот что хочу сказать: мы должны оставить Орхомен в целостности. Да, царем южных миниев будет теперь царь Фив, но город Орхомен должен стоять, несмотря на то, что по количеству причиненных нам с его стороны бед его полагалось бы до основания срыть. Но я еще раз настаиваю: город должен остаться. Эта война должна послужить примирению наших народов. И в знак этого примирения я предлагаю построить алтарь Зевсу на месте орхоменского поста на протоке. Избранным из вас это место должно быть хорошо известно: в этом месте соединяются два наших озера – Ликерия и Копаида, – в этом месте мы начали битву – здесь же должны соединиться и народы и быть навеки друг другу друзьями так же, как вечно дружат и нимфы двух озер. Я слышал, что послы от побежденной стороны присутствуют здесь. Если это так, то пусть передадут все, о чем я здесь сказал в Орхомен. И последнее. Ни что на земле не совершается без воли богов. Так возблагодарим же их молитвой.

Вся агора, буквально кипевшая во время речи Геракла то тут, то там, противоречивыми разговорами, грозившими перелиться в беспорядочные выкрики, во мгновение стихла. Все до единого склонили головы, уподобившись матери юного героя. Алкмена, хоть и не показывала

виду, но была несказанно счастлива: отлучка из дома и ратный труд на благо города явно пошли ее сыну на пользу.

После еще нескольких дней народных празднеств, Креонт сделал все по слову Геракла. Орхомен не разрушили, но заставили принять главенство Фив. За это для миниев на равных правах с фиванцами открыли Авлиду. Все орхоменские пристани были уж очень неудобны: пролив Эврип был слишком узок и мелок – нагруженные корабли через него не проходили, и потому орхоменцам приходилось плавать вокруг острова Эвбеи, что добавляло почти полдня в пути на юг. Торговцы из Орхомена были чрезвычайно рады этой перемене. Сухопутная дорога через Киферон, разумеется, тоже была для орхоменцев открытой. Алтарь, о котором говорил Геракл был вскоре построен. Это послужило добрым знаком северным миниям, хотя поначалу в Иолке очень насторожились, узнав о падении Орхомена. Но когда стало ясно, что это не только не приведет к гонениям на миниев в новой, большой Фиваиде, а, напротив, даже послужит улучшению их положения, царь Иолка Пелий пригласил к себе Креонта и заключил с ним договор о дружбе. Так Фивы, прежде страдавшие от враждебных соседей, в одночасье оказались окружены друзьями.

Единственными после всего этого остались в накладе ликерийские рыбаки: угорь теперь был в достаточных количествах в Фивах всегда, а не только во времена разлива, да и цена на него упала. Учитывая особые заслуги рыбаков перед городом, Креонт в счет захваченной казны Эргина приказал выстроить для ликерийцев дома на Копаиде. Так они могли продолжать жизнь привычным им ремеслом. Среди переехавших на недавно враждебную территорию были и родители молодого царского стражника Промаха. Сам Промах немного пожалел о том, что берега родной Ликерии оказались теперь пустыми. Он возвращался в родной дом, когда царь давал ему отдых по службе, рыбачил, разумеется, не ради промысла, а ради забавы, приглашал к себе гостей, среди которых нередко бывал и амфитрионов сын, ну и просто разговаривал с озером, благодаря его за службу, которую оно сослужило фиванцам.

Объявление Геракла наследником престола к его чести не вскружило ему головы. Он вернулся к своим занятиям с еще большим рвением и даже помирился с Лином. Большим кифаредом сын Амфитриона, разумеется, не стал, но, по крайней мере, он почувствовал к игре на кифаре вкус и очень сожалел, что не понимал его раньше. Через какое-то время он вспоминал себя стоящим на крыше креонтова дворца в ожидании решений советов. Что, если бы при нем тогда была кифара? Насколько точнее мог бы он тогда дать богам знать о своих переживаниях, насколько сильнее почувствовать их присутствие! Он понял, насколько прав был Лин, когда говорил ему, что музыка часто бывает яснее молитвы.

Кстати, линово ухо зажило, слух его полностью восстановился. На Геракла он не держал никакого зла, особенно после его победы над Орхоменом. Лин шутил в таком духе, что с подобным Гераклу человеком лучше не ссориться: иначе он заставит тебя быть его другом.

Глава 5.

О большом успехе Фив, о падении южной минийской столицы и о заслугах Геракла быстро стало известно повсюду. Не обошла стороной эта новость и родину юного героя – Тиринф. Правивший там Сфенел, узнав о произошедшей битве, сначала не придавал этому событию большого значения. Серьезнее задуматься о нем его заставили слухи о том, что фиванский престол будет наследовать уроженец его города и, более того, потомок Персея. Сфенел несколько раз приказывал перепроверить эти сведения и снова и снова убеждался в том, что это правда. Следующим чрезвычайно взволновавшим его известием был союз между Фивами и Иолком. Это было уже настоящей угрозой для пелопоннесцев и потому заставило тиринфского царя действовать.

Человек часто все примеряет на себя – так и Сфенел решил, что на месте Геракла он не преминул бы воспользоваться такой ситуацией и хотя бы попытаться вернуться в родные стены победоносным владыкой. Он не мог представить себе, что Амфитрион не таил на него зла и не внушал ежедневно сыну мысли о том, что тот должен отомстить за отца, вынужденного покинуть отечество. Тем более, не мог Сфенел вообразить, как и чем жил юный Геракл, и что роднее фиванских стен, двух озер большой Фиваиды, подножия Геликона и горных дебрей Киферона ему не было ничего. И уже неизмеримо выше всякого понимания, доступного уму этого персеида, было то, что от столь мелочных намерений сердце Геракла было надежно защищено щитом почти никому еще не известной юной богини. Царь Тиринфа видел в этом юноше соперника для себя и своего сына Эврисфея.

Сфенел приказал для начала разузнать о Геракле как можно больше. Ему стало в подробностях известно о военных успехах юноши, о его ежедневных занятиях. Слухи о том, что Геракла некоторые считают богом тоже достигли ушей тиринфского правителя. Не ускользнули от персеида и сведения о пребывании Геракла у Феспия: об охоте на льва и об оплодотворении пятидесяти дев. «Что ж, Геракл, – думал про себя Сфенел, – отец готовит тебя на царство, люди считают тебя богом, но в сущности ты – простой смертный!»

Ближе к осени он послал в Фивы приглашение Креонту, Гераклу и Амфитриону приехать в Тиринф для переговоров о возможном союзе. Фиванцы долго рассуждали о том, кого же послать. Дел в новой большой Фиваиде было невпроворот. Послы из Орхомена являлись едва ли не ежедневно с самыми разными просьбами, и ни одной из них оставить без внимания было нельзя, дабы не настроить против себя едва подчиненный город. В итоге при дворе решили, что разумнее будет Креонту остаться, а вместо него отправить в Пелопоннес Лаодаманта.

И вот, однажды, ранним утром эти трое начали свой путь на юг. Юноши были в предвкушении: дорога лежала по интереснейшим местам, а уж о стенах Тиринфа благодаря Амфитриону в Фивах ходили легенды. Больше того, в последние годы стало известно, что Сфенел расширил город и еще больше усилил укрепления. Для Амфитриона же, проделывавшего этот путь несколько раз, путешествие было возможностью еще раз мыслью вернуться в прошлое.

Фивы возвышались лишь над располагавшейся к западу Тенерийской равниной, заключенной между городом, озерами и холмами, за которыми находились владения Феспия. К югу ровная местность медленно поднималась, заостряясь вдалеке хребтом Киферона. Две реки предстояли путникам на этом отрезке.

Первая из них, Асоп, несла свои воды издалека – ее питали ключи в отрогах Геликона. Ранней осенью, когда все кругом сохнет, спадает вода и в Асопе: многочисленные заводи, едва охваченные течением, образуют зеленые островки жизни. Пересекши Асоп, Амфитрион впервые обернулся назад: внешне Фивы едва ли изменились за пятнадцать лет, которые он там провел. Правда, впервые Кадмея встречала его разрушенными с юга стенами, последствием похода Семерых, но стены эти были очень быстро, уже при нем восстановлены. Настоящий облик города был так привычен, что никак не верилось в то, сколько пережили его обитатели на глазах всего лишь одного поколения. Унижение под властью Эргина сменилось теперь радостью свободы. Народ, достойно переживший невзгоду, был готов к большим свершениям.

Вторая речка текла в обратном направлении: она собирала свои воды по равнине, вилась вдоль Киферона, почти огибала его с запада и через ущелье изливалась в море в спасительной для Фив бухте Креуса. Ее нижнее течение могли наблюдать возницы, разгружавшие приведенные в Креусу Феспием кекропийские корабли. Имя этой реки Оэроя. Путники пересекали ее почти у самого истока по низенькому мостику.

– Геракл, ты помнишь это место? – спросил Амфитрион у сына. – А ведь когда-то ты, даже не наклоняясь, мог под этот мостик пройти.

Но Геракл, конечно, не помнил. Когда они всем семейством переезжали из Тиринфа, и были уже близки к концу путешествия, мальчик попросился по нужде. Тогда-то родители и отправили его под мост, который теперь был возмужавшему победителю Орхомена по пояс.

С мостика через Оэрою уже виднелись Платеи. Этот город, издавна союзный Фивам, не мог принять участие в битве с Эргином лишь вследствие скоротечности событий. А вообще, и в этой, самой южной оконечности Фиваиды все сорадовались победе.

Платеи располагались практически у самого Киферона. Над их стенами нависала уходящая в поднебесье отвесная скала, напоминая одновременно и о ничтожности, и о величии человека – о ничтожности, потому что даже самая высокая стена не достигала десятой части высоты Киферона; о величии, потому что при кажущейся мощи горы не были способны защитить, и толково устроенная даже невысокая стена могла значить для обороны куда больше.

Направо от Платей в направлении течения Оэрои располагались самые большие вершины Киферона. Там Геракл провел немало времени в охоте на льва. По ту сторону этих вершин начинались владения мегарян. Дорога же от Платей уходила немного влево, туда, где горы были пониже.

– Смотрите! Там дальше еще горы! – сказал Лаодамант, когда они взобрались на первый хребет.

– Да, здесь, на западе Фивы очень хорошо защищены. Мне даже странно, почему войско Семерых не смогли задержать в горах. Где действительно опасно, так это вот там, – отвечал Амфитрион, показывая на восток, куда горы шли еще больше на спад, и к морю выходила уже практически равнина.

– Там, на востоке, – продолжал он, – есть большие неосвоенные земли, где нам нужно построить несколько крепостей. И, конечно, нам совершенно необходим сильный флот, чтобы оборонять побережье.

– Что ж, Лаодамант, нам будет, чем заняться, когда я стану царем, не так ли? – обратился Геракл к своему другу.

– Нам? Тебе, Геракл! Ведь царем будешь ты, – отвечал кадмов потомок.

– Но и тебя от царства я далеко не отпущу. Будешь моей правой рукой.

– С радостью! Быть рядом с тобой для меня счастье.

– Друзья, не торопитесь, послушаем сначала, что нам Сфенел скажет, – попридержал резвых юношей Амфитрион.

Повозка между тем была уже почти в ложбине, и возница подумывал о том, чтобы дать коням отдых: уж очень тяжелым оказался для них подъем.

– Эй, Амфитрион, нам нужно остановиться, – сказал он старшему из путников.

– Да, ты прав, – отвечал тот, – я и сам хотел тебе предложить. Смотрите, друзья, здесь прекрасный луг. Здесь я заночевал с пастухами, когда мы перегоняли из Тиринфа коров.

Дорога спускалась еще дальше и еще больше отклонялась от прямого пути, уходя на восток через узкий проход. Луг со всех сторон ограничивался сосновым лесом. Коней распрягли и дали им попасись. Путники тоже могли перекусить, попить воды и побеседовать, разлегшись на траве, от которой исходила ночная прохлада: эта узкая ложбина еще не видела утреннего света.

– А что ты думаешь, отец, – обратился Геракл к Амфитриону, – чего нам ждать от Сфенела?

– В самом деле, не знаю. Вы же помните, в письме ничего конкретного не было кроме того, что Тиринф хочет дружить с Фивами. Но мы ведь не мальчишки, живущие по соседству. Я думаю, что Сфенел главным образом хочет посмотреть на тебя.

– На меня? Зачем? – удивился Геракл.

– Понимаешь, Персей очень хотел, чтобы царем стал ты. И незадолго до того, как ты родился, он всем объявил, что царство наследует родившийся первым в царском доме. А одно-

временно с твоей матерью была беременна еще и супруга Сфенела. Ты должен был родиться первым, но случилось иначе: раньше появился на свет Эврисфей, сын нынешнего царя. Старик после этого сильно сдал.

– Так значит он знал о... – Геракл посмотрел на лежащего рядом Лаодаманта и решил не договаривать, – или догадывался?

– О чем? – недоуменно спросил, приподнимаясь, кадмов потомок.

– Да так... Ты вот представь, Лаодамант, если бы все случилось, как того хотел Персей, я бы не оказался в Фивах, и царствовать вслед за Креонтом пришлось бы тебе, – отшутился Геракл.

– Друзья, нам надо продолжать путь, – сказал, вставая, Амфитрион. – Эй, Клит, запрягай! Едем дальше!

Возница, разлегшийся по другую сторону дороги, вернулся к своей работе. Путники заняли места в повозке: как и раньше, Амфитрион сел рядом с Клитом впереди, а двое юношей сзади.

В шутке Геракла хотя и была доля шутки, но в целом это была чистая правда. Лаодамант не раз благодарил богов за то, что на жизненном пути ему встретился Геракл. Царство было бы для него непосильным бременем и вовсе не из-за лени или отсутствия душевного устремления. Умением быстро принимать ответственные решения, этим, столь необходимым для власти качеством, природа обделила кадмова потомка, не забыв при этом одарить его злополучным родимым пятном в виде змеи. Геракл же, припоминая свою встречу с Персеем, теперь понимал смысл того, что тот говорил ему. Значит старик и до кончины что-то чувствовал! Юный герой все время одергивал себя: в обычной жизни, полагал он, он должен был быть обычным человеком и, лишь когда это действительно надо, – сыном бога.

Впереди показалась первая долина. Вход в нее охранялся крепостью: здесь начинались владения кекропийцев. После крепости уклон стал очень крутым. Путники быстро оказались внизу, где все было сплошь засажено виноградом. Эта долина разрезала надвое второй хребет Киферона – дорога окаймляла западную его часть. Третий, последний хребет можно было обогнуть лишь вдоль моря, и повозка пошла теперь навстречу солнцу по холмам, покрытым где лесом, а где садами, все время меняя спуск на подъем и левый поворот на правый.

– Амфитрион, а что же заставило тебя покинуть в свое время Тиринф? – спросил Лаодамант.

– К этому меня подтолкнуло несколько событий, – отвечал персеид. – Сфенел заступил на царство сразу после смерти Персея и первым делом избавился от братьев в своем окружении. При Персее все были равны, и каждый имел долю в управлении городом: Сфенел занимался взиманием податей, мой отец, Алкей, был военачальником на суше, а отец Алкмены Электрион заведовал всеми делами на море, – как военными, так и торговыми. Ясно было, что после смерти Персея так не будет: Сфенел должен был возвыситься над остальными, но по замыслу деда братья должны были держаться вместе, чтобы помогать друг другу и в случае надобности друг друга заменять. Но Сфенел рассудил иначе. Сначала он будто бы невзначай возвысил нескольких младших военачальников, и мой отец остался вроде как и не удел. Тогда-то он и сказал мне, что в Тиринфе больше делать нечего. Но совершенно я убедился в этом, когда Сфенел едва не поссорил меня на пустом месте с моим тестем, Электрионом. Тот тоже был недоволен способом правления, который избрал новый царь. Будучи одинок, он поначалу хотел отбыть и вовсе на Крит. Однако, узнав, что мы уезжаем в Фивы, Электрион решил остаться неподалеку, чтоб все-таки быть поближе к дочери и внуку. Он переселился в небольшой городок в тиринфской области и взял в жены мою сестру Анаксо.

– А где же твой отец?

– Зимует он в Тиринфе, а остальное время проводит на лугах со своими стадами. Я хотел переночевать у него перед тем, как мы займемся серьезными делами.

Крит... заморские страны... все это представлялось юношам таким далеким и таинственным. Дальние многодневные плавания... Именно в этот момент впереди путники увидели море. Им сразу открылся вид на большой залив и остров с несколькими вершинами под названием Саламин, который уже не покидал их до тех пор, пока они окончательно не спустились к побережью.

К полудню они были уже возле известнейшего святилища Матери Земли. Здесь у моря дорога разветвлялась, и в обе стороны шла по побережью: левая ветвь вела в Кекропию – ею воспользовался Феспий, при факельном свете спешивший помочь соседним Фивам, – правая через Мегары и Истм вела в Пелопоннес – сюда лежал путь Амфитриону, его сыну и кадмову потомку Лаодаманту.

Совсем на небольшом расстоянии от святилища у дороги стоял сложенный из камня колодец, у которого Амфитрион приказал остановиться. Геракл, похоже, тоже узнавал его.

– Здесь мы встретили странно говорящих людей, не так ли? – спросил он у отца.

– Да, Геракл. Это была группа критян, потерпевших кораблекрушение. Они спрашивали тот храм, что мы едва миновали.

– И вы подвезли их? – поинтересовался Лаодамант.

– Конечно. Ну потеснились, разумеется. Ты же видишь, что здесь совсем недалеко.

– Они рассказывали о какой-то похищенной богине, да? – спросил Геракл.

– Удивительно, что ты помнишь! Ты ведь был совсем маленьким. Да, это верно, их возглавляла пожилая женщина. С ней было еще семеро более молодых мужчин и женщин и ее муж, старый корабельщик. Они говорили, что некогда похищенная царем Аида богиня больше не в его власти и что умирать теперь не так безнадежно, ибо она, словно мать, за каждого умершего в Аиде заступается. Критяне хотели поделиться этой вестью со служителями вот этого храма.

– И как эту весть там восприняли? Слышал ли ты что-нибудь?

– Нет. Может статься, твоя мать знает. Она посещает храм всякий раз, как проезжает мимо.

Амфитрион повел юношей немного дальше вдоль дороги. Клит медленно подавал повозку им вслед. Земли святилища тут заканчивались и начиналось довольно-таки большое кладбище. При этом в округе не было сколь-нибудь значительного поселения. Могилы стояли на склоне, спускавшемся к морскому берегу. На прибрежном песке лежал на боку потерпевший крушение критский корабль с уже обломанной от времени мачтой.

– Смотрите, друзья, будто поломанная лодка Харона, – сказал Амфитрион.

Действительно, это смотрелось похоже на то, как если бы буря на Стиксе сделала посудину подземного лодочника непригодной, и несчастные, похороненные здесь, застряв между землей и подземельем, вынуждены были бы сами выстроить себе эти могилы. Даже пять больших склепов на самом верху, у дороги, казались сложенными наспех. Впрочем, было видно, что каменную кладку пытались уже позже местами подлотать.

– Амфиарай, – прочитал Геракл на плите большого склепа. – Так это что, микенцы?

– Да, совершенно верно, – ответил Амфитрион, – пять больших склепов принадлежат пяти из семерых героев, ходивших на Фивы. Царь Адраст остался в живых, тело Полинника, тайно захороненное Антигоной, покоится где-то у нас. Сотни могил поменьше – могилы простых микенцев и аркадян, которые выступили вместе с Семерыми. Вот эти самые тела Креонт и не хотел выдавать поверженному неприятелю. Только неожиданная ночная атака кекропийцев, внявших мольбам Адраста, позволила захоронить их здесь, на самой южной, ближайшей к Микенам кекропийской земле.

– Смотрите-ка, алтарь, – сказал Лаодамант. – Им приносят жертвы?

Геракл провел несколько мгновений в молитве, склонив над могилами голову. Юный потомок Кадма негодовал: здесь покоились зачинщики войны, унесшей жизнь его родителя,

причинившей большие несчастья его родному городу. Когда все трое путников снова погрузились в повозку, он не удержался и спросил Геракла, о чем же тот молился на этих могилах.

– Я слышал, – говорил в ответ Геракл, – что Адраст, царь уже и без того могущественных Микен, хотел создать большой союз, включив в него Аркадию, этолийский Калидон и Фивы. Для этого он хотел восстановить на престолах двух изгнанников: твоего дядю Полинника и калидонца Тидея. Но уже первый поход на Фивы оказался неудачным. Пойми, Лаодамант, я не оправдываю пролитой крови, но единство ахейских городов – это то, о чем должен думать каждый царь. Вот об этом я и просил мертвых героев – помочь нам, живым понять их ошибки и поступить правильнее.

– Твои слова, Геракл, как нельзя кстати, – подхватил Амфитрион. – Во все времена города помогали друг другу. Посмотрите-ка вперед.

Путники приближались к большому городу, такому большому, какого еще не было на их пути с того момента, как они покинули Фивы. Направо к нему ответвлялась дорога, слева была гавань, так что предстоящий им перекресток был довольно-таки оживленным. Ближайшая к берегу часть Саламина скрылась из вида, так что в море были видны лишь мелкие острова, и далеко-далеко в дымке – Эгина. Впереди впервые можно было разглядеть пелопоннесские земли. Присмотревшись к городу, что был у них на пути, юноши обнаружили несколько необычную деталь: город вроде бы стоял на двух не слишком высоких холмах, похожих на тот, на котором стояли Фивы, но один из них, тот, что поменьше, был заброшен: стены были разрушены, от построек торчали одни деревянные колонны, не было видно ни одной уцелевшей крыши.

Путники остановились на перекрестке на обед. Каждый купил себе по круглой ячменной лепешке. О пропитании и водопое для коней позаботился Клит. Амфитрион продолжал, между тем, рассказывать юношам:

– Кто бы мог подумать, друзья, что это место накрепко связано с Фиваидой. Только давно было дело. Даже Фиваида еще не была тогда Фиваидой, не называлась так эта земля. Персей, мой дед, был еще юношей. В Фивах наверное только начинал править отец Эдипа. Так вот, царь этих мест Нис не поладил с критянами, и они нагрянули сюда со своим флотом. Их корабли заняли все острова, что вы видите слева. В те времена был напротив Галиарта с нашей стороны большой город Онхест. Некоторые из его храмов еще и сейчас открыты на орхоменской дороге, но города нет, потому что тогдашний царь Онхеста Мегарей решил прийти на помощь жителям вот этих мест. Доверившись судьбе, он собрал всех способных носить оружие и подобно нам с вами отправился за Киферон.

– Разве такого человека мы не назовем безумцем, подобным Эргину? – спросил Лаодамант.

– Хм... Я бы не взялся так осуждать его. Думаю, что, напротив, Мегарей знал, что делал. Ведь пелопоннесцы тогда страдали от постоянных набегов тафиев, кекропийцы сами боялись критян как огня, ибо у них не было флота и их длинная и незащищенная береговая линия могла в любой момент подвергнуться нападению. Некому было прийти на помощь кроме царя Онхеста, понимаешь? И он пришел, положил здесь все свое войско, и погиб сам, но критян удалось изгнать. Женщин, стариков и детей из Онхеста приняли к себе Фивы. По всему видно, что и Нису пришлось прибегнуть к крайним мерам, ибо здешний город тоже был разрушен, а новый отстроен на другом холме и назван в честь царя Онхеста Мегарами. Так вот, ценой потери двух городов ахейцы защитились в свое время от критян.

– Но ведь теперь критяне нам не враги? – поинтересовался Геракл.

– Нет, теперь, конечно, нет. И большая заслуга в том принадлежит Персею и твоему деду Электриону. Теперь критяне являются к нам только с вестями от богов.

Лишь только повозка снова тронулась в путь, юный герой погрузился в мечтания. Он вспоминал свое путешествие с Афиной и сопоставлял его со своим теперешним путешествием по земле. Если небесные страны не враждовали друг с другом, а враждовали лишь со стражниками Аида, то на земле все было проникнуто воинственным противостоянием непосредственных соседей. Как могло так получиться? Разве земля не производит для всех в достатке пищи? Разве духи, которых готовит для жизни в земных морях Европа, не помогают всем кораблям и критским, и ахейским, и минийским? От Иолка до Крита... это была вся земля, которую Геракл мог объять своим разумением. Скольким городам, скольким народам уготовано было судьбой жить на ней бок о бок! И, казалось бы, отчего не жить в мире и являться друг к другу либо с товаром, либо, как те самые критяне, с вестью от богов?

И тогда Геракл вспомнил то бескрайнее небесное море, на одном из островов которого обитала Европа. Рядом с этими островами – незаселенная твердь. Он представил это пространство многолюдным, полным разнообразной жизни, блистательных городов, подобных тем, что он видел у финикийцев. Вот он стоял около... то ли храма, то ли дворца с множеством колонн, к которому со всех сторон вела многоступенчатая лестница. Колонны были там чисто-белыми, не как на земле, и к тому же казались необычайно легкими, будто вытесанными из облаков. Крыши отсутствовали. Это Геракл уже знал – крыши в этом мире только мешали бы. Небо между колоннами было темным: сумеречным ли, предрассветным ли – юный герой не мог понять. Вошедшему внутрь колоннады представала еще одна, в которой колонны были выше и чуть тоньше предыдущих. За этой колоннадой вставала следующая, за нею другая... Вложенное в это сооружение искусство явно превосходило все доступное смертному человеку. Даже работавшему на Крите кекропийцу Дедалу, слава о котором гремела в те времена по всему ахейскому миру, было бы не под силу расставить колонны так, что их внутренние ряды были бы совершенно не видны извне. Колоннады так загадочно окаймляли одна другую, что блуждать между ними можно было дни напролет. Продвигаясь внутрь этого необычного сооружения, Геракл потерял счет концентрическим кругам и, вместе с тем, стал замечать, что материал колонн постепенно меняется. Камень, обладавший на вид облачной легкостью и светившийся слабым собственным светом, сменялся искрящимся, твердым на вид, но все более и более прозрачным кристаллом. Предчувствие чего-то необыкновенного охватило Геракла. Последняя колоннада была ярко освещена. Не увидев перед собой нового ряда колонн, юный герой осмотрелся по сторонам. Убедившись, что никто его не видит, он обнял одну колонну: она была уже настолько тонка, что почти умещалась в обхват его правой руки. От нее шла приятная прохлада. Тогда юный герой решил посмотреть вверх. Ему пришлось сильно щуриться, ибо свет звезды, к которой устремлялись высоченные колонны, был через чур ярким. Нет сомнений, это был Аполлон... Его свет будто бы стал заметно ярче со времени путешествия с Афиной. К нему подобно колоннам устремлялось тут и все существо Геракла.

Но всего этого на самом деле не было. Небесная страна, Олимп, все еще оставалась пустынной. Это Геракл знал наверняка. Но кроме этого он знал, и то что Аид не дремлет. Там все кипит... не жизнью, нет, увиденное в Аиде жизнью Геракл не мог назвать... подобием жизни, разве только. Лиловое сияние, бездна, которую он поначалу принял за озеро и в которой он увидел горгону... Кажется, увидел ее юный герой и в этот раз, и одна из змей, выпрыгнувших из ее головы больно ужалила его в ногу.

Геракл очнулся и вздрогнул. Кругом была темнота. Освещал дорогу лишь факел в руках Амфитриона. Тем не менее, на ноге в месте предполагаемого змеиного укуса ему удалось разглядеть грязный след, очевидно, от камня, вылетевшего испод копыта встречной лошади: обернувшись, Геракл действительно увидел позади уносившегося прочь всадника. Блуждание по небесному храму заняло немало времени: Истм, узкий перешеек, разделяющий два моря,

Коринф, Немея и даже Микены остались позади. Путники были уже давно в Пелопоннесе и, больше того, почти у цели.

– Что с тобой, Геракл? – спросил Лаодамант. – От самых Мегар ты сидел без движения и не проронил ни слова, а теперь еще и дергаешься.

В этот момент на дороге показались молодые люди, видом напоминавшие пастухов. Они будто бы ждали кого-то. Поравнявшись с ними, Клит остановил повозку.

– Не знаете ли вы, где ночует персеев сын Алкей? – обратился к ним Амфитрион.

– Амфитрион? – спросил один из них.

– Да.

– Отец ждет тебя. Его стада вон на той горе.

Пастухи запрыгнули в повозку. С ухоженной дороги, соединявшей Микены и Тиринф пришлось быстро свернуть на ухабистые тропы, проложенные между полей. В конце концов они уперлись в подножие горы, где повозку пришлось оставить совсем. Клит с одним из пастухов взяли под уздцы коней и отвели их наверх к стойлу. Остальные поднялись им вслед к пастушеской хибаре, около которой на двух кострах кипели чаны, источавшие запах вареного мяса.

Завидев приближающийся свет факелов, Алкей, коренастый небольшого роста лысый старичок с короткой, аккуратной бородкой, выбежал из дома навстречу гостям с криками радости, обнимая каждого из гостей по очереди:

– Вот, молодцы, мои ребятки! Не зря же я вас послал! Дождались-таки, привели! Лаодамант, здравствуй! Амфитрион, сын родной! Геракл, златокудрая ты моя отрада! Вот ради кого и вправду стоило жить на свете! Представь, слухи о тебе проникли и к нам, простым пастухам.

– Таким ли уж простым? – отвечал отцу Амфитрион с притворно-лукавой улыбкой. – Ведь как-то же вы узнали о нашем приезде?

– Случайно! Просто есть еще люди при тиринфском дворе, которые по старой памяти оповещают меня обо всем, что там происходит. Кстати, пеняю тебе, Амфитрион! Почему я узнаю о приезде сына таким способом, а не напрямую от него самого?

– Так ведь я знаю, что в это время тебя нет в городе. Не известно, куда к тебе гонца-то слать. Но мы, так или иначе, отыскали бы вас.

– Ладно-ладно, не оправдывайся! Перед отцом ты всегда виноват, – в шутку поругал Алкей своего сына. – Давайте лучше присядем. У нас как раз и еда подоспела.

У проголодавшихся с дороги гостей текли слюнки. Каждый из них получил по большой глиняной миске. Миски моментально наполнились отваром и куском мяса на косточке. Алкей вынес из дома кувшин со специально для гостей приобретенным вином – пастухи обыкновенно обходились родниковой водой. Каждый из фиванцев отметил, что давно уже не ел с таким удовольствием, на что все трое получили приглашение от персеева сына приезжать в их края почаще. Впрочем, дела, предстоявшие гостям на завтра, не позволяли на долго расслабляться.

– Отец, если ты знаком с делами Сфенела, известно ли тебе что-нибудь о том, что он хочет от нас? – спросил Амфитрион.

– Боюсь, Амфитрион, я мало чем смогу помочь вам. До меня доходят лишь сведения о том, что брат не в себе из-за дел с Критом.

– Что случилось?

– Да вот, говорят, что Минос грозит закрыть нам критские рынки. Тогда придется плавать по маленьким островам, а там все продают в тридорога.

– Это серьезно. А что же такого Сфенел натворил?

– Ну как, он ведь отца Алкмены от морских дел отстранил, передал все в руки молодых. А у тех то корабли потонут, то грузчики в порту товар побьют, то, бывает, привезут товар на Крит, а оказывается, что его вдвое меньше, чем требовалось. Впрочем, нет порядка в делах. От того критяне и недовольны. А что вам написал Сфенел на письме?

– Да вообще, пустым было его письмо. Он предлагает нам дружбу, но непонятно, на какой почве. Наши интересы никогда не соприкасались.

– Значит так, еще раз, по моим сведениям, брат сейчас серьезно озабочен Критом. О ваших фиванских делах мне известно одно: он пришел в бешенство, когда узнал, что к ним причастен Геракл. Еще мне известно, что он не мало сил приложил к тому, чтобы разузнать о тебе побольше, – Алкей показал на Геракла пальцем. – Так что, будьте готовы все трое и ты, Геракл, в особенности. Думаю, что Фивам как городу он мало что может предложить, – ему сейчас не до вас, – но тебя лично он будет всячески испытывать. Не поддавайся ему! Да еще, имейте в виду вот что. На суше у Тиринфа все отнюдь не так плохо, как на море. Есть толковые военачальники, и потому Сфенел имеет вид на Микены.

– То есть, как?

– Так. Задумывается о войне. Быть может, не сейчас, но в будущем, в течение лет десяти.

– Вот это новость! Ну спасибо, отец! Кроме как через тебя, мы едва ли об этом узнали бы.

– Так я же говорю вам, приезжайте чаще. Слава Фив гремела бы уже далеко за морями, имей вы меня своим постоянным осведомителем, – Алкей подмигнул правым глазом Лаодаманту.

– Ну и для тебя дорога на север открыта. Мы тоже всегда рады тебя видеть.

– Нет уж, друзья, – сказал Алкей, тяжело вздыхая, – столь далекие странствия для меня уже в тягость. После того, как умерла Астидамия, я стал как-то особенно привязан к этим местам.

– Как там Анаксо? Не жалеешь что отдал ее за Электриона?

– Нисколько! Электрион ведь не то, что я – любой юноша позавидовал бы его оборотливости.

– Просто, как мне показалось, не все у них шло гладко.

– Что правда, то правда. Было такое время, но давно прошло, к счастью. Тогда Электрион был все еще в нерешительности после ухода с царской службы, один без сыновей, так что в начале ей было тяжело. Но, как он сам мне признался, именно Анаксо вернула его к жизни. Теперь он полон сил, его собственные корабли ходят теперь снова на Крит, и он собирается строить новую гавань аж где-то вон там, за горами, чтобы не зависеть от Сфенела и его молодой братии.

– Вот, молодец!

– Да, мальчик их растет, ему уже двенадцать лет: и корабельному делу учится, и меч уже очень уверенно держит в руке. Так что у Алкмены снова есть настоящий брат.

– Жаль только, она с ним совершенно не знакома. Она видела его совсем малышом.

– Так а что же вы не взяли ее с собой? Она замечательно провела бы время с Анаксо.

– Ну мы, все же, по делам...

– По делам, по делам... – негодовал Алкей, – ну хоть до послезавтра остаться не помешают вам дела ваши?

– Не помешают, – ответил Амфитрион.

– Это хорошо. Я договорился с Электрионом. Он ждет нас всех у себя. Там-то и увидишь и свою сестру и ее мальчика. А теперь, друзья, раз уж вы тут по делам, давайте-ка будем спать. Вам завтра ко двору. Надо себя в порядок привести. Мои ребята вырыли тут купальню на ручье: можно почти в полный рост стать. Водичка чистая, ключевая. Завтра с рассветом покажу вам. Прошу прощения, – стал оправдываться старик, увидев сморщившееся лицо Лаодаманта, – но у меня тут не царский дворец. Я знаю, что твое тело носит царственную отметину, но, поверь, здешним нимфам до нее нет дела: и меня, персеева сына, и простых пастухов они любят одинаково. Спать тоже придется не в царских покоях. Над головой либо соломенная крыша, либо звездное небо – выбирайте.

Пастухи Алкея вместе с Клитом уже давно спали несмотря на неутихающие и довольно громкие разговоры. Гости разобрали оставшиеся ложа: для них предусмотрительно оставили три, расположенных одно над другим. Сам же хозяин лег на улице. Геракл взобрался на самый верх. Он обдумывал все, что услышал от деда, и не мог взять в толк, чем же руководствуется Сфенел, отстраняя от управления людей, способных принести городу большую пользу. Потом он вспомнил про змеиный укус. «Нет, эти горгоны, – думал он, – все же не плод воображения. Меня эта змея пыталась укунить в ногу, а вот Сфенел ужален не иначе, как в самое сердце. И как же это старик Персей, который сам с этими горгонами бился, не досмотрел? У себя-то под носом...»

Глава 6.

Твердыня Тиринфа, представшая в лучах утреннего солнца, произвела на Геракла неизгладимое впечатление. Она возвышалась практически на ровном месте совсем недалеко от моря. Здесь не одна стена защищала город. Стены были организованы причудливым образом, замыкая собой разные его части. Прием, который Геракл применил при захвате Орхомена, здесь бы не сработал, – это юный герой понял сразу: беспрепятственно пробежать от одних ворот до других было нельзя. Дворец тоже превзошел величиной и великолепием все, что Геракл видел раньше.

Переговоры оказались, как ожидал и Амфитрион, и его отец, малосодержательными. Сфенел принял гостей с приличествующей царскому дому обходительностью, но без теплоты, с которой обычно встречают родственников. Из существенных вопросов было поднято три. Сначала царь долго убеждал Амфитриона, что союз с Тиринфом куда выгоднее для Фив, нежели союз с северными миниями. Фиванский военачальник отвечал на это, что еще несколько месяцев назад их город был бы счастлив иметь союзников в Пелопоннесе, но теперь, когда у них в составе области есть Орхомен и с ним большое число миниев, союз с северным соседом для Фив куда важнее, ибо многие южные минии имеют родственников на севере. Затем, Сфенела волновали связи Фив и Кекропии. Амфитрион заверил его, что поставка луков была осуществлена усилиями одного частного лица, имя которого должно быть ему, Сфенелу, известно. Сфенел подтвердил, что располагает сведениями о Феспии. Далее, царь Тиринфа поинтересовался о том, правда ли, что Креонт решил не передавать власть потомку Кадма, а сделать после себя правителем Геракла. Когда же в ответ Амфитрион сказал, что это чистая правда и заметил, что царь Тиринфа, несмотря на значительную удаленность, хорошо осведомлен о фиванских делах, Сфенел встал и, подойдя к Гераклу, пожал ему руку. На этом переговоры были завершены. Юный герой все внимательно слушал. Лаодамант откровенно зевал, ибо плохо спал ночью.

Во время обеда не произошло ничего примечательного. После трапезы гостей повели на стены. Сфенел с гордостью показывал новые укрепления, сделанные по его приказу. Амфитрион напоминал о том, как все было раньше и что делалось на его памяти. А вечером для гостей был устроен пир, на котором Амфитрион познакомился с тиринфскими военачальниками и убедился в правоте отца: свое дело они знали хорошо.

Для троих юношей царь приказал накрыть отдельный стол: Лаодамант, Эврисфей и Геракл возлежали в небольшой комнате. Сын Сфенела принялся с увлечением рассказывать о Крите, о богатствах его дворцов, с которыми ни в какое сравнение не идут ни микенский дворец, ни тиринфский. Рассказывал он и о куда более дальних плаваниях, когда в течение нескольких дней кругом не видно ни одного острова и вообще никакой земли. Где-то далеко на западе, говорил он, нашли они большой остров, горы на котором полны меди. Во всяком случае такого обилия рудознатцы не видели больше нигде. На этом острове ему, Эврисфею, удалось однажды побывать, но еще дальше на западе есть столь же обильные земли, о которых он только слышал. Юных фиванцев завораживал рассказ сфенелова сына. В Фивах в те вре-

мена о таком, конечно же, и мечтать не могли. Геракл расспросил Эврисфея обо всем: сколько плыть до этого самого острова, какие земли встречаются по дороге, есть ли на острове туземный народ. Оказалось, что остров, по всей вероятности, совершенно безлюден. Эврисфей не мог сказать наверняка, потому что тиринфяне сами только-только начинали остров осваивать.

Дальше речь зашла о вине и о способах приготовления пищи. Этот разговор с удовольствием поддержал Лаодамант. Он похвастался перед Эврисфеем угрем из Копайды, – такого лакомства действительно в Пелопоннесе не знали. В свою очередь сын тиринфского царя заметил, что у них лучше, чем где-либо, умеют делать козий сыр. Лаодамант охотно признал это, взяв с тарелки очередной белый кубик и запив вином. Не обошел Эрисфей вниманием и то, что делал Геракл у Феспия. Тут фиванцы впервые узнали о том, какая молва пошла по свету об амфитрионовом сыне и изумились. Эврисфей этому изумлению не поверил, сочтя его за проявление скромности.

Потом он расспрашивал гостей о воинских делах. Молодой персеид не мог взять в толк, как Геракл решился вот так, не имея оружия и никогда раньше не бывав в битве, дать бой уверенному в себе и подготовленному врагу. На его, Эврисфея, взгляд это было чрезвычайно рискованным предприятием: ведь что-то где-то могло сорваться, и тогда... Но еще более безумным по мнению Эврисфея было то, что расстреляв и уничтожив войско Эргина, фиванцы пошли на штурм враждебного города. Это он счел особенной дерзостью – ведь уже и так им, фиванцам, выпало сполна счастья. Геракл не находил толком что ответить. Он признавал, что со стороны то, что он делал, действительно выглядело как подобие безумия, но о каком-то ином образе действий он и теперь, по прошествии времени думать не мог. Ему грозила выдача врагу, – объяснял он Эврисфею, – и практически неминуемая позорная казнь. Да и положение Фив было хуже некуда. Так что, потерпев поражение, Геракл, да и все фиванцы едва ли в чем-нибудь потеряли бы. Лаодамант все подтвердил.

Сын Сфенела стал проникаться уважением к будущему правителю Фив, но все же не мог отделаться от мысли, что тот – просто-напросто счастливец, баловень судьбы. Будучи уже изрядно навеселе, он приказал вынести из комнаты стол и ложа и предложил юному герою бороться. Геракл долго не соглашался, ссылаясь на то, что борьба на твердом полу может быть опасна, но в конце концов дал свое согласие. Оказавшись не единожды положен на лопатки и получив несколько болезненных ушибов, Эврисфей признал себя побежденным. Теперь он понимал, что, выступая против Орхомена, Геракл опирался на настоящую силу.

Ложа и стол внесли обратно. Вино и время, проводимое в беседах, потекли дальше. Юный герой уже стал с облегчением подумывать о том, что Амфитрион и Алкей наверное все же оказались неправы, – никакого испытания со стороны тиринфян ему, Гераклу, до сих пор сделано не было, а день уже близился к концу. Сотрапезники уже не раз хотели расхотиться, но всегда отыскивали новый повод, чтобы выпить очередную чашу, и тут Эврисфей, наконец, решился заговорить с Гераклом о том, о чем хотел заговорить с самого начала:

– Скажи, Геракл, тебе нравится у нас? – спросил он.

– Конечно! Ваш город прекрасен, – ответил юный герой.

– Вот скажи мне, только честно, не таясь: что ваши Фивы в сравнении с нашим Тиринфом?

– В Фивах я знаю каждый уголок, знаю окрестности, знаю людей, и люди меня знают. Одним словом, Эврисфей, в Фивах я – настоящий царь.

– Настоящий царь Фив сидит рядом с тобой. Не так ли? Это его предки столетиями были царями на Кадмее. А ты, ты, Геракл, – тиринфянин! И посмотри на наш город: мы ходим в такие далекие моря, куда Фивы еще и носа не совали. Наши стены, я слышал, втрое выше ваших. Мы готовим поход на Микены и тогда в скором времени вся торговля с Критом будет в наших руках! Это будет такая мощь, какой еще не было в ахейском мире, понимаешь? И ты, как потомок Персея, имеешь полное право быть ей приобщенным. А людей ты узнаешь – я

познакомлю тебя с теми, с кем надо. И по окрестностям проведу. В три дня ты будешь в курсе всех наших дел.

Лаодамант заволновался. Отяжеленный выпитым вином, он почувствовал, как виски его застучали. Яснее ясного было, к чему клонит Эврисфей. Прояви Геракл слабость и прими он предложение сфенелова сына, над ним, кадмовым потомком, снова повисло бы бремя царства, но, к счастью для него, юный герой был в своих намерениях тверд:

– Прости, Эврисфей, но я не верю тебе, – сказал он. – Для того ли мои деды, Алкей и Электрион, отстранены от тиринфских дел, чтобы я был к ним приобщен?

– Забудь о стариках, брат! Мы с тобой рождены в один день, чтобы править вместе! Ты ведь видел сегодня с крыши дворца залив? Вот представь, левая сторона будет твоей, а правая моей. Мы не будем чинить друг другу препятствия, а будем лишь сообща выступать против наших врагов.

– Нет, Эврисфей, у меня своя дорога. А та мощь, о которой ты говоришь... единственной ее целью я вижу благополучие Сфенела. Иначе он не отстранил бы от власти братьев. Да ведь и нас вы позвали только тогда, когда поняли, что Фивы, хоть и в отдаленном будущем, но все же могут представлять для вас угрозу.

– И все же, подумай еще раз, Геракл.

– Мне не о чем думать. Лаодамант, пойдем, нам завтра в дальний путь.

Несколько одутловатое лицо Эврисфея враз обмякло.

– Как? Вы больше не останетесь? – спросил он.

– Нет, нам в самом деле пора. Благодарим тебя. Мы хорошо провели время.

– Ну что же, счастливо!

– Доброй ночи!

Изрядно утомленные, Геракл и Лаодамант пошли по запутанным коридорам дворца к своим покоям. Юноши и вправду наслаждались обществом Эврисфея, ибо рассказывал он интересно и увлекательно о том, о чем в Фивах они ни от кого не могли узнать. Но для Геракла эта последняя выходка с предложением тиринфского царства испортила все. Впрочем, юный герой не знал еще, какое испытание уготовил ему самолично и даже в тайне от сына царя Тиринфа Сфенел.

Уже почти у самых дверей гостевых покоев Геракла и Лаодаманта окликнул какой-то щупленький человечек. Фиванцы узнали его: он присутствовал на переговорах и все время что-то записывал.

– Умоляю вас, подождите немного, – суетливо сказал он, – у Сфенела есть к вам какое-то дело.

Он выкрикнул сначала какое-то имя и вслед за тем: «Они здесь!» Из уходящего в сторону прохода донеслось шлепание убегающих ступней.

– Что случилось? – спросил Геракл.

– Право, не знаю, – ответил человек, – но умоляю вас подождать. Его сейчас позовут.

Вскоре из того же самого прохода послышались быстрые шаги и заколебался отражаемый стенами и приближающийся свет факела. Подошедший Сфенел выглядел несколько взволнованным.

– Вот, Сфенел, как ты просил, фиванские гости, – заискивающе сказал царю щупленький человечек. В высшей степени неуверенно он пытался изобразить удовольствие от исполнения каждого приказания.

– Хорошо. На сегодня ты свободен, – ответил ему Сфенел.

Человечек удалился в том направлении, откуда пришли Геракл с Лаодамантом.

– Геракл, у меня дело к тебе, – сказал царь.

Юный герой обратился к кадмову потомку:

– Я скоро вернусь.

– Прости, что забираю у тебя друга, – извинился Сфенел перед Лаодамантом и пожелал тому приятных снов.

Геракл же вместе с сыном Персея направился по боковому проходу.

– Что все-таки случилось? С отцом все в порядке? – волновался юноша.

– Да, в порядке, в порядке... – ответил царь и посмотрел на гостя какой-то странной нервной улыбкой, – сейчас увидишь.

Шли они совсем недолго. В конце прохода они поднялись по ступеням, затем как-то оказались на открытом воздухе, но не на улицах города, а где-то на верхних этажах дворца. По этому открытому пространству они обогнули часть здания, снова вошли внутрь и поднялись еще выше. Эта лестница привела их ко входу в большой, прямоугольный и хорошо освещенный зал. Геракл едва успел осмотреться и полюбоваться искусной росписью, как Сфенел дважды громко хлопнул в ладоши. После этого началось настоящее действие. Через вход с противоположной стороны зала двумя стройными рядами начали заходить девушки. Они выстраивались вдоль боковых стен до тех пор, пока не заняли их и, вдобавок, еще и противоположную стену. Все без исключения девушки были одеты в белые платья, затянутые поясами. Стояли они строго по росту: ближе к Гераклу – те, кто пониже, и дальше, соответственно, те, кто повыше. В каждую из колонн были вкраплены по три старшие женщины. На них были темно-красные с золотой вышивкой платья. Прийдя на свои места, они вышли из общего строя, встав позади более юных участниц этой странной процессии.

В зале на некоторое время снова воцарилась тишина. Геракл был ошарашен и, в самом деле, не знал, как ему себя вести. Он вопросительно посмотрел на Сфенела. Царь сделал достаточно красноречивый жест, приглашая гостя пройти внутрь. Геракл сделал несколько шагов, но затем обернулся назад: Сфенел махнул ему рукой, чтобы тот, не боясь, продолжал движение. Юный герой принялся рассматривать девушек. Они были самые-самые разные. Наиболее высокие стояли у противоположного входа в зал. Одна из этих тиринфянок, смотревшая на Геракла сверху вниз, напоминала ему гостий из неведомых северных стран, которые время от времени останавливались в Фивах: она была голубоглаза и с волосами белее снегов Парнаса. Вот другая тиринфянка, ростом пониже и потемнее, с выраженной даже под платьем округлостью бедра и полными губками. Вот третья – стройная и светловолосая с легким рыжеватым оттенком и милыми веснушками. Рядом с нею – такая же стройная, но темная, чем-то отдаленно напомнившая Гераклу дочь Феспия Эрато. Все они были по-своему хороши, от каждой исходил свой круживший голову аромат. Как показалось Гераклу, платья у всех девушек были одеты не на хитон, а на голое тело. При этом, их взгляды мало соответствовали созданной их красивым выходом торжественной обстановке. Они боялись встретиться глазами с Гераклом и вообще, как ему показалось, были невеселы.

– Я слышал от моего учителя Лина, – сказал юный герой, обойдя круг и вернувшись к Сфенелу, – что на каких-то островах так выстраивают хор. Они что будут петь?

Со своей стороны сын Амфитриона не сомневался в том, что петь эти девушки не будут. Но для чего же тогда собрал их царь в этом зале?

– Они хотят порадовать тебя, Геракл, а как, об этом ты сам у них и спроси, – попытался ободрить недоумевающего юношу Сфенел, но его улыбающееся лицо сохраняло какую-то странную неуверенность. – Ну, смелее!

Гераклу ничего не оставалось, как обратиться к девушкам. Чтобы далеко не ходить, он направился к одной из самых маленьких тиринфянок. Как и сам сын Амфитриона, она была огненно-рыжей. Особенно отличали ее необыкновенно добрые светло-зеленые, как весенняя листва, глаза. Едва поняв, что Геракл собирается заговорить с ней, она испугалась, покраснела и опустила взгляд.

– Как твое имя? – спросил юноша со всем возможным участием, видя ее смущение.

– Я Метанира, дочь Амафонта, – ответила девушка.

– Амафонт – один из наших виднейших торговцев, – раздался от входа голос Сфенела.

Прислушавшись к нему, Геракл лишь слегка повернул голову в его направлении, но быстро вернулся к своей собеседнице.

– Скажи мне, Метанира, – спросил он снова, – для чего вы собрались здесь и как хотите меня порадовать?

Девушка отвечала неохотно, медленно и явно заученными словами:

– О Геракл! Нам известно, что люди называют тебя сыном бога... Потому... для нас большая честь видеть тебя здесь. Я и мои подруги, – тут Гераклу показалось, что Метанира едва ли не всхлипнула, – мы готовы подарить тебе свою невинность и исполнить любое твое желание.

Пока несчастная Метанира открывала Гераклу цель этого представления, Сфенел осторожно, чтобы не спугнуть ни девушки, ни фиванского гостя, приблизился к ним.

– Как это понимать? – обратился Геракл к царю.

– А что? Разве Метанира недостаточно ясно объяснила? Мы собрали для тебя сто девушек из самых знатных семейств нашего города. Ты волен выбрать любую из них или нескольких или всех вместе, хочешь – по отдельности, хочешь – сразу. Как тебе будет угодно.

– Сфенел, могу я сказать тебе пару слов наедине?

Юноша вывел из зала сына Персея. Внутри у него все клокотало, но он понимал, что впрямую рассердиться сейчас было бы неуместно.

– Послушай, Сфенел, – сказал царю Геракл, когда они спустились на несколько ступеней по темной лестнице, – я знаю, что, находясь в гостях, невежливо отказываться от угощений и даров. Но этот подарок я в самом деле принять не могу.

– Как так? – возмутился Сфенел. – Ведь я узнавал, и мне стало известно, что, находясь у Феспия, ты...

– Все верно, – прервал Геракл речь царя, не желая, однако, его переубедить. – Твои люди тебя не обманули, но, как говорят, товар не по купцу.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что в Фиваиде в деревнях девушки краше. А уж про тех, что показываются при дворе Креонта, я и вообще молчу. Я не хотел говорить при твоих тиринфяках.

– Как так?

– Ну так. Приезжай к нам в гости – убедишься сам, – пригласил он царя, хорошо понимая, что тот не приедет. – Да и подарками мы уже обменялись, и мне как-то... не с руки...

– Понимаю, но все же...

– Сфенел! Я надеюсь, что ты в самом деле понял меня. Скажи, что я плохо себя почувствовал, устал или еще что-нибудь. А то они ведь все сгорают от желания, – ехидно улыбнулся юноша. – Счастливо тебе!

Прийдя в свои покои, Геракл поднял уже засыпавшего Лаодаманта. Затем, они вместе подняли Амфитриона, и уже втроем – давно видевшего сны Клита. Юный герой ни мгновения больше не хотел оставаться в этом доме. Далеко за полночь фиванцы достигли хижины Алкея. Там все поначалу перепугались, ибо посреди ночи собаки подняли необычно громкий лай, но в итоге были рады снова видеть у себя столь редких и столь дорогих гостей. Этот долгий-предолгий день закончился для путников там же, где и начался.

Засыпая, Лаодамант благодарил богов за то, что Геракл выдержал все испытания и теперь вернется со всеми в Фивы. Амфитрионов же сын в душе посмеивался над Сфенелом. «Да..., – думал он, – в делах Эрота все же нету на свете мужа искуснее кекропийца Феспия.»

Глава 7.

Следующий день фиванцы вместе с Алкеем, как и предполагалось, провели у Электриона. Тот жил в городе Мидее, что между Тиринфом и Микенами. Дом его был, конечно, не как пастушеская хижина амфитрионова отца, но все-таки тоже очень и очень скромным. Далеко не бедный Электрион объяснял это тем, что его любимые дома плавают по морю. Путешествия были его страстью, разделяемой так же и Анаксо. Бесстрашно, даже с грудным ребенком на руках, сопровождала она его всюду – и на Крит, и на тот, пока безымянный остров, о котором рассказывал Гераклу Эврисфей, и в Италию и в куда более дальние как западные, так и восточные моря и земли. Уйдя с царской службы на вольные хлеба, Электрион стал без опаски плавать всюду, а не только по налаженным городом связям. Так что фиванцам было о чем с ним потолковать.

Его и Анаксо сын впитал запах моря и корабельной сосны даже не с молоком матери. По словам родителей, он был зачат на корабле во время одного из плаваний. Так вот этот двенадцатилетний Иолай – так звали сына Электриона – тоже подпал очарованию Геракла. Совсем юный и столь щедро одаренный юноша, уже побывавший в битве и получивший первый удачный опыт начальства был, конечно, примером для мальчика. Иолай рассказывал Гераклу о путешествиях с отцом и матерью. Глубокое не по годам знание дела сочеталось у него с детской увлеченностью: он не только знал многое о тех странах, где ему удалось побывать, о расстояниях и длительности пути в то или иное место, об опасностях, подстерегающих путника, о неблагоприятных ветрах, течениях, мелях, – помимо этого он изумлялся тому, что в своих путешествиях нигде и никогда они не встречали края земли: больше того, всюду от местных племен они узнавали об их еще дальше живущих соседях. Ничтожными показались Гераклу сведения из рассказа Эврисфея, взгляд сфенелова сына – мелочным в сравнении со взглядом этого почти еще совершенного ребенка. Почувствовав в Иолае родственную душу, юный герой поведал ему о странах, куда нельзя доплыть на корабле и дойти посуху, странах, в которые душа человека попадает после смерти и в которых живут боги. Это вызвало у слушавшего с раскрытым ртом сына Электриона массу вопросов, отвечать на которые Геракл отказался, сославшись на то, что он уже и так рассказал очень многое и что ему, Иолаю, надо сначала это хорошенько обдумать.

Рассказ Геракла полностью занял воображение мальчика на несколько недель. Геракл и Иолай расстались друзьями. Они писали друг другу письма, но о тех странах, где Геракл побывал вместе с Афиной, не говорили больше никогда до их встречи в Иолке. Юный герой не чувствовал в себе еще силы всерьез учительствовать – напротив, он жаждал еще учиться сам.

Не в последнюю очередь по этой причине решил он захватить на обратном пути в Фивы в храм Матери Земли, у которого спускалась с Киферона к морю дорога из родного города. Проведя последнюю ночь в Пелопоннесе в доме Электриона и поблагодарив хозяина и молодую хозяйку за гостеприимство, фиванцы рано утром сели в свою повозку. К полудню они были уже на перекрестке у Мегар, где, как и на пути в Тиринф, подкрепили свои силы нехитрым обедом. До святилища оттуда было совсем недалеко. Миновав могилы героев похода Семерых, Клинт остановил повозку в тени раскидистого платана. Там все путники решили вздремнуть кроме Геракла, который, как и хотел, направился к храму.

Здание этого храма было небольшим и, как казалось Гераклу, не соответствовало той молве, которая об этом храме ходила. Плоская крыша, низенькая колоннада и узкая лестница, идущая ко входу, виднелись уже с дороги. Подойдя ближе, он увидел несколько неизвестных ему алтарей. У одного из них, сложенного нарочито из темного камня были в большом количестве набросаны свежие плоды граната. Геракл уверенно направился к лестнице, поднялся и два раза дернул дверь, но она была наглухо закрыта. Юный герой осмотрелся. Вход в святилище был обращен к морю. Священный участок окружали редко насаженные низкие плодовые деревья, за которыми до самого обрывистого берега раскинулись уже убранные поля. Чуть

поодаль вдоль моря стояло совсем небольшое поселение, вероятнее всего, для служителей и посетителей храма. Лишь со стороны дороги к храму примыкал тенистый сад, на самой окраине которого укрылись от полуденного зноя фиванские путники.

Мимо этого сада и вошел Геракл на территорию святилища с намерением поговорить с кем-то из жрецов, но, к несчастью, участок был совершенно пуст, а дверь храма – заперта. Тогда юноша не нашел ничего лучше, как зайти в сад: от лестницы к нему пролегла узенькая дорожка. В саду тоже никого не было. Побродив там по разделенным кустами закуткам со столами и скамейками, Геракл наткнулся на довольно странное место. Все в этом саду было довольно обычно кроме него. На том месте стояли четыре больших, почти по пояс высотой, каменных куба. На двух из них сверху были укреплены расписанные чаши. На содержание росписей Геракл не сразу обратил внимание. Ему только бросилось в глаза, что сделаны рисунки были совершенно по-разному. Побродив еще немного, он неожиданно для себя вышел к стене храмового здания, а точнее, к находившейся в ней боковой двери. Эта дверь в отличие от той, к которой вели ступени была намного ниже человеческого роста. Казалось, что задумавший ее рассчитывать, что тот, кто пожелает проникнуть внутрь запертого храма, просто не найдет ее. Взявшись за дверную ручку и раздумывая заходить или нет, Геракл вдруг почувствовал, что его тянут вперед.

Испугавшись, что нарушил священный покой, юноша отдернул руку. Из двери показалась женская голова, покрытая наброшенной на нее накидкой. Увидев незнакомца, женщина в пышном, вероятно, жреческом одеянии, сначала вздрогнула от неожиданности, а затем, приотворив за собой дверь, всем своим телом довольно грубо оттолкнула его.

– А я думала, это ветер стучит дверями, – сказала она будто бы в сторону и строго спросила, показывая на надпись слева от двери: – Неужто ты читать не умеешь? А я ведь каждого посвященного знаю в лицо.

Геракл оторопел от такого приема. Впрочем, он чувствовал себя отчасти виноватым: надпись-то он действительно не заметил, а она, ни много ни мало, под страхом смерти запрещала вход в эту часть храма непосвященным в мистерии Дочери.

– Прости меня, – отвечал юноша, – Я очень хотел с кем-то поговорить.

– Быть может, ты сначала назовешь себя? – снова спросила женщина.

– Да, конечно. Я – Геракл, сын Амфитриона, фиванец. Держу путь из Тиринфа. Поверь, намерения мои самые добрые.

Геракл явственно ощутил перемену в лице этой жрицы. Ее насупленные брови в миг распрямились, и без того большие глаза растворились еще сильнее, уста приобрели мягкость, свидетельствующую о благоволении к гостю.

– Тот ли ты Геракл, о котором ходит множество слухов? – спросила жрица.

– Слухи обо мне ходят, это я уже знаю. Мне интересно, что же достигло твоих ушей?

– Разное. Но между прочим говорят, что твой отец – едва ли не сам вседержитель Зевс.

– Чтобы ответить тебе на это, о женщина, я должен знать, кто ты, – сказал Геракл.

– Я – Диотима, главная служительница храма Матери Земли. Не желаешь ли присесть?

Так удобнее вести разговор.

Она жестом пригласила Геракла за один из столиков в саду, и он принял ее приглашение. Когда они сели друг против друга, Диотима положила на стол кисти рук. Они единственные выдавали ее не слишком молодой возраст. В остальном же, она казалась не девой и не старухой – женщиной в самом расцвете, каковою все и представляли ее богиню. Глаза ее, то отливавшие темной-темной зеленью, то вдруг неожиданно буревшие, были мудры и ясны. Накидка на голове скрывала пышные, убранные в пучок темноватого оттенка волосы. Кожа на лице, шее и руках до запястий будто излучала слабый, набранный от солнца белый свет.

– Ну что ж, коль ты здесь главная, – начал разговор Геракл, – мне нет смысла скрываться. Я – действительно сын Зевса. Скажи мне, Диотима, от чего в твоём храме пусто? Сейчас ведь едва за полдень, и солнце ещё очень высоко.

– Больше недели, Геракл, мы справляли Нисхождение Дочери. Служители и служительницы работали день и ночь, не покладая рук, потому сегодня я всех отпустила.

– Но сама ты не отдыхаешь. Почему?

– Потому что всякий раз после Нисхождения для меня наступают трудные дни.

– Что же тебя тяготит?

Диотима опустила голову и сложила руки в тихой молитве. Через некоторое время она сначала подняла глаза, посмотрев на юного героя исподлобья, и лишь затем разогнула шею.

– Ответ на твой вопрос, Геракл, заставлял бы меня нарушить тайну мистерий, – отвечала она, улыбаясь, – но, видимо, называющие тебя сыном бога, правы. Богиня не против раскрытия тайны тебе. Она говорит, что ты и так все знаешь.

У юноши загорелись глаза. История о Дочери богини, которую ему вкратце поведал отец на пути в Тиринф, показалась ему в самом деле очень похожей на историю Персефоны.

– Быть может, это и правда, – сказал он. – Так ты расскажешь?

– Хорошо, пойдем.

Диотима встала и подвела Геракла к большим каменным кубам.

– Смотри, – сказала она, присев на корточки и показывая на первую из чаш, – это Дочь нашей богини, а рядом с ней – это ее сестра.

На чаше были действительно нарисованы две женские фигуры. Роспись была совершенно безыскусной, если не сказать, грубой. Художник, делавший ее не знал другого способа изображения кроме тонких линий – ими намечались контуры тел и ими же тянулись от тела конечности. Дети на песке рисуют примерно так же.

– Можно узнать, сколько лет этой чаше? – спросил Геракл. – Ведь так не рисуют наверное уже очень давно.

– Этого никто не знает. Ни моя предшественница, ни предшественница моей предшественницы не знали, когда она появилась у нас. Все, что я знаю о ней, как и о другой чаше, – это то, что в разное время, но много столетий назад, их привезли к нам критяне. Обрати внимание на этот цветок. На следующей чаше Дочь держит его в руках, но теперь она увлекается под землю темным бородатым богом.

Вторая чаша была выполнена с заметно большим искусством. Мужское и женское тело хорошо различались, формы и одежда прорисованы объемнее и только лица были еще недостаточно определены.

– Диотима, теперь я вижу, что твоя богиня не ошиблась. Мне кажется, я знаю и ту, что ты называешь Дочерью, и ее сестру. Я видел их.

– Где же? – вставая и направляясь обратно к столу, спросила жрица.

– Дочь я видел в том самом подземном царстве, куда увлек ее бородатый бог, в Аиде.

– Как так? – Диотима прикрыла рукой рот от испуга. – Ты был там один?

– Нет, конечно нет. Я был ведом сестрою.

Жрица облегченно вздохнула.

– Ты порядком напугал меня. Так что же ты скажешь о Дочери?

– Она проводит в Аиде треть года, помогая страждущим душам. Ни стражники, ни тамошний царь больше над нею не властны. Так рассказала мне ее сестра.

– А что же она делает в остальное время?

– Готовится к следующему Нисхождению, набирает силы.

– Вот оно что... – задумалась Диотима. – Понимаешь ли, Геракл, тайна наших мистерий состоит в том, что с какого-то времени Дочь стала нам являться в день Нисхождения, когда, как мы считаем, она была похищена.

– А как давно это стало случаться?

– Ты, должно быть, был в то время еще ребенком. Девятнадцать лет назад. Тогда была жива еще моя предшественница. И через какое-то время к нам снова прибыли критяне и привезли еще одну чашу.

– Я помню этих людей. Мы всей семьей переезжали тогда из Тиринфа в Фивы, а их корабль налетел на мель, и они не могли подойти к святилищу. Мы подвезли их.

– Верно-верно, их привезли на нагруженной всяким скарбом повозке. И мальчик там был. Мне сразу понравилась мать этого семейства. Она была одной из первых, кого я уже сама посвящала в мистерии. Точно-точно, Алкмена, дочь Электриона, родом тиринфянка, ныне живущая в Фивах. Кто бы мог подумать, что у нее такой удивительный сын! Так вот, – продолжала служительница, – те критяне тоже говорили о том, что Дочь освобождена, и потому является нам. Но я не понимала, почему мы тогда должны по-прежнему справлять Нисхождение. Теперь благодаря тебе я знаю.

Геракл не знал, что ответить радующейся Диотиме. Он лишь неотрывно смотрел на нее: ему казалось, он понял, что за свет исходил от нее – через нее светила сама Персефона. Впрочем, безотчетная радость ее длилась недолго. Свет как будто-бы притух. Видимо, что-то должно было ее тяготить.

– Знаешь, что меня удивляет, Геракл? – вдруг спросила она. – Почему появляется столько новых богинь?

– А что в этом удивительного?

– Вот, послушай. Каждая главная служительница Матери Земли должна совершить путешествие на Крит. Совершила его в свое время и я. И вот, что рассказывают тамошние служители моей богини. Когда-то давно люди не возделывали землю, не знали металлов, не плавали на кораблях. Все, что им было нужно – это добыть себе пропитание и продолжить свой род. Из богинь они почитали лишь одну Великую Мать. Рожавшая детей мать оставалась владычицей и на земле. Но затем люди узнали металл, подняли паруса и вспахали борозды. Править племенами стали мужчины, и тогда люди узнали и богов-мужчин, в числе которых и твой отец Зевс. Вот я и не знаю, для чего же появляется столько новых богинь-женщин?

Диотима посмотрела какое-то время на Геракла, затем опустила глаза, словно в раздумье, и снова продолжила:

– И еще, на Крите рассказывают, что где-то сохранились женщины, так и не смирившиеся с главенством мужчин. Но чтобы сохранить свое племя, они вынуждены были стать столь же воинственными, как и мужчины: они носят медный панцирь, щит и меч и могут быть безумно свирепы в бою. Если же к ним в руки случайно попадет мужчина... нет, я лучше не буду этого рассказывать – да уберегут тебя боги от такого несчастья. Так вот, что я думаю, Геракл, не их ли время сейчас настает?

– Знаешь, – почти незадумываясь отвечал юноша, – сестра Дочери являлась мне очень похожей: она носит и панцирь, и щит и к тому же очень умело правит колесницей. Меча только я не видел при ней никогда. Но она по ее же словам – душа нашего ахейского народа. Так что, если эти воинственные женщины, о которых ты говоришь, сунутся к нам, она должна быть на нашей стороне несмотря на внешнее с ними сходство.

– Твои слова, Геракл, внушают надежду. Я благодарна тебе. Для меня многое стало ясно.

– Я рад, что мог быть полезен тебе, Диотима. Мне пора продолжить путь, мои спутники ждут меня. Но прежде, скажи мне, ведь у тебя есть и третья чаша, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.